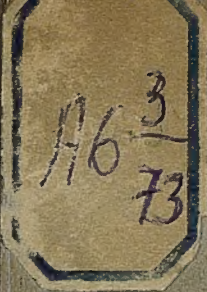

И. И. ЯНЖУЛЪ.

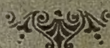
Изъ воспоминаній

и переписки

Фабричнаго Инспектора

перваго призыва.

Матерьялы для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачечный пер., 6.
1907.

И. И. ЯНЖУЛЪ.

Изъ воспоминаній

и переписки

Фабричнаго Инспектора

перваго призыва.

Матерьялы для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6.
1907.

Посвящается

старому другу и сослуживцу

Александру Григорьевичу

Неболсину.

СОДЕРЖАНІЕ

Глава третья.

стр.

Глава четвертая.

Приложеніе.

Предисловіе.

Настоящій трудъ не имѣетъ въ виду выставить знамя какой-либо экономической или политической партіи и съ ея точки зрѣнія трактовать столь важный и модный нынѣ фабрично-рабочій вопросъ; въ немъ авторъ старается лишь, на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ недавняго прошлаго, извлеченныхъ изъ его собственнаго опыта, какъ лица, непосредственно соприкасавшагося съ фабричнымъ міромъ, освѣтить тѣ стороны его, которыя ему хорошо знакомы и относительно которыхъ онъ можетъ сообщить нѣкоторыя небезынтересныя, а, можетъ быть, даже и важныя свѣдѣнія и соображенія.

Какъ читатель увидитъ изъ чтенія настоящихъ «Воспоминаній», наша фабричная инспекція въ начальной ея дѣятельности (въ которой авторъ принималъ именно личное участіе) имѣла преимущественно предотвращающее значеніе и носила характеръ опеки надъ рабочими, который всего болѣе и соотвѣтствовалъ нашему старому режиму, когда право соглашенія и союза для русскихъ рабочихъ совсѣмъ не существовало... Судя по послѣднему проекту новыхъ рабочихъ законовъ нашего Министерства Торговли, у насъ предполагаютъ теперь въ ходѣ развитія фабричнаго законодательства прямо перескочить къ характеру, напротивъ, чисто карательному, т. е. сдѣлать фабричную инспекцію органомъ лишь наблюдающимъ законъ, а не предупреждающимъ его нарушеніе, совершенно забывая, что для должнаго развитія

самостоятельности и самодѣятельности русскихъ рабочихъ еще потребуется продолжительное время, а не одно „быть по сему"...

Политику рѣзкаго перехода отъ прежней опеки фабричной инспекціи надъ рабочими къ проектируемой нынѣ чисто карательной ея миссіи авторъ считаетъ неправильной и опасной для Россіи, да и вообще, признавая наличность и даже неизбѣжность въ извѣстныхъ предѣлахъ борьбы между рабочими и капиталистами, онъ, однако, полагаетъ — и въ этомъ основывается на цѣломъ рядѣ фактическихъ наблюденій,—что многія изъ столкновеній на почвѣ экономическихъ интересовъ могли бы и нынѣ съ огромной выгодой для страны быть разрѣшаемы мирнымъ путемъ или предупреждаемы, именно съ помощью только вмѣшательства государства. По его мнѣнію, поэтому, важнѣйшей и, можно сказать, священной задачей государственной власти въ настоящее и ближайшее будущее время является не наблюденіе и регулированіе „классовой борьбы" и „классовыхъ интересовъ", а возможное умиротвореніе ихъ путемъ соглашенія, а равно устраненія всѣхъ поводовъ къ распрямъ и несогласіямъ рабочихъ и предпринимателей... „Худой миръ — лучше доброй ссоры"!... Серьезное значеніе и роль въ этомъ умиротвореніи, помимо развитія и учрежденія спеціальныхъ для того третейскихъ судовъ и промысловыхъ камеръ, можетъ имѣть именно широкое переустройство настоящей фабричной инспекціи, какъ естественнаго посредника между рабочими и хозяевами, въ духѣ соглашенія ихъ интересовъ... Но для этого требуется, разумѣется, чтобы наша инспекція кореннымъ образомъ порвала связь съ своими недавними традиціями и ея бывшимъ положеніемъ и пріобрѣла себѣ утраченное довѣріе и уваженіе обѣихъ сторонъ..., что является, конечно, дѣломъ весьма труднымъ, хотя и возможнымъ...

Сверхъ вывода о необходимости и важности крупной реформы инспекціи, настоящая книжка „Воспоминаній" стараго инспектора невольно обращаетъ вниманіе читателя и на другой важный вопросъ: какъ извѣстно, начало учрежденію нашей фабричной инспекціи положила забота государства о здоровьѣ и обученіи малолѣтнихъ рабочихъ въ 1882 и ближайшихъ годахъ. Весьма скоро, однако, стремленія къ упорядоченію быта цѣлаго фабрично-рабочаго класса устранили и заставили забыть судьбу малолѣтнихъ почти совершенно, и можно сказать утвердительно, что законы о занятіяхъ малолѣтнихъ рабочихъ весьма плохо исполняются и нынѣ даже мало публикѣ извѣстны, а постановленія объ обученіи ихъ сплошь не исполняются...

Между тѣмъ, несомнѣнно, вопросъ о трудѣ и обученіи малолѣтнихъ на фабрикахъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ имѣетъ крупное государственное и общественное значеніе и важность, прежде всего, потому, что государство, конечно, не можетъ, съ одной стороны, оставаться равнодушно къ сохраненію силъ и здоровья сотенъ тысячъ своего молодого поколѣнія; съ другой же—при поднятіи въ настоящее время вопроса о всеобщемъ обязательномъ обученіи всего русскаго народа, государство не можетъ не выдвинуть впередъ заботу о дѣйствительномъ настоящемъ выполненіи законовъ 1882 года относительно обученія дѣтей на фабрикахъ, гдѣ это всего легче сдѣлать, и вообще практическомъ осуществленіи всѣхъ забытыхъ законовъ восьмидесятыхъ годовъ о трудѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ.

Въ заключеніе, кромѣ двухъ вышеуказанныхъ выводовъ, имѣющихъ положительное значеніе (реформа фабричной инспекціи и фактическое осуществленіе законовъ о малолѣтнихъ), авторъ полагаетъ, что матеріалъ, сообщаемый настоящей книгой, даетъ достаточное количество данныхъ и

еще для третьяго важнаго вывода, уже отрицательнаго характера, а именно: „Воспоминанія“ показываютъ и научаютъ, чего не надо дѣлать, дабы не испортить и не затормазить великаго дѣла фабричнаго законодательства и надзора...

Авторъ.

С.-Петербургъ.

Ноябрь

1906 г.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Быстрая перемѣна въ положеніи рабочаго класса въ Россіи.—Недавнее отрицаніе рабочаго вопроса и настоящее преувеличеніе его важности.—Предшественники русскаго фабричнаго законодательства.—Коммиссія («Саблинская») Кн. В. А. Долгорукова и ген. А. А. Козлова.—Фабричные законы 80-хъ годовъ.—Реакціонное движеніе при И. А. Вышнеградскомъ.—Оправданіе подобныхъ «Воспоминаній».

Никто изъ современниковъ, я полагаю, не будетъ отрицать важное нынѣ значеніе рабочаго вопроса въ Россіи, еще вчера у насъ совсѣмъ не существовавшаго. Безполезно перечислять и указывать на всѣмъ извѣстные факты за послѣдніе годы о той крупной роли, которую этотъ вопросъ сыгралъ, напр., въ политической жизни Россіи: если рабочій вопросъ не создалъ, то во всякомъ случаѣ значительно подвинулъ у насъ ходъ т. н. освободительнаго движенія и борьбы противъ стараго государственнаго режима, а представители этого класса участвуютъ нынѣ дѣятельно въ рѣшеніи общихъ вопросовъ вмѣстѣ съ другими классами народа въ нашей Государственной Думѣ и въ печати.

Перемѣна въ положеніи рабочаго класса и отношеніи всего образованнаго общества къ рабочему вопросу, можно сказать, совершилась съ волшебной быстротой. Вопросъ этотъ быстро созрѣлъ въ общемъ сознаніи. На памяти многихъ современниковъ произошла означенная перемѣна, и еще вчера многія не только отдѣльныя лица, но цѣлыя оффиціальныя учрежденія рѣзко протестовали противъ первоначальныхъ,

очень слабыхъ попытокъ со стороны правительства, стремившагося въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка нѣсколько регулировать взаимныя отношенія рабочихъ и хозяевъ въ промышленныхъ учрежденіяхъ, стать до нѣкоторой степени на сторонѣ первыхъ и обуздать произволъ послѣднихъ, царившій почти на всѣхъ русскихъ фабрикахъ и заводахъ. Первые шаги установленной нами по образцу Запада фабричной инспекціи въ 1882 и послѣдующихъ годахъ для выполненія только что изданныхъ законодательныхъ попытокъ 1885 и 1886 гг. къ регулированію взаимныхъ отношеній рабочихъ и хозяевъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и къ установленію хотя бы нѣкотораго законнаго порядка вмѣсто прежняго полнаго произвола, какъ извѣстно, были встрѣчены со стороны нашихъ предпринимателей и капиталистовъ промышленнаго міра протестами, жалобами, наговорами и даже прямыми доносами на представителей новой инспекціи, призванной для надзора за исполненіемъ этихъ въ сущности справедливѣйшихъ и притомъ крайне осторожныхъ и скромныхъ мѣръ для защиты слабой тогда стороны въ борьбѣ съ произволомъ сильной. Почти одновременно (въ 1886—87 гг.) Московскій Отдѣлъ Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, Московскій Мануфактурный Совѣтъ (Отдѣленіе), а вслѣдъ за ними „Всероссійское купечество, торгующее на Нижегородской Выставкѣ“, обратились съ замѣной на министерскомъ посту Н. Х. Бунге И. А. Вышнеградскимъ, чувствуя новое благопріятное для нихъ теченіе, къ новому Министру Финансовъ съ ходатайствами по разнымъ своимъ дѣламъ, а кстати и съ жалобами на дѣятельность новой фабричной инспекціи, „требующей“,— говорится въ Докладной запискѣ „Всерос. купечества“,— „серьезнаго вниманія власти, въ виду многихъ несовершенствъ ея организаціи и по непригодности ея персонала, создающей излишнія и совершенно безполезныя затрудненія для русской промышленности“.

„Не прошло и года со дня открытія дѣятельности новаго института“,— продолжаетъ свою жалобу купечество,—„а уже Вашему Превосходительству извѣстно, сколько имъ возбуждено недоумѣній и вызвано непріятностей (??!). Русскіе промышленники, оглядываясь на долгое, спокойное и патріархальное прошлое русскихъ производствъ (??), смѣютъ думать, что они заслуживаютъ у власти бо̀льшаго довѣрія, чѣмъ то, какое имъ оказано введеніемъ стѣсняющаго какъ ихъ, такъ и ихъ рабочихъ, новаго фабричнаго закона, отдающаго часто цѣлое предпріятіе на милость и немилость лица, въ фабричномъ дѣлѣ совершенно некомпетентнаго и не имѣющаго ничего общаго ни съ интересами государства, ни съ нуждами промышленности. Ярмарочное купечество и производители не имѣютъ ничего противъ вмѣшательства государства во взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ (!!??); готовы привѣтствовать законъ, хорошо регулирующій эти отношенія, и его истолкователей, стремящихся водворить миръ, тишину и любовь въ фабричной семьѣ. Но они полагаютъ, что существующій законъ весьма мало приближается къ этому идеалу“... *).

Итакъ, административныя и коллегіальныя учрежденія предпринимателей и капиталистовъ всего только 20 лѣтъ назадъ еще вѣрили въ патріархальный бытъ фабрично-рабочихъ отношеній и, считая за чрезвычайное зло со стороны правительства внести даже тусклый свѣтъ законности въ мракъ сплошного беззаконія на русскихъ фабрикахъ, пови-

*) См. Злоба торговаго дня. Докладная записка торгующаго на Нижегородской ярмаркѣ купечества господину Управляющему Министерствомъ Финансовъ и отвѣтъ на неё. Изданіе В. А. Просина. Москва. 1887 Стр. 9 и 10.

Авторомъ этой записки, если вѣрить его собственному заявленію, былъ С. Шараповъ, который въ своей газетѣ «Русское Дѣло» (11 Марта 1890 г. № 8) сообщаетъ даже число сребренниковъ, которые онъ за нее получилъ (250 р.).

димому, совсѣмъ не грезили о возможности у насъ рабочаго вопроса на европейскій образецъ. Публицистика и наука въ лицѣ своихъ многихъ представителей дѣятельно поддерживала въ классныхъ интересахъ то же оптимистическое настроеніе, охлаждая и убаюкивая рѣдкія заботы правительственной власти объ улучшеніи быта рабочихъ классовъ и поднятіи всего ихъ легальнаго положенія. Такъ, напр., извѣстный академикъ В. П. Безобразовъ въ своемъ полуоффиціальномъ изслѣдованіи, напечатанномъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ по распоряженію Департамента Мануфактуръ и Торговли, неоднократно проводитъ мысль, что намъ де примѣръ Европы—не образецъ, такъ какъ „у насъ рабочій вопросъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ Западной Европѣ, еще не появился и могъ бы быть только искусственно возбужденъ въ умахъ рабочихъ бюрократическими вторженіями въ ихъ экономическія отношенія къ хозяевамъ, хотя бы даже съ благонамѣренными желаніями возвысить ихъ благосостояніе“ *). Въ другомъ мѣстѣ изслѣдованія г. Безобразовъ еще болѣе рѣшительно и рѣзко подтверждаетъ свою мысль, приписывая въ то же время тогдашней фабричной инспекціи чрезвычайную и совсѣмъ необычайную миссію или призваніе: „посреди возбужденія фабричныхъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ“,—говоритъ онъ,—„они (т. е. чины фабричной инспекціи) могли бы искусственнымъ образомъ создать у насъ т. н. рабочій вопросъ, пока не существующій въ Россіи“ *) (!?).

Всѣмъ извѣстно, какъ поразительно скоро измѣнились условія, роль и значеніе рабочаго класса и вопроса въ настоящее время въ Россіи, спустя какихъ-нибудь двадцать лѣтъ!.. Русскій рабочій классъ, или, какъ онъ неправильно себя теперь называетъ „пролетаріатъ“ (потому что большая

---

*) См. Наблюденія и соображенія В. П. Безобразова относительно дѣйствія новыхъ фабричныхъ узаконеній и фабричной инспекціи. Стр. 113, итата, стр. 115, 124 и др.

часть его еще связана съ землей и, слѣдовательно, не имѣетъ права именоваться ничего не имѣющимъ), сдѣлался своего рода великой державой въ Россіи, которая съ правительствомъ иначе не говоритъ, какъ бранно, съ угрозами, и въ своихъ многочисленныхъ „манифестахъ" и воззваніяхъ призываетъ нерѣдко къ возстанію противъ него. Насколько нашъ рабочій былъ недавно безправенъ и безличенъ и въ общественномъ мнѣніи приниженъ и забитъ, настолько онъ теперь ложно черезчуръ возвеличенъ и въ общественномъ мнѣніи и, главное, что опасно, въ своемъ собственномъ. На рабочихъ митингахъ, въ ихъ рѣчахъ, въ заявленіяхъ и воззваніяхъ нашъ рабочій классъ частенько отождествляетъ себя, безъ малѣйшаго на то права, со всѣмъ русскимъ народомъ, забывая или умышленно игнорируя всякія для того разумныя основанія. Пять-шесть милліоновъ постоянныхъ промышленныхъ рабочихъ, въ интересахъ техническаго прогресса даже не отрѣшившихся совсѣмъ отъ грубаго земледѣльческаго труда, разумѣется, далеко не представляютъ ни нуждъ, ни интересовъ государства въ 140 милліоновъ человѣкъ. Лишь въ припадкѣ Mania gloriosa и вслѣдствіе общей растерянности правительства и общества, подъ вліяніемъ колоссальныхъ разрушительныхъ забастовокъ, могли появиться на свѣтъ подобныя ложныя и самомнительныя утвержденія и заявленія, поддерживаемыя общей сумятицей и терроромъ революціи. Наконецъ, наши рабочіе, какъ и вся, впрочемъ, печать, забываютъ о крайней непрочности, такъ сказать, безпочвенности русскаго „пролетарскаго величія", судьба котораго всегда виситъ на волоскѣ (по крайней мѣрѣ для огромной отрасли промышленнаго труда), находясь въ полной зависимости отъ нынѣшнихъ высокихъ размѣровъ покровительственныхъ пошлинъ и нашей технической неподготовленности и незрѣлости. Съ великой политической реформой, которую Россія нынѣ переживаетъ, она можетъ и должна, по измѣнившимся эко-

номическимъ и политическимъ интересамъ, наклониться въ сторону большаго развитія свободной торговли и сокращенія своего стародавняго протекціонизма: ни весь земледѣльческій классъ или нынѣшнее крестьянство, ни разоренные помѣщики, ни, наконецъ, горожане, разумѣется, не нуждаются болѣе въ покровительственныхъ пошлинахъ, въ такой степени, какъ прежде, но имъ всѣмъ одинаково нужна дешевизна всѣхъ продуктовъ жизни и орудій труда, а все это, само собой разумѣется, иностранцы, при отсутствіи высокихъ запретительныхъ пошлинъ, могутъ доставить по болѣе сходной цѣнѣ и даже лучшаго качества, нежели, сравнительно слабые знаніемъ и капиталомъ, русскіе промышленники съ ихъ плохо обученными рабочими. „Улита ѣдетъ, скоро ли она доѣдетъ“; пока еще наши воздушные проекты о всеобщемъ обученіи и распространеніи образованія осуществятся, иностранцы его уже имѣютъ, какъ и всѣ другія условія для успѣшной промышленной конкуренціи.

Такимъ образомъ, наша промышленность находится въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ подъ постоянной угрозой сильнаго сокращенія и даже прямого краха: первое уже наступило вслѣдствіе неудачной войны и революціонныхъ смутъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, съ безпрестанными забастовками, обѣднѣніемъ средняго класса и закрытіемъ многихъ фабрикъ, при чемъ сами же рабочіе сыграли невыгодную для себя роль Гоголевской унтеръ-офицерской вдовы, которая „сама себя высѣкла“! Иностранные капиталы, вложенные въ русскія промышленныя предпріятія, какъ извѣстно, значительно у насъ сократились, а многіе милліоны русскихъ денегъ подъ страхомъ революціи уплыли и переведены заграницу. При всѣхъ этихъ условіяхъ, сколько нибудь значительное пониженіе у насъ покровительственныхъ пошлинъ и дальнѣйшіе заказы главнаго покупателя—правительства—заграницей непремѣнно приведутъ ко все большему и большему

упадку и сокращенію русской промышленной дѣятельности, а вслѣдъ затѣмъ упадетъ и спросъ на рабочія руки, а слѣдовательно, увы, есть основаніе думать, что въ общемъ народномъ хозяйствѣ Россіи скорѣе уменьшится, чѣмъ увеличится въ ближайшемъ будущемъ значеніе рабочихъ, какъ представителей фабричнаго труда. Такимъ образомъ насколько прежде, и притомъ еще недавно, замалчивали и уменьшали права рабочаго класса на вниманіе и заботы о немъ правительства и роль его въ народномъ трудѣ, настолько теперь, по моему мнѣнію, преувеличивается это значеніе и важность промышленно-рабочаго класса въ общемъ хозяйствѣ страны. Наши рабочіе и ихъ учителя въ рабочемъ вопросѣ и соціализмѣ одинаково обучались по европейскимъ книжкамъ, притомъ дурно переведеннымъ на русскій языкъ, а потому всѣ привыкли къ европейскимъ мѣркамъ и масштабамъ по этому поводу и забываютъ, что, если, напр., въ Германіи, Англіи и Франціи рабочій классъ и обрабатывающая промышленность имѣютъ колоссальное значеніе и прочность, въ сравненіи съ земледѣльческимъ классомъ, то совершенно другую картину представляетъ Россія, съ ея условіями народнаго хозяйства, въ значительной степени отличнаго отъ всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ странъ, а потому наша подражательность, доходящая до обезьянства, европейскимъ образцамъ, мнѣніямъ и мѣркамъ, безъ должной ихъ критики и разбора (напр., требованія учредительнаго собранія, восьмичасового дня и т. д., и т. д.) не можетъ, конечно, не привести въ концѣ концовъ русскій народъ лишь къ позднему разочарованію и общему экономическому упадку съ самыми вредными послѣдствіями. „Всякому овощу свое время“, —гласитъ русская пословица...

Въ виду указанной быстрой перемѣны въ русскихъ государственныхъ и общественныхъ воззрѣніяхъ на рабочій вопросъ и значеніе рабочаго класса, являются особенно цѣн-

ными всѣ факты и событія въ исторіи нашего фабричнаго законодательства, которые съ ходомъ времени, конечно, утрачиваются и забываются. Если вездѣ, повсюду, значеніе и вліяніе личности въ исторіи весьма велико, то у насъ въ Россіи—странѣ малокультурной—условія и характеръ дѣятелей кладетъ свой опредѣленный рѣзкій отпечатокъ на плодахъ ихъ дѣятельности. Если бы въ Англіи не было въ прошломъ вѣкѣ лорда Эшли, то, нѣтъ сомнѣнія, во многомъ измѣнился бы ходъ образцоваго англійскаго фабричнаго законодательства, или во всякомъ случаѣ онъ бы замедлился или выразился въ нѣсколько другихъ формахъ. Точно также было и у насъ съ первыми шагами фабричнаго законодательства и съ развитіемъ рабочаго вопроса; начало ихъ правильнѣе всего считать съ восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка, когда у насъ впервые въ лицѣ учрежденія фабричныхъ инспекторовъ (т. н. инспекторовъ по надзору за занятіями малолѣтнихъ) правительство признало открыто, хотя и нерѣшительно, фактъ непорядка и неустройства въ нашихъ промышленныхъ заведеніяхъ и необходимости контроля за ними въ интересахъ рабочихъ. Фабричные законы 1882 года и особенно 1885 и 1886 гг. представляютъ собой первые серьезные шаги правительственнаго вмѣшательства въ Россіи въ фабрично-заводскую жизнь, которая, какъ мы видѣли, и въ глазахъ самихъ промышленниковъ и другихъ лицъ представлялась еще не пережившей, будто бы, стараго патріархальнаго строя, хотя въ дѣйствительности она уже давно съ нимъ разсталась. Занятіе поста по Министерству Финансовъ извѣстнымъ ученымъ и гуманистомъ Н. Х. Бунге, а московскаго Генералъ-Губернаторства княземъ В. А. Долгоруковымъ—лицомъ, весьма благожелательнымъ къ рабочимъ, и съ его просвѣщеннымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ, покойнымъ М. А. Саблинымъ—все это вмѣстѣ несомнѣнно было благопріятнымъ условіемъ для первыхъ попытокъ къ созданію у насъ нѣко-

торыхъ новыхъ формъ фабричнаго законодательства: такъ наз. безпорядки и волненія на фабрикахъ, которые прежде вели исключительно къ полицейскимъ мѣропріятіямъ и репрессіямъ, вызвали, наконецъ, вниманіе правительства къ настоятельной нуждѣ ихъ прекращенія иными лучшими способами—установленіемъ болѣе правильныхъ отношеній хозяевъ къ рабочимъ и общимъ улучшеніемъ всего фабрично-заводскаго быта.

Съ этою именно послѣднею цѣлью въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка учреждена была Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ кн. Владиміромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ Коммиссія для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Михаила Алексѣевича Саблина (педагога по профессіи). Она просуществовала нѣсколько лѣтъ, привлекла къ участію многихъ лицъ изъ спеціалистовъ и ученыхъ, устроила рядъ изслѣдованій фабрикъ и заводовъ, изъ которыхъ одно, особенно выдававшееся—д-ра Пескова о московскихъ фабрикахъ, и напечатала; кромѣ того, она издала переводы всѣхъ главнѣйшихъ иностранныхъ фабричныхъ законодательствъ подъ редакціей разныхъ лицъ, одно самостоятельное изслѣдованіе о швейцарскомъ и англійскомъ инспекторатѣ и ихъ значеніи и нѣкоторые другіе труды. Въ засѣданіяхъ этой Коммиссіи былъ прочитанъ рядъ докладовъ членовъ и нѣкоторые весьма важные, какъ, напр., о положеніи московскихъ фабрикъ съ разныхъ сторонъ, объ условіяхъ необходимости введенія у насъ фабричнаго инспектората по иностранному образцу и пр. Дѣятельность и труды этой т. н. въ просторѣчіи „Саблинской“ Коммиссіи находились въ тѣсной связи съ періодической печатью, и все заслуживающее въ ней вниманія отмѣчалось и обсуждалось въ газетахъ и журналахъ, прокладывая путь тому, что необходимо Россіи сдѣлать по части фабрично-промышленнаго законодательства. Между прочимъ, въ этой несомнѣнно плодотворной, хотя и не оцѣ-

ненной по заслугамъ, Коммиссіи были выработаны, подвергнуты многократному обсужденію и утверждены г. Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ „Правила для хозяевъ и рабочихъ фабрикъ и заводовъ“, составленныя Коммиссіей для осмотра фабрикъ.

Эти „Правила“, сдѣланныя княземъ Долгоруковымъ обязательными для Московской губерніи, на основаніи п. а. ст. 15-ой Положеній о мѣрахъ къ охраненію порядка и общественнаго спокойствія, представляютъ собою первую, особенно важную попытку все, что у насъ разбросано,—говорилось—въ законахъ о рабочихъ,—собрать вмѣстѣ и пополнить особенно важныя недостающія части вопроса о фабричномъ порядкѣ. При этомъ всюду имѣлось въ виду по возможности ограничить произволъ и злоупотребленія хозяевъ, а равно, впрочемъ, и удержать рабочихъ отъ нарушенія прямыхъ предписаній закона. Такъ, сюда внесены нѣкоторыя ограниченія относительно взысканія штрафовъ, расплаты съ рабочими, прекращенія ими работы и нѣкоторыя обязательныя правила всего внутренняго распорядка фабрики. Вообще, „Правила Коммиссіи при Московскомъ Генералъ-Губернаторѣ“ имѣли своею руководящею цѣлью защиту правъ рабочихъ, поскольку это возможно было сдѣлать безъ нарушенія существующихъ законовъ, и опираясь на обширную власть Московскаго Генералъ-Губернатора по изданію обязательныхъ постановленій. Нѣсколько лѣтъ позднѣе эти „Правила“ Коммиссіи спеціально для г. Москвы поступили на обсужденіе другой коммиссіи, учрежденной Московскимъ Оберъ-Полицеймейстеромъ А. А. Козловымъ съ выборными отъ разныхъ учрежденій; въ ней эти „Правила“ были опять нѣсколько передѣланы и приняты собственно для г. Москвы; вмѣстѣ съ Правилами Коммиссіи Генералъ-Губернатора они и послужили важнѣйшимъ матеріаломъ, изъ котораго черпались впослѣдствіи многія положенія, вошедшія въ общіе имперскіе законы 1885 и 1886 гг., представлявшіе собой результаты работъ Высо-

чайше назначенной Коммиссіи подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Плеве по отношеніямъ хозяевъ къ рабочимъ и правиламъ внутренняго фабричнаго распорядка (отъ 3 Іюня 1886 г. „Правила о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ").

Помимо этихъ важнѣйшихъ и, какъ указываютъ послѣдствія, плодотворныхъ „Правилъ для хозяевъ и рабочихъ фабрикъ и заводовъ", Коммиссіи М. А. Саблина принадлежатъ также: „Правила для владѣльцевъ паровыхъ котловъ" и „Правила предосторожности на промышленныхъ заведеніяхъ". Кромѣ того въ напечатанномъ видѣ имѣется важный трудъ — докладъ самого Саблина о трудахъ и занятіяхъ Коммиссіи и затѣмъ его же записка (къ сожалѣнію, оставшаяся ненапечатанною) объ организаціи т. н. „Фабричнаго Комитета" и фабричныхъ инспекторовъ и вообще контроля за исполненіемъ фабричныхъ законовъ. Все сдѣланное трудами Московской Коммиссіи Саблина нашло быстро откликъ въ новомъ Министрѣ Финансовъ, почтеннѣйшемъ Н. Х. Бунге и поставленныхъ имъ ближайшихъ къ фабрично-заводскому дѣлу лицахъ (особенно въ А. Г. Неболсинѣ), которыя дѣятельно занялись разработкой проектовъ улучшенія фабрично-заводскаго законодательства и, не смотря на сильное противодѣйствіе въ высшихъ сферахъ и рутину, имѣвшую всегда у насъ большую силу, привели, наконецъ, въ 1882 и послѣдующихъ годахъ къ первымъ серьезнымъ попыткамъ внести порядокъ въ фабричный бытъ и выступить даже въ нѣкоторой степени къ защиту рабочихъ противъ злоупотребленій или нарушенія закона ихъ предпринимателями. Впослѣдствіи, даже довольно скоро, черезъ пять лѣтъ, какъ извѣстно, правительство испугалось сдѣланныхъ шаговъ и при новомъ Министрѣ Финансовъ И. А. Вышнеградскомъ повернуло вспять, стремясь не только не совершенствовать дальше начатое на пользу

фабричнаго порядка и рабочихъ, но, насколько возможно, даже уничтожить немногое сдѣланное...

Вмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу справедливымъ желаніямъ рабочихъ получить нѣкоторый голосъ и свободу въ своихъ отношеніяхъ къ хозяевамъ и вообще дать имъ мирнымъ путемъ нѣкоторыя человѣческія права (соглашенія, коалиціи и пр.), политика нашего Министерства Финансовъ всегда рѣшительно становилась на сторону интересовъ хозяевъ, чѣмъ насаждала въ рабочихъ глухое недовольство и приводила къ безпорядкамъ, а въ концѣ концовъ привела и къ революціи... Между этимъ Министерствомъ, которому у насъ были подвѣдомственны до послѣдняго времени одинаково промышленность, торговля и финансы, и промышленниками, въ широкомъ смыслѣ купечествомъ, всегда существовало какъ бы „молчаливое соглашеніе" (consensus tacitus): „мы вамъ даемъ деньги, а вы насъ зато не очень тѣсните относительно рабочихъ!". Въ результатѣ никакая рѣшительная мѣра, очень невыгодная или непріятная для заводчиковъ, не пропускалась, а если случайно и проходила, какъ начатые нами описанные шаги фабричнаго законодательства, то Министерство Финансовъ по возможности старалось такія мѣропріятія или свести на нѣтъ, или совсѣмъ не выполнять. Достаточно привести одинъ примѣръ. Извѣстно всѣмъ, какъ невысоко стоитъ въ нашемъ обществѣ мнѣніе о неподкупности низшихъ органовъ Мин-ва Внутреннихъ Дѣлъ (полицейскіе чины); но Министерство это въ общемъ гораздо независимѣе отъ купечества по своей дѣятельности и цѣлямъ *). И вотъ, каждый разъ, когда у

*) Косвеннымъ доказательствомъ послѣдней мысли могутъ служить даже въ настоящее время нѣкоторыя распоряженія Московской полиціи, вызванныя на свѣтъ упадкомъ заботливости мѣстной фабричной инспекціи объ интересахъ рабочихъ. Въ результатѣ явились немедленно слухи о жалобахъ въ Петербургѣ фабрикантовъ на непрошенное вмѣшательство полиціи, которая въ дѣйствительности дѣлаетъ то, что въ мое время непремѣнно бы вошло

насъ поднимался вопросъ о передачѣ фабрикъ и заводовъ изъ вѣдѣнія Министерства Финансовъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ (два раза—при Вышнеградскомъ и Витте), раздавались со стороны промышленниковъ вопли, жалобы и старанія немедленно остановить это дѣло и удержать фабрики въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, для нихъ болѣе благосклоннаго!!...

Однородная перемѣна произошла и въ организаціи фабричной инспекціи: первоначально наше общество и законодательство ставило нашимъ фабричнымъ инспекторамъ задачи, главнымъ образомъ, гуманныя—надзоръ за условіями труда дѣтей и женщинъ, а нѣсколько позднѣе (по законамъ 1885 и 1886 гг.)—мирное посредничество между рабочими и хозяевами, возможное соглашеніе между ними и охрана интересовъ рабочихъ, гдѣ это законъ нашелъ нужнымъ; но затѣмъ, съ уходомъ изъ Министерства Бунге, роль фабричныхъ инспекторовъ рѣзко мѣняется, какъ и ихъ составъ: охрана

въ кругъ заботъ и обязанностей инспекціи! «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 30 Августа сего (1906) года въ № 190 сообщаютъ по данному предмету два любопытныхъ извѣстія изъ Московской жизни, которыя не нуждаются въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ.

«Въ газетахъ было передано сообщеніе по телефону изъ Петербурга о томъ, что Московскіе фабриканты обратились съ жалобой къ высшему правительству на вмѣшательство Градоначальника во взаимныя отношенія рабочихъ и хозяевъ. Градоначальникъ, не довѣряя самому факту и сомнѣваясь, чтобы такое обращеніе фабрикантовъ къ высшему правительству имѣло мѣсто, считаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его вмѣшательство во взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ для огражденія интересовъ рабочихъ составляетъ его прямую служебную обязанность, отъ исполненія которой онъ не уклонится и впредь».

«Рабочіе суконной фабрики Шекина обратились къ Градоначальнику съ письмомъ, въ которомъ просили его, не довольствуясь докладомъ командированнаго имъ лица, лично посмотрѣть, въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ живутъ рабочіе. Градоначальникъ осмотрѣлъ вчера фабрику и предложилъ владѣльцамъ въ мѣсячный срокъ привести помѣщенія для рабочихъ въ соотвѣтствующій санитарнымъ требованіямъ видъ».

времени дѣтскаго и женскаго труда и обученія дѣтей сводится на нѣтъ, представительство или защита интересовъ рабочихъ фактически въ большинствѣ случаевъ совершенно вычеркивается изъ дѣятельности инспекціи *), зато возлагаются многія новыя обязанности, напр., чистки паровыхъ котловъ и даже наблюденія за политическою благонадежностью рабочихъ и пр. (См. книгу *Озерова, И. Х.*: Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. Москва. 1906 г.).

Вообще, фабричная инспекція, по своимъ цѣлямъ и задачамъ, пріобрѣтаетъ постепенно и притомъ быстро совершенно полицейскій характеръ: прекращеніе фабрично-заводскихъ волненій или безпорядковъ—вотъ что является скоро главнѣйшею задачею и ролью фабричныхъ инспекторовъ, хотя бы это достигалось путемъ существенныхъ нерѣдко нарушеній закона и правъ рабочихъ. „Тишь и гладь—Божья благодать!...“ **).

---

*) Г. академикъ Безобразовъ въ своемъ изслѣдованіи, на которое мы уже ссылались, и въ которомъ онъ является, несомнѣнно, alter ego И. А. Вышнеградскаго, или, можетъ быть, нѣкоторыя мнѣнія тотъ ему подсказываетъ, слѣдующимъ образомъ выражаетъ мысли свои и даннаго министерства на этотъ предметъ: во-первыхъ, онъ утверждаетъ пожеланіе, чтобы во всемъ фабричномъ законодательствѣ и въ дѣйствіяхъ инспекціи господствовалъ характеръ по преимуществу р е п р е с с и в н ы й и к а р а т е л ь н ы й, а не превентивный и опекательный... «Всего менѣе», — говоритъ онъ — «должно смотрѣть на фабричную инспекцію, какъ на какой-то новый органъ правительственной власти, призванной къ прямому экономическому улучшенію быта рабочаго класса (сверхъ косвеннаго улучшенія его посредствомъ охраны отъ правонарушенія другой стороны) и къ возвышенію уровня его благосостоянія матеріальнаго и нравственнаго».. (см. Наблюденія и соображенія В. П. Безобразова относительно дѣйствія новыхъ фабричныхъ узаконеній и фабричной инспекціи. Стр. 118).

Съ своей стороны я могу завѣрить, что первые фабричные инспектора именно совершенно иначе смотрѣли на цѣль и задачи своей дѣятельности, нежели академикъ Безобразовъ.

**) Любопытно и знаменательно, что въ настоящее время полиція напоминаетъ даже фабричной инспекціи о ея истинныхъ обязанностяхъ. Такъ, «Нов. Вр.» сообщаетъ недавно изъ Москвы:

Послѣ всего этого необходимаго предварительнаго объясненія я могу прямо приступить уже къ ближайшей цѣли изданія въ свѣтъ моихъ настоящихъ „Воспоминаній“ о первыхъ шагахъ нашей фабричной инспекціи. Я былъ настолько счастливъ, что принималъ близкое участіе именно въ первоначальной исторіи нашего фабричнаго законодательства. Такъ, я былъ членомъ Коммиссіи, учрежденной Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ для осмотра фабрикъ и заводовъ (т. н. „Саблинской“), дѣлалъ для нея доклады, участвовалъ въ ихъ обсужденіи, равно какъ и при выработкѣ вышеупомянутыхъ важныхъ „Правилъ“ для хозяевъ и рабочихъ, перевелъ для Коммиссіи англійское фабричное законодательство, какъ образецъ и поученіе для насъ, и произвелъ даже специальное, по порученію Коммиссіи, изслѣдованіе, путемъ опросовъ на мѣстѣ, организаціи инспектората въ Англіи и Швейцаріи, которое и было, конечно, напечатано. Это изслѣдованіе докладывалось мною и обсуждалось нѣсколько разъ въ Коммиссіи и даже привело къ выработкѣ М. А. Саблинымъ особаго плана для организаціи подобнаго надзора у насъ въ Россіи, для начала, въ предѣлахъ Московскаго Генералъ-Губернаторства. Далѣе я участвовалъ все время существованія фабричной коммиссіи по образцу первой, спеціально для города Москвы, подъ предсѣдательствомъ Оберъ-Полицеймейстера А. А. Козлова, при чемъ правила „Саблинской“ Коммиссіи были подвергнуты новой переработкѣ

«Кромѣ сдѣланнаго уже представленія о бездѣятельности московской фабричной инспекціи, градоначальникъ обратился сегодня въ Петербургъ съ новымъ представленіемъ объ удаленіи отъ должности старшаго инспектора въ виду того, что фабричная инспекція относится въ высшей степени халатно къ своимъ обязанностямъ, не посѣщаетъ фабрикъ и заводовъ и нисколько не защищаетъ интересовъ рабочихъ. Градоначальникомъ установлено, что, есть фабрики и заводы, которыхъ представители инспекціи ни разу не посѣтили за все время существованія инспекціи («Нов. Вр.» отъ 6 авг. 1906 г.).

и утверждены уже въ 1885 году Генералъ-Губернаторомъ, внеся много новаго въ жизнь и порядки московскихъ фабрикъ. Единовременно со второй Коммиссіей я былъ назначенъ первымъ „окружнымъ фабричнымъ инспекторомъ по надзору за занятіями и обученіемъ малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ“—должность, впослѣдствіи превратившаяся (вслѣдъ за законами 1885 и 1886 гг.) просто „въ фабричныхъ инспекторовъ“, и служба моя въ качествѣ инспектора продолжалась до сентября 1887 года. За эти пять лѣтъ я не только исполнялъ свои обязанности Московскаго фабричнаго инспектора, но, по особому порученію, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ производилъ изслѣдованіе (въ 1886 г.), затѣмъ представилъ особое описаніе пограничныхъ фабрикъ въ Царствѣ Польскомъ. Каждый годъ, по нѣсколько разъ, кромѣ того я вызывался въ Петербургъ для совѣщанія въ Министерствѣ Финансовъ почти о каждой мѣрѣ или распоряженіи, принимаемомъ относительно фабрикъ и заводовъ. Въ 1885 году я былъ приглашенъ на цѣлый мѣсяцъ для участія въ Коммиссіи, назначенной подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Плеве для выработки новыхъ фабричныхъ законовъ, Высочайше утвержденныхъ отъ 3 Іюня 1886 года „Правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“; на мнѣ же лежала тяжелая обязанность въ томъ же 1886 году начать проводить въ жизнь эти важные законы, положившіе, повидимому, начало внесенію нѣкотораго порядка въ наши фабрики и заводы.

Съ тѣхъ поръ прошло свыше двадцати лѣтъ. Многіе важнѣйшіе дѣятели по созданію у насъ фабричныхъ законовъ умерли; другіе сошли со сцены; сама фабрично-рабочая жизнь, какъ знаемъ, чрезвычайно измѣнилась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ объ условіяхъ дѣятельности первой фабричной инспекціи, о трудностяхъ,

которыя приходилось ей преодолѣвать, о вынужденной и вовсе нежелательной борьбѣ ея съ представителями фабричной администраціи и купечества, знавшими часто лишь одно правило „ндраву моему не препятствуй“ и непривыкшими къ какой-либо опекѣ или вмѣшательству, не осталось почти никакихъ литературныхъ памятниковъ или описаній, могущихъ достаточно освѣтить этотъ вопросъ. На первыхъ шагахъ дѣятельности инспекціи дѣло ставилось слѣдующимъ образомъ: рабочіе безправные и безличные не имѣли никакихъ средствъ, обычныхъ въ Европѣ (какъ стачки, союзы и пр.), выражать свои желанія и заявлять требованія предпринимателямъ; между тѣмъ злоупотребленія въ фабрично-заводской жизни и недостатокъ закона были очень велики и приходилось, слѣдовательно, закону и инспекторамъ своимъ вмѣшательствомъ и мелочной часто опекой возмѣщать недостающія средства самодѣятельности для охраны и защиты интересовъ рабочихъ.

Относясь строго къ принятой на себя обязанности фабричнаго инспектора съ искреннимъ желаніемъ принести посильную пользу правильной постановкѣ у насъ рабочаго вопроса, я вѣрилъ тогда и надѣялся на возможность многое сдѣлать въ этомъ отношеніи, не смотря на правительственный режимъ и отсутствіе нѣкоторыхъ необходимыхъ посылокъ европейскаго рабочаго быта. Видимое доброжелательное отношеніе къ этому дѣлу Н. Х. Бунге и нѣкоторыхъ второстепенныхъ лицъ, а также высшей московской администраціи поддерживало меня и питало первоначально мои упованія на полезные результаты предстоявшей инспекторской работы...

Но, къ сожалѣнію, послѣдовавшее практическое ознакомленіе съ нашей государственной машиной и всѣми дефектами чиновничьяго распорядка и управленія начало скоро вносить разочарованіе и охлаждать пылъ моихъ первыхъ

надеждъ. . . Нѣкоторые близкіе мнѣ люди были сначала же скептически настроены и утверждали, что мнѣ не удастся сдѣлать ничего полезнаго, и я скоро удалюсь (напр., это предсказывалъ мнѣ Альфонсъ Тунъ, извѣстный нѣмецкій ученый, хорошо знавшій русскіе порядки) – поэтому возникло даже мнѣніе, что въ 1887 г. я былъ собственно удаленъ съ своего поста фабричнаго инспектора, а не ушелъ съ него добровольно. Но это совершенная неправда: я, дѣйствительно, ушелъ со службы черезъ пять лѣтъ самъ и по своей собственой инициативѣ, убѣдившись достаточно, что не могу сдѣлать на этомъ поприщѣ ничего полезнаго, такъ какъ всѣ мои представленія или предложенія правительству въ смыслѣ тѣхъ или иныхъ усовершенствованій въ постановкѣ вопроса не слушались въ Министерствѣ Финансовъ и на нихъ не обращалось вниманія, особенно при И. А. Вышнеградскомъ; особыя же постановленія Фабричнаго присутствія, которыхъ я добился съ трудомъ по обвиненію тѣхъ или иныхъ фабрикантовъ за злоупотребленія противъ закона, клались подъ сукно, и дѣла эти оставались безъ движенія: по крайней мѣрѣ ни одно изъ моихъ обвиненій противъ тѣхъ или иныхъ фабричныхъ администрацій во время бытности моей инспекторомъ, кромѣ громкаго, но въ сущности нелѣпаго, вызваннаго самодурствомъ владѣльца (Н. П. Ланина—редактора „Русскаго Курьера") дѣла по нарушенію закона о малолѣтнихъ, не привело ровно ни къ чему и не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ. Указанные опытомъ инспекторской дѣятельности пробѣлы или недостатки закона, отмѣченные мною и въ отчетахъ, и въ письменныхъ и словесныхъ заявленіяхъ и много разъ, оставлены безъ вниманія по сіе время (какъ знаменитый вопросъ о необходимости *строго-законодательнаго* раздѣленія понятія „фабрики" отъ „ремесленнаго заведенія" и многіе другіе).

Рука времени сказывается и на исторіи русскаго фабрич-

наго законодательства, какъ и на другихъ сторонахъ жизни: факты забываются, сглаживаются и искажаются, а между тѣмъ и въ свое даже время говорилось по этому предмету много лжи. Если люди благородные по своимъ чувствованіямъ и благожелательные къ интересамъ рабочихъ, какъ Бунге, Саблинъ, Неболсинъ и др. такъ или иначе удалились со сцены дѣйствія, если многихъ изъ нихъ унесла смерть, зато, по выраженію поэта, ... „живъ презрительный Терситъ!“ . . . . . извѣстный г. Шараповъ, согласно его собственному циничному сознанію, когда-то нанятый московскими фабрикантами доѣзжать инспекцію и сживать ее со свѣта! Нашъ потомокъ, который познакомился бы съ исторіей возникновенія фабричной инспекціи въ Россіи на основаніи извѣтовъ и клеветъ г. Шарапова въ его органѣ „Русскомъ Дѣлѣ“, навѣрное бы принялъ фабричныхъ инспекторовъ перваго призыва за ближайшихъ предвѣстниковъ русской революціи, а гг. фабрикантовъ, не желавшихъ подчиняться сколько-нибудь требованіямъ закона въ интересахъ рабочихъ, счелъ бы невинными овечками и жертвами бюрократическаго произвола!!..

Таковы причины и соображенія, которыя побудили меня на склонѣ лѣтъ познакомить русскую публику изъ личнаго опыта съ первыми шагами дѣятельности нашей фабричной инспекціи, въ настоящее время столь утратившей свое значеніе. Матеріаломъ для воспоминаній, конечно, главнѣйшимъ образомъ служитъ память, насколько она сохранила всѣ выдающіеся факты. Если подъ старость память ослабѣваетъ, то я имѣю на помощь многочисленный выборъ писемъ, которыми буду широко пользоваться въ настоящемъ трудѣ; сюда относятся: частная переписка моя по дѣламъ фабричной инспекціи съ Главнымъ Инспекторомъ Е. Н. Андреевымъ и главное Я. Т. Михайловскимъ (послѣдній

любезно предоставилъ мнѣ для пользованія подлинныя мои къ нему письма), мои письма по тѣмъ же вопросамъ къ А. Г. Неболсину, а также къ моей женѣ, когда я находился въ продолжительномъ отсутствіи, а отчасти и ея переписка со своими родителями, когда она находилась при мнѣ, исполняя безсмѣнно должность личнаго секретаря по моимъ фабричнымъ обязанностямъ *), а, слѣдовательно, была вполнѣ въ курсѣ дѣла по каждому шагу моей инспекторской дѣятельности.

Читатель найдетъ въ настоящихъ „Воспоминаніяхъ" описаніе быстраго расцвѣта и одушевленія идеей народнаго блага въ рабочемъ вопросѣ не только лично моего, какъ дѣйствующаго лица при первыхъ шагахъ введенія фабричной инспекціи, но и вообще русской интеллигенціи и многихъ органовъ правительственной власти при соотвѣтственной поддержкѣ со стороны печати и общественнаго мнѣнія... Но затѣмъ проходитъ немного лѣтъ и уже замѣчается обычное у насъ явленіе—быстрый упадокъ интереса всей публики къ тому же важному дѣлу (какъ будто съ учрежденіемъ фабричной инспекціи—съ фабричнымъ вопросомъ дѣло было покончено, а не начато!?). Мѣсто одушевленія занимаетъ холодное равнодушіе какъ правительства, такъ и образованныхъ классовъ къ тому самому рабочему вопросу, существованіе котораго представители правительства еще недавно отрицали въ Россіи и который съ такимъ громомъ и шумомъ въ 1905 и 1906 гг. привелъ къ разоренію Россію и настоящей смутѣ...

Kohlhof,
ob. Heidelberg. — 1 Августа / 19 Іюля 1906 г.

*) Моимъ оффиціальнымъ секретаремъ за послѣдніе два года инспекторства былъ В. И. Власовъ, о трудѣ котораго всегда вспоминаю съ глубокой признательностью.

Глава первая.

Первая должность фабричнаго инспектора.—Е. Н. Андреевъ—первый Главный Инспекторъ.—Поѣздка въ Петербургъ и знакомство съ Н. Х. Бунге, Н. А. Ермаковымъ и А. Г. Неболсинымъ.—Утвержденіе 30-го августа 1882 г. въ должности.—Первые осмотры фабрикъ и первыя впечатлѣнія.—Скорая отставка Е. Н. Андреева.—Новый Главный Инспекторъ—Я. Т. Михайловскій.—Мой первый отчетъ: «Фабричный бытъ Московской губерніи» и главные его выводы.—Отсутствіе «Правилъ для фабрикантовъ» и «Инструкціи инспекторамъ».—Практическія послѣдствія отсюда и переписка съ Главнымъ Инспекторомъ Я. Т. Михайловскимъ.—Недостатокъ объединенія въ толкованіи закона

Лѣто 1882 года я проводилъ на дачѣ въ Соколовѣ (близъ станціи Химки, по Николаевской жел. дорогѣ, подъ Москвой)—мѣстечкѣ, извѣстномъ своей живописностью настолько, что, если не ошибаюсь, остроумный П. Д. Боборыкинъ удачно назвалъ когда-то Соколово «маленькій Московскій Шварцвальдъ»! Въ немъ нѣкогда проживали лѣтомъ, по преданію, Бѣлинскій, Грановскій и Герценъ; послѣдній не разъ даже упоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ о Соколовѣ, которое принадлежало тогда генералу Дивову. Въ то время, когда я начинаю свой разсказъ, оно перешло, какъ и все въ Москвѣ, уже въ купеческія руки и принадлежало фабрикантамъ Мазуринымъ. Съ товарищемъ моимъ по профессорству въ Московскомъ Университетѣ А. И. Чупровымъ мы отыскали этотъ прелестный уголокъ, облюбовали его и, не смотря на относительную дороговизну тамошнихъ дачъ для профессорскаго кармана, мы провели въ Соколовѣ нѣсколько лѣтъ и покинули, кажется, только вслѣдствіе ломки старыхъ домовъ. Я помѣщался въ маленькомъ деревянномъ флигелѣ, занимаемомъ когда-то, по преданію, Бѣлинскимъ, а потомъ Гранов-

скимъ, а Чупровъ жилъ въ большомъ каменномъ домѣ, въ былое время обитаемомъ Герценомъ. Тѣни великихъ покойниковъ, такъ сказать, витали между нами и составляли нерѣдкую тему бесѣдъ и разговоровъ въ Соколовѣ. Третью своеобразную особенность Соколова составлялъ его сельскій священникъ, придумавшій оригинальное занятіе: онъ держалъ нахлѣбниковъ иностранцевъ, кажется, преимущественно англичанъ, для практики въ русскомъ языкѣ, а потому онъ былъ хорошо извѣстенъ многимъ иностранцамъ; у него, между прочимъ, проживалъ однажды извѣстный Макэнзи Уолласъ—авторъ крупнаго сочиненія о Россіи.

25 Іюня 1882 года вечеромъ я получилъ почтой, какъ оказалось впослѣдствіи, крайне важное для меня письмо съадресомъ, написаннымъ незнакомой мнѣ рукой. Какъ выяснилось, письмо это было отъ давно нынѣ умершаго Е. Н. Андреева. Мнѣ извѣстно было заочно о его дѣятельности по кустарному производству и о принадлежности его по службѣ къ Министерству Финансовъ. Въ качествѣ именно служащаго по этому министерству я его видѣлъ однажды, за нѣсколько лѣтъ до этого, за обѣдомъ у М. А. Саблина, который, во время разъѣздовъ по Россіи тогдашняго министра Грейга, угощалъ у себя его ученую свиту и, между прочимъ, я помню Е. Н. Андреева, Д. А. Тимирязева и многихъ другихъ; больше этого раза я Андреева не видалъ. Въ упомянутомъ письмѣ 25 Іюня, носившемъ на конвертѣ обозначеніе «весьма нужное» и написанномъ дѣловымъ тономъ, Е. Н. А. даетъ сначала объясненіе повода къ нему, что онъ сегодня-де только пріѣхалъ въ Москву, а уже былъ у меня на моей московской квартирѣ и не могъ, къ сожалѣнію, отъ прислуги точно узнать, когда я бываю въ городѣ, почему и рѣшился обратиться ко мнѣ съ письмомъ: «Весьма желалъ бы»,—пишетъ онъ,—«познакомиться съ Вами» (собственно, какъ было объяснено выше, мы уже были нѣсколько знакомы) «и поговорить съ Вами объ участіи, которое, можетъ быть, Вамъ угодно бы было принять въ проведеніи въ дѣло закона о работѣ малолѣтнихъ. Такъ какъ мнѣ, повидимому, имѣется въ виду поручить организацію надзора, то я желалъ бы очень пріобрѣсти Ваше сотрудничество, на что очень

согласенъ и Г. Министръ Финансовъ». Далѣе г. Андреевъ сообщалъ адресъ гостинницы, гдѣ остановился, но предпочиталъ бы встрѣтиться за завтракомъ въ 1 ч. дня на Промышленной Выставкѣ, въ то время происходившей въ Москвѣ, на которой онъ былъ ежедневно занятъ по кустарному отдѣлу. Въ заключеніе письма, видимо сомнѣваясь, насколько я отнесусь къ нему серьезно и буду исправенъ, Е. Н. А. счелъ нужнымъ сдѣлать такое воззваніе: «Прошу Васъ обратить Ваше вниманіе на мое приглашеніе и не оставить меня отвѣтомъ»...

Таковъ былъ первый шагъ, сдѣланный для привлеченія меня къ фабричной инспекціи, который хотя и доставилъ мнѣ нѣсколько моментовъ нравственнаго удовлетворенія, но принесъ впослѣдствіи много тревогъ, огорченій и разочарованій. Прежде всего мнѣ слѣдовало рѣшить —согласиться ли на предложеніе г. Андреева и явиться для бесѣды съ нимъ, или отклонить ее, въ виду неопредѣленности его собственнаго оффиціальнаго къ дѣлу отношенія («повидимому, имѣется въ виду»)? Съ другой стороны, всей душой заинтересованный судьбой и положеніемъ малолѣтнихъ рабочихъ, я только что написалъ рядъ большихъ статей по этому вопросу («Дѣтскій и женскій фабричный трудъ»), имѣвшихъ большой успѣхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Салтыкова, а «Саблинская» Коммиссія напечатала большой томъ моего перевода англійскихъ фабричныхъ законовъ по этому поводу съ комментаріями, и даже Н. К. Михайловскій счелъ возможнымъ посвятить моему труду сочувственную рецензію.... Наконецъ, я подозрѣвалъ, что «Г. Министръ Финансовъ» не только «очень согласенъ» на мое сотрудничество, какъ писалъ г. Андреевъ, а является даже, можетъ быть, главнымъ иниціаторомъ моего приглашенія въ инспектора, какъ и подтвердилось впослѣдствіи... Послѣ всѣхъ этихъ размышленій мои колебанія окончились, и я написалъ Андрееву, что черезъ день явлюсь на Выставку въ ресторанъ для свиданія и бесѣды съ нимъ.

Свиданіе съ Андреевымъ произошло въ назначенное время на Выставкѣ и продолжалось болѣе двухъ часовъ. Я тотчасъ узналъ его и подошелъ самъ къ нему, никого не спраши-

вая; но съ моей стороны понадобилось назвать имя: очевидно, онъ не сохранилъ яснаго обо мнѣ воспоминанія. По первымъ же словамъ Евгенія Николаевича я убѣдился, что дѣло, о которомъ онъ желалъ со мной видѣться и говорить, въ дѣйствительности болѣе подвинулось, нежели онъ счелъ нужнымъ о томъ писать. Законъ о работѣ малолѣтнихъ уже въ Государственномъ Совѣтѣ,—сообщилъ онъ мнѣ,—и, вѣроятно, рѣшенъ уже въ утвердительномъ смыслѣ: самъ онъ, Андреевъ, не только былъ и говорилъ нѣсколько разъ объ этомъ съ Н. Х. Бунге, но его назначенію въ главные фабричные инспектора уже данъ законный ходъ, и онъ разсчитываетъ въ теченіе мѣсяца получить утвержденіе въ должности. Теперь идетъ рѣчь о его помощникахъ — окружныхъ инспекторахъ; на первый разъ де правительство рѣшилось ограничиться введеніемъ закона о малолѣтнихъ и учрежденіемъ инспекторовъ лишь въ четырехъ пунктахъ Россіи, именно: округѣ Петербургскомъ, Московскомъ, Владимірскомъ, Варшавскомъ, при чемъ каждый округъ заключалъ въ себѣ по нѣсколько губерній; такъ, въ Московскій входило 6 центральныхъ губерній (Московская, Тверская, Калужская, Тульская, Рязанская и Смоленская). Онъ мнѣ первому де предлагаетъ важнѣйшій, по его словамъ, округъ по его значенію — Московскій... Ему хорошо извѣстны мои знанія и мои печатныя работы по закону о малолѣтнихъ, почему онъ и желаетъ, такъ же, какъ и Министръ, притянуть меня къ дѣлу, какъ лицо свѣдущее *). Предполагается, — сообщилъ онъ, — что законъ вступитъ въ силу лишь черезъ годъ, а потому первый годъ долженъ быть мною посвященъ собственно ознакомленію съ обширнымъ фабричнымъ округомъ и приготовленію себя къ обязанности инспектора, а промышленниковъ—къ исполненію получающаго скорую

*) Въ описываемое время, т. е. до средины 1882 года, были напечатаны, насколько помнится, мои слѣдующія работы по рабочему вопросу: во-первыхъ, рядъ статей въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Женскій и дѣтскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи» и пр.; во-вторыхъ, въ Трудахъ Коммиссіи Князя В. А. Долгорукова переводъ съ предисловіемъ и толкованіями «Англійскихъ фабричныхъ законовъ»; въ-третьихъ, «Отвѣтственность хозяевъ за несчастія съ рабочими» (по англійскому и швейцарскому законодательству) и, въ-четвертыхъ,—изслѣдованіе о фабричной инспекціи въ Англіи и Швейцаріи.

силу закона. Что касается до другихъ округовъ, то уже нѣкоторыя лица для нихъ намѣчены, и онъ, сверхъ того, попроситъ и меня, можетъ быть, рекомендовать подходящихъ и пригодныхъ людей (Я ему указалъ, дѣйствительно, и познакомилъ его въ скоромъ времени съ д-ромъ Песковымъ, котораго онъ пригласилъ въ инспектора Владимірскаго округа). Далѣе Е. Н. А. сообщилъ мнѣ разныя подробности о предлагаемомъ мѣстѣ и притомъ въ очень общихъ чертахъ какъ объ обязанностяхъ, такъ и содержаніи, объ отношеніи къ нему, какъ къ ближайшему начальнику, къ Департаменту и пр. Очевидно, ничего по этой части еще не было выработано и пребывало въ предположеніяхъ. Изъ моихъ разспросовъ Евгенія Николаевича для меня выяснилось, что хотя онъ, какъ техникъ, съ фабриками навѣрное знакомъ съ технической стороны, какъ онъ точно также, вѣроятно, знакомъ и съ кустарными промыслами, но съ положеніемъ собственно вопроса о работѣ малолѣтнихъ и фабричнаго законодательства вообще онъ знакомъ, въ сущности, очень мало какъ съ юридической, такъ и съ экономической стороны и, какъ выразился откровенно самъ, онъ надѣется въ этомъ отношеніи именно на мою помощь и содѣйствіе.

Въ концѣ нашей бесѣды я пришелъ къ заключенію, что вижу въ лицѣ Е. Н. Андреева человѣка несомнѣнно умнаго, дѣльнаго и съ разнообразными свѣдѣніями, хотя, можетъ быть, не тѣми, которыя именно понадобятся для даннаго дѣла. Но въ то же время я увидѣлъ у него на основаніи первой бесѣды одинъ недостатокъ, съ которымъ приходилось въ будущемъ нелегко справляться въ частыхъ съ нимъ отношеніяхъ: Е. Н. былъ упрямъ и своенравенъ и если онъ за какую-нибудь идею держался крѣпко, то его нельзя было ничѣмъ переубѣдить.

Такъ напр., въ первомъ же разговорѣ онъ выдвинулъ самъ на видъ, что онъ въ широкомъ смыслѣ фритредеръ и противникъ всякой покровительственной политики и, повидимому, былъ нѣсколько непріятно удивленъ, что я съ нимъ не вполнѣ согласился и даже считалъ самую должность фабричнаго инспектора за плодъ покровительственной системы; впослѣдствіи онъ нѣсколько разъ возвращался на эту тему,

какъ бы желая обратить меня въ свою вѣру, что было нѣсколько страннымъ въ виду моей профессіи (доктора финансоваго права и профессора), давшей мнѣ больше свѣдѣній по этому предмету, нежели онъ ихъ имѣлъ.

Сообщивши все, что считалъ нужнымъ, Е. Н. требовалъ отъ меня скораго отвѣта на сдѣланное предложеніе, по возможности въ теченіе нѣсколькихъ дней. Мнѣ предстояло взвѣсить, слѣдовательно, всѣ доводы pro и contra по взятію на себя новыхъ обязанностей по должности фабричнаго инспектора. Нечего и объяснять, что всю свою жизнь, какъ экономистъ, я съ жаромъ занимался и интересовался рабочимъ вопросомъ и предложеніе это открывало мнѣ этотъ міръ въ практическомъ его значеніи и давало возможность мнѣ заниматься рабочимъ вопросомъ не по книжкамъ, или съ чужихъ словъ, а по личнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ. Обязанности инспектора представлялись мнѣ до извѣстной степени идеальными, къ которымъ непримѣнимы напр. обыкновенныя мѣрки или шаблоны должностей—размѣръ вознагражденія или пріятность службы. Инспекторъ по роду своихъ занятій призванъ быть какъ-бы посредникомъ между рабочимъ и хозяиномъ и, насколько возможно при безпристрастномъ исполненіи долга, заботится объ интересахъ рабочихъ и помогаетъ имъ всѣми законными способами... Съ другой стороны охлаждающее дѣйствіе на меня до нѣкоторой степени произвела бесѣда съ Андреевымъ: я убѣдился, что хотя онъ долженъ быть и хорошій и умный человѣкъ, но съ самимъ фабрично-инспекторскимъ дѣломъ незнакомъ, а потому мнѣ придется не только взять на себя очень много труда, котораго я, какъ молодой, здоровый человѣкъ не боялся, но и испытать много непріятностей благодаря его видимому упрямству, что, къ сожалѣнію скоро подтвердилось. Вопросъ объ увеличенномъ содержаніи, благодаря принятію этой новой должности, который Андреевъ нѣсколько разъ подчеркивалъ при своемъ предложеніи, не игралъ для меня существенной роли, во-первыхъ, потому, что, кромѣ профессорскаго жалованья, я зарабатывалъ много въ это время журнальной работой въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Словѣ“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и проч. и,

во-вторыхъ, ожидалось скорое увеличеніе содержанія профессоровъ, что совершилось дѣйствительно въ 1884 году, къ сожалѣнію, въ формѣ гонорара.

Обсудивши такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ и взвѣсивши по Франклиновски доводы pro и contra, я рѣшилъ принять предложеніе Андреева и занять должность фабричнаго инспектора; на случай же неудачи, если по тѣмъ или другимъ причинамъ, предполагаемымъ или неожиданнымъ, придется скоро отказаться отъ новой должности инспектора, то отнюдь во всякомъ случаѣ „не сжигать кораблей", т. е. не переставать работать какъ прежде въ университетѣ въ качествѣ профессора и, посовѣтовавшись съ женой, рѣшилъ, не смотря на усиленное содержаніе, не мѣнять квартиры, довольно тѣсной, и вообще не расширять вкусовъ и потребностей, чтобы, въ случаѣ чего, оставаться независимымъ... Я написалъ затѣмъ немедленно Андрееву о своемъ согласіи принять его предложеніе и, насколько помню, мотивировалъ согласіе именно желаніемъ и возможностью познакомиться практически съ фабрично-заводскимъ бытомъ въ Россіи и помочь дѣлу симпатичнаго мнѣ закона.

Недѣли черезъ двѣ Е. Н. Андреевъ уѣхалъ въ Петербургъ и за это время мы съ нимъ нѣсколько разъ видѣлись и болѣе знакомились; мнѣ пришлось ему, къ сожалѣнію, сдѣлать даже одну маленькую непріятность за это время: онъ настойчиво мнѣ предлагалъ сдѣлаться предсѣдателемъ на предстоявшемъ вскорѣ кустарномъ съѣздѣ, а я также упорно отказывался, чувствуя себя непригоднымъ для этой обязанности по малому сравнительно знакомству съ кустарнымъ дѣломъ, а, во-вторыхъ, потому что я всегда къ кустарному производству относился довольно сдержанно и скептически, считая его только временно-переходной стадіей промышленности.

30 Іюля, еще живя въ Соколовѣ, я получилъ второе важное письмо изъ Петербурга отъ Е. Н. Андреева, изъ котораго, во-первыхъ, узналъ, что одно его письмо ко мнѣ за это время, очевидно, пропало, до меня не дошло: онъ увѣдомлялъ меня, что онъ уже 23 Іюля утвержденъ въ должности Главнаго Инспектора и немедленно говорилъ о моемъ

назначенiи и согласiи съ Министромъ Финансовъ и Директоромъ Департамента Н. А. Ермаковымъ. Наканунѣ онъ подалъ оффицiальное обо мнѣ представленiе и теперь я долженъ-де дѣйствовать уже самъ—сдѣлать въ Университетѣ справки, прислать документы и т. п... „и не дурно бы“,—добавляетъ онъ въ концѣ письма—„если бы Вы прiѣхали теперь же въ Петербургъ представиться Министру и познакомиться съ Директоромъ Департамента—это могло бы ускорить ходъ всего дѣла“...

Слѣдуя этому совѣту, на слѣдующей же недѣлѣ я отправился въ Петербургъ и, повидавшись съ Андреевымъ, явился „представиться“ Министру и Директору Департамента. Я въ первый разъ видѣлъ Н. Х. Бунге, котораго хорошо зналъ, конечно, какъ экономиста по его сочиненiямъ. Этотъ маленькiй старичекъ съ вдумчивымъ и ласковымъ взглядомъ, съ постоянно спокойною рѣчью, произвелъ на меня чарующее впечатлѣнiе: все, что онъ говорилъ, видимо было искренно и сказано съ убѣжденiемъ, которое внушало невольное довѣрiе и уваженiе къ говорившему. Онъ лишняго никогда не говорилъ и не спѣшилъ съ своею рѣчью... Ко мнѣ онъ отнесся какъ профессоръ къ профессору, самое большее, какъ старшiй товарищъ къ младшему, мило, добро и участливо распрашивая меня про послѣднiя мои работы по финансамъ и о будущихъ предположенiяхъ въ смыслѣ научныхъ занятiй,—затѣмъ перешелъ къ рабочему вопросу и благодарилъ меня за то, что я рѣшился принять на себя вновь создаваемое мѣсто фабричнаго инспектора. „Всегда чрезвычайно важенъ“, сказалъ онъ, „въ каждомъ новомъ учрежденiи первый составъ служащихъ, который, такъ сказать, служитъ прецедентомъ и образцомъ для будущаго“... „Рабочiй вопросъ—важный государственный вопросъ, правильная постановка котораго необходима, поэтому особенно дорого привлеченiе къ дѣлу столь свѣдущихъ людей, какъ Вы“ . . . „мнѣ хорошо извѣстны всѣ Ваши труды по рабочему вопросу, и мы должны просить Вашего извиненiя, что“, какъ онъ выразился, „Васъ нѣсколько обобрали по этому предмету“. Въ этомъ шутливомъ замѣчанiи Н. Х. Бунге, очевидно, разумѣлъ представленiе въ Государственный

Совѣтъ и мотивы къ новымъ фабричнымъ законамъ, для которыхъ пользовались матеріаломъ изъ моихъ сочиненій по фабричнымъ вопросамъ и ссылались на нихъ... „Само собою разумѣется“, продолжалъ министръ, „мы не можемъ сдѣлать сразу многаго для рабочихъ: надо дѣйствовать осторожно, чтобы не раздражать заинтересованные и предубѣжденные круги, но я убѣжденъ, что постепенно возможно будетъ внести надлежащій порядокъ въ этотъ вопросъ и сдѣлать все, что возможно для его измѣненія къ лучшему“. Въ высшей степени довольный имѣть надъ собою по рабочему вопросу такого главнаго руководителя и притомъ говорившаго со спокойною увѣренностью о будущемъ, я покинулъ кабинетъ Министра, радуясь, что согласился принять свое новое назначеніе.

Директоръ Департамента Торговли и Мануфактуръ, въ то время Николай Андреевичъ Ермаковъ, произвелъ на меня также благопріятное впечатлѣніе, хотя нѣсколько другого рода: онъ не имѣлъ большого образованія и даже не скрывалъ этого, но это не мѣшало ему быть очень умнымъ и практически хорошо свѣдущимъ человѣкомъ во всѣхъ чиновничьихъ путяхъ и дорогахъ. Мнѣ заранѣе о послѣднемъ разсказывалъ мой товарищъ А. И. Чупровъ, который его нѣкогда хорошо зналъ. Онъ принялъ меня отечески-ласково, говоря, что „они“, т. е. Министерство Финансовъ, задумали новое дѣло — заняться судьбою рабочихъ, начиная съ малаго возраста, „а для новаго дѣла“,—добавилъ онъ,—„нужны и новые ученые люди“ и онъ очень де радъ видѣть такихъ у себя на службѣ, тѣмъ болѣе, что и Министръ-де у насъ ученый на службѣ. Поэтому онъ только проситъ объ одномъ — „заботиться о рабочихъ, но быть осторожнѣе, осторожнѣе“... „Разумѣется“,—добавилъ онъ смѣясь,—„Вы имъ соціализмъ проповѣдывать не будете?“... Затѣмъ я тутъ же у Ермакова познакомился и очень сблизился съ начальникомъ фабрично-промышленнаго отдѣленія Александромъ Григорьевичемъ Неболсинымъ, съ которымъ завязалъ тѣсную дружбу, сохраняемую и до сихъ поръ, будучи съ нимъ единомышленникомъ въ воззрѣніяхъ на фабрично-инспекторскую дѣятельность и находя въ немъ больше товарища, нежели начальника.

На другой день я получилъ любезное приглашеніе отъ министра къ нему запросто обѣдать и подобныя приглашенія повторялись въ каждый мой пріѣздъ въ Петербургъ. Кромѣ меня, если я не ошибаюсь, обѣдалъ въ этотъ разъ у Н. Х. также Е. Н. Андреевъ и разговоръ вращался преимущественно вокругъ фабричнаго закона и разныхъ предположеній о его будущемъ...

Вполнѣ довольный своей поѣздкой, я вернулся изъ Петербурга домой, въ Соколово; наиболѣе благопріятныя воспоминанія оставилъ по себѣ Бунге своимъ милымъ, сердечнымъ отношеніемъ какъ ко мнѣ, такъ, въ особенности, къ рабочему вопросу; мнѣ невольно припоминалась чья-то сплетня, что въ юности Н. Х. чуть ли не былъ Сенъ-Симонистомъ или, по крайней мѣрѣ, наклоненъ къ этой соціалистической партіи. Хорошую для перваго свиданія память во мнѣ оставилъ отчасти также и Н. А. Ермаковъ; хотя меня нѣсколько смущало его воззваніе къ осторожности, но я больше приписывалъ его практической мудрости почтеннаго старца, нежели желанію чѣмъ-либо тормозить ходъ фабричнаго законодательства. Увы! скорое же будущее меня, впрочемъ, въ немъ разочаровало и показало въ истинномъ свѣтѣ его практическую мудрость!

Наименѣе всего изъ своей Петербургской поѣздки и новыхъ знакомствъ я былъ доволенъ своимъ ближайшимъ начальствомъ по инспекціи — Е. Н. Андреевымъ. Указанныя мною выше черты его характера — упрямство и самомнѣніе—успѣли для меня выясниться и выступить рѣзко на первый планъ. Въ виду публикаціи, согласно порядку, въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» закона 1 Іюня того же (1882) года о работѣ и обученіи малолѣтнихъ, который и вызвалъ наше назначеніе, Е. Н. Андреевъ, по образцу какого-то иностраннаго государства въ данномъ случаѣ, рѣшилъ открыть немедленно же свою дѣятельность, какъ Главнаго фабричнаго инспектора, анкетомъ или опроснымъ изслѣдованіемъ, по особой программѣ, разосланной Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ ко всѣмъ россійскимъ фабрикантамъ и заводчикамъ. Онъ хотѣлъ этимъ совершенно ложнымъ и непрактичнымъ у насъ путемъ получить разно-

образныя свѣдѣнія о положеніи малолѣтнихъ на фабрикахъ, нужныя въ цѣляхъ выполненія закона. Разныя лица со всѣхъ сторонъ (въ томъ числѣ и я) старались убѣдить его въ полной безнадежности и безполезности собиранія въ Россіи этимъ путемъ такихъ свѣдѣній отъ нашихъ невѣжественныхъ, въ большинствѣ совсѣмъ незнакомыхъ съ закономъ и непривыкшихъ къ подобнымъ опросамъ промышленниковъ. Андреевъ упорно настоялъ на своемъ. Департаментъ Торговли и Мануфактуръ напечаталъ и разослалъ многія тысячи этого циркуляра съ вопросными пунктами по всѣмъ концамъ Россіи съ довольно близкимъ, притомъ, срокомъ для отвѣта. Какъ и слѣдовало ожидать, огромное число фабрикантовъ никакого отвѣта не прислало; тѣ же сравнительно немногіе, которые прислали, представили, разумѣется, обычныя данныя, доставляемыя въ полицію, т. е. въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишенныя всякой достовѣрности и цѣны. Отчетъ, на основаніи этихъ данныхъ, Андреева изданъ Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ черезъ годъ, уже послѣ его скорой отставки, о которой будетъ рѣчь дальше. Нѣтъ сомнѣнія, довольно значительная сумма казенныхъ денегъ была этимъ путемъ непроизводительно брошена на вѣтеръ.

Другой, еще болѣе опасный шагъ, сдѣланный за это время Е. Н. Андреевымъ, который поправить было нелегко и который, можетъ быть, его отчасти поссорилъ съ Министерствомъ, была попытка предложить, опять-таки противно совѣтамъ многихъ, двухъ кандидатовъ на должность окружныхъ фабричныхъ инспекторовъ Петербургскаго и Варшавскаго округовъ — г. Струкгова — старшаго техника при Петербургскомъ градоначальникѣ, и престарѣлаго зоолога Сѣмашко; кандидаты эти для новыхъ фабрично-инспекторскихъ должностей являлись столь неподходящими по многимъ очевиднымъ причинамъ, что первый въ скоромъ времени вышелъ въ отставку, а второй совсѣмъ не былъ назначенъ и даже не ѣздилъ въ Варшаву, на мѣсто своего назначенія.

30 Августа 1882 года всѣ длинныя формальности и справки обо мнѣ (въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, Университетѣ, Департаментѣ Полиціи и пр.) были,

наконецъ, покончены, и я былъ утвержденъ въ должности «Московскаго Инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ». Въ серединѣ слѣдующаго мѣсяца—Сентября я получилъ въ отношеніи г. Главнаго Инспектора Е. Н. Андреева общія указанія на тѣ обязанности, которыя возлагаются на меня по моей должности фабричнаго инспектора впредь до вступленія въ дѣйствіе закона 1-го Іюня 1882 года. На первомъ планѣ, конечно, стоятъ разныя стороны фабричной жизни въ отношеніи малолѣтнихъ рабочихъ и всестороннее ознакомленіе съ нею. Такъ, инспекторамъ предстоитъ собрать возможно полныя свѣдѣнія, притомъ по разнымъ родамъ промышленности, о числѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ, съ указаніемъ ихъ возраста и процентнаго отношенія къ общему числу работающихъ. Точно также необходимо имѣть точныя свѣдѣнія о времени работы малолѣтнихъ, о часахъ работы и интервалахъ между смѣнами, о степени утомительности для дѣтей работъ разнаго вида и особенно о ночныхъ работахъ, или вредныхъ для здоровья работающихъ. Затѣмъ слѣдуетъ инспекторамъ спеціально знакомиться со школьнымъ образованіемъ на фабрикахъ для работающихъ и неработающихъ, характеристикой школъ и, если возможно, стоимостью ихъ и указаніемъ тѣхъ путей, коими можетъ удовлетворяться забота закона объ образованіи малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ.

Вторая задача фабричныхъ инспекторовъ, впредь до вступленія закона въ дѣйствіе, должна была состоять въ изученіи и собраніи общихъ свѣдѣній объ условіяхъ труда и положеніи рабочихъ всякаго возраста на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ, а именно: объ условіяхъ найма въ разныхъ производствахъ и занятіяхъ, о заработной платѣ взрослыхъ и малолѣтнихъ, о способѣ продовольствія рабочихъ и спеціально харчевыхъ лавкахъ, о вентиляціи рабочихъ помѣщеній, огражденіи опасныхъ механизмовъ и вообще санитарной обстановкѣ работы, о жилыхъ помѣщеніяхъ и больницахъ, о вычетахъ, наконецъ, о штрафахъ и существующихъ по этому предмету обычаяхъ на разныхъ фабрикахъ.

Таковы обязанности, которыя возложены были на меня, какъ на фабричнаго инспектора, въ видѣ какъ бы подгото-

вительной школы для будущаго исполненія закона, который, какъ предполагалось сначала, вступитъ въ дѣйствіе съ 1 Мая 1883 года, но въ дѣйствительности, вслѣдствіе извѣстной медленности нашей государственной колесницы, какъ мы скоро это увидимъ, былъ отсроченъ еще на годъ, т. е. до 1 Мая 1884 года... Но фактически даже и тогда, благодаря отсутствію „Правилъ для фабрикантовъ" и „Инструкціи инспекторамъ", мы все еще не могли, какъ слѣдуетъ, работать для цѣлей закона, получая жалованье за одно голое удовлетвореніе любознательности, могущей быть полезною лишь для нашего будущаго, если-бы инспекціей правительство дорожило!...

Перехожу къ первымъ осмотрамъ фабрикъ въ качествѣ инспектора и своимъ первымъ впечатлѣніямъ. Само собой разумѣется, и тогда даже московскія фабрики не были для меня совершенной terra incognita: я перечиталъ большую часть того, что о нихъ существовало тогда въ литературѣ; мнѣ были хорошо извѣстны прекрасныя изслѣдованія Московскихъ земскихъ врачей, изъ которыхъ, напр., Эрисмана и Погожева появились раньше моей инспекторской дѣятельности, или во время ея; я много слышалъ о фабрикахъ изъ устной передачи, напр., отъ покойнаго В. И. Орлова и др. земскихъ статистиковъ ..., но тѣмъ не менѣе первые шаги для меня сдѣлали очевидными такіе факты изъ фабричной жизни, которые, по чужимъ сообщеніямъ, не производятъ никакого дѣйствія и не оставляютъ глубокаго слѣда. Меня прежде всего поражало на большинствѣ посѣщаемыхъ фабрикъ, и притомъ весьма долго (не менѣе какъ года два), крайнее невѣжество и незнаніе на фабрикахъ о намѣреніяхъ правительства относительно предполагаемаго вмѣшательства въ фабричную жизнь, или объ изданныхъ фабричныхъ законахъ. Я началъ осматривать фабрики лишь въ концѣ Сентября 1882 года, по полученіи открытаго листа, дававшаго мнѣ право входа на фабрики; слѣдовательно, законъ 1 Іюня 1882 г давно уже былъ опубликованъ, о немъ много писалось въ газетахъ и кое-что говорилось въ журналахъ; для фабрикъ, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, гдѣ работало много малолѣтнихъ, онъ представлялъ крупный интересъ и, тѣмъ

не менѣе, *года два, по крайней мѣрѣ*, на большинствѣ фабрикъ объ этомъ законѣ ничего не знали и даже ничего не слыхали!

Меня поразило это обстоятельство на первой же фабрикѣ, мною посѣщенной, довольно большихъ размѣровъ—фабрикѣ Котова (въ Москвѣ, въ Хамовнической части), а потомъ то же самое такъ часто повторялось и на другихъ фабрикахъ, что каждое свое посѣщеніе мнѣ приходилось начинать вопросомъ хозяину или его довѣренному въ конторѣ: «Слыхали ли Вы что-нибудь о намѣреніи правительства ограничить работу малолѣтнихъ?»; обычно получалъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ, ничего не слыхали!» и вынужденъ былъ чуть ли не прочесть имъ лекцію о законѣ о малолѣтнихъ, его важности и предполагаемомъ выполненіи. Нѣкоторые меня слушали съ видимымъ недовѣріемъ, иные иронизировали; но огромное большинство, сказать правду, встрѣчали сообщаемое съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ будто дѣло до нихъ совершенно не относится или касается другой страны, другого государства! Такъ, одинъ довольно крупный московскій фабрикантъ, въ первый разъ, по его словамъ, услыхавши отъ меня о законѣ о малолѣтнихъ, въ самомъ же началѣ моихъ объясненій прервалъ меня: «Вы меня извините, господинъ, мнѣ пора въ городъ въ амбаръ ѣхать, а Вы разскажите свое какому-нибудь молодцу въ конторѣ; они мнѣ потомъ все передадутъ, будьте спокойны»... Другой былъ еще наивнѣе и не ссылался даже на дѣловой предлогъ, а что ему де «пора червячка заморить...; жена, знаете, ждетъ къ обѣду», что лучше объ этомъ я бы зашелъ въ другое время потолковать, «какъ-нибудь утречкомъ»....

Обыкновенно по моемъ пріѣздѣ на фабрику и предъявленіи открытаго листа старшему лицу на фабрикѣ мнѣ приходилось помимо объясненія цѣлей пріѣзда разсѣивать даже недоумѣнія относительно моей личности; такъ какъ открытый листъ русскіе фабриканты и ихъ довѣренные (обратно съ иностранцами!) никогда не читали, отдавая его тотчасъ назадъ, то меня принимали, какъ оказывалось впослѣдствіи, обыкновенно или за земскаго статистика, или губернскаго механика, или за доктора, или полицейскаго чиновника! На одной фабрикѣ, какъ обнаружилось уже въ концѣ

моего посѣщенія, меня все время принимали даже за окружного надзирателя по надзору за питомцами Воспитательнаго Дома. Смотря по тому, за кого меня принимали, соотвѣтственно спѣшили и удовлетворять этой предполагаемой цѣли посѣщенія: то вели, напр., настойчиво въ паровое отдѣленіе, чтобы показывать мнѣ паровые котлы, какъ я ни упирался, то снимали со стѣны и показывали «Права», т. е. билетъ на торгово-промышленное заведеніе и приказчичьи свидѣтельства, то приносили паспортную книгу и кучу паспортовъ и т. д., и т. д. Всѣ эти странныя недоумѣнія поглощали много времени и волей-неволей заставляли меня давать новыя объясненія о законѣ 1 Іюня, о должности фабричнаго инспектора и цѣли моего посѣщенія; мнѣ надо было вынуждать себя слушать, вмѣсто того, чтобы, кончивъ скорѣе дѣло, освободить отъ своего присутствія. Вообще, иногда, первое время приходилось вспоминать извѣстную «сказку о бѣломъ бычкѣ».

Вторая черта изъ моихъ первоначальныхъ впечатлѣній— это именно полнѣйшее равнодушіе фабрикантовъ къ закону 1-го Іюня и его будущности: видимо, они сомнѣвались въ возможности его практическаго осуществленія, или привыкли вообще законы видѣть невыполняемыми. Мало того, нѣкоторые даже подшучивали по поводу введенія въ дѣйствіе закона и мѣръ контроля и указывали, не стѣсняясь, на возможность тѣхъ или иныхъ уловокъ, даже при достаточности контроля, для избѣжанія закона. Нѣкоторые фабриканты или ихъ представители выражали свое твердое убѣжденіе, неизвѣстно на чемъ основанное, что дѣло никогда не дойдетъ до конца, что правительство такъ или иначе отмѣнитъ законъ ранѣе вступленія его въ силу (что оказалось, увы! въ дѣйствительности потомъ фактически и осуществленнымъ).

Наконецъ, нѣкоторые, къ счастью, немногіе фабриканты, изъ особенно, очевидно, опасавшихся за открытіе или сообщеніе какихъ-либо неблаговидныхъ фактовъ на ихъ фабрикахъ, вродѣ крайнихъ проявленій эксплуатаціи рабочихъ, особенно дурного санитарнаго устройства, особенно малаго возраста многочисленныхъ малолѣтнихъ рабочихъ и т. д.— пытались меня „подмазать“, т. е. всучить взятку; одинъ разъ, напр., подъ ногами въ саняхъ у своего извозчика я,

къ своему удивленію, нашелъ голову сахара; другой разъ въ своей книжкѣ законовъ, которую оставилъ на минуту въ конторѣ, вложенную ассигнацію и т. д. Сказать правду, однако, случаи предложенія взятокъ вообще были весьма рѣдки, и когда я, устраняя подобную попытку, читалъ нотацію, то, видимо, подавшіе были очень сконфужены, извинялись, что „это уже-де такъ заведено", и никогда въ другой разъ не повторяли. Любопытно для характеристики, между прочимъ и русской жизни, что попытки предложенія взятокъ со мной были лишь короткое время: первые мѣсяцы моей дѣятельности, когда я разъѣзжалъ и осматривалъ промышленныя заведенія исключительно для собранія фактовъ, а не наблюденія за закономъ, который еще не вступалъ въ силу. Позднѣе же, когда законъ вступилъ въ силу, я не помню, за исключеніемъ одного случая на стеклянномъ заводѣ въ глухомъ углу Тверской губерніи, ни одной болѣе попытки къ даванію взятки; очевидно, разнеслось, что „на новой должности не берутъ!"... Вообще, за исключеніемъ небольшого числа просвѣщенныхъ и гуманныхъ лицъ изъ фабричной администраціи, огромное большинство промышленниковъ въ мое время пыталось справляться съ чиновниками, по русской поговоркѣ: „не мытьемъ—такъ катаньемъ".

Другой важной помѣхой, помимо незнакомства фабричнаго міра съ новыми законами, къ осмотру фабрикъ и ознакомленію съ ними, было отсутствіе точныхъ свѣдѣній объ ихъ числѣ и мѣстонахожденіи; даже въ Москвѣ, гдѣ для меня, по распоряженію Оберъ-Полицеймейстера генерала Козлова, былъ составленъ спеціальный списокъ всѣхъ промышленныхъ заведеній, сплошь и рядомъ оказывались совсѣмъ пропущенныя фабрики, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ на одномъ участкѣ земли, по полицейскимъ свѣдѣніямъ, значилась одна фабрика, ихъ въ дѣйствительности оказывалось двѣ или три. Еще менѣе заслуживали вѣры, конечно, другія данныя о промышленныхъ заведеніяхъ, если даже число фабрикъ и было точно: въ большинствѣ случаевъ, напримѣръ, оффиціальныя свѣдѣнія о числѣ рабочихъ были меньше истинной цифры, но иногда и наоборотъ. На многихъ фабрикахъ не оказывалось вовсе точнаго списка рабочихъ за всякій моментъ,

а полиціи посылались изъ года въ годъ одни и тѣ же, даже часто печатныя свѣдѣнія о заведеніи, безъ всякихъ перемѣнъ. Вообще, на первыхъ же шагахъ мнѣ пришлось убѣдиться въ неудовлетворительности и неточности всѣхъ имѣющихся статистическихъ данныхъ и провѣрять ихъ личными разспросами промышленниковъ и рабочихъ. Все это, разумѣется, осложняло дѣло ознакомленія съ фабриками, увеличивало время, необходимое для собиранія свѣдѣній, и, тѣмъ самымъ, конечно, уменьшало общее число сдѣланныхъ осмотровъ. Къ этому еще присоединялось незнакомство съ топографическимъ положеніемъ фабрикъ и путями сообщенія,— знакомство, которое вырабатывается мало-по-малу, конечно, путемъ опыта.

Пока я, такимъ образомъ, началъ понемногу свои объѣзды и посѣщенія фабрикъ, знакомился и боролся со встрѣчавшимися затрудненіями и набирался свѣдѣній для своей новой профессіи, время протекало быстро, и въ Петербургѣ готовились новыя, очень важныя для инспекціи событія. Е. Н. Андреевъ не баловалъ меня письмами ни частными, ни оффиціальными. Третье его письмо по счету, отъ 29 Марта 1883 года, принесло мнѣ нѣсколько непріятныхъ для новаго надзора за фабриками извѣстій; очевидно, дѣло у него не ладилось какъ съ Ермаковымъ, такъ и съ Министромъ, и онъ увѣдомлялъ меня, что большинство его представленій, по его выраженію, „кладется подъ сукно". Общій составъ инспекціи, который на первыхъ порахъ предполагался въ 85 человѣкъ, сведенъ былъ сначала на 49, а затѣмъ остановились на 20 человѣкахъ и помощи акцизныхъ чиновниковъ. Пунктъ 5-ый статьи 1-ой закона 1-го Іюня 1882 года, въ силу котораго владѣльцы фабрикъ и заводовъ и мануфактуръ „обязаны представлять малолѣтнимъ возможность посѣщать учебныя заведенія" и т. д., который до тѣхъ поръ всѣ мы и сами фабриканты понимали какъ обязательство устройства школъ, гдѣ ихъ не было, получилъ, согласно письму Андреева, новое толкованіе, совершенно уничтожавшее въ сущности вопросъ объ обученіи малолѣтнихъ. „Инспекціи",—писалъ онъ въ этомъ письмѣ,— „предоставляется уговаривать фабрикантовъ устраивать школы; если

же этого не будетъ, то Министерство Народнаго Просвѣщенія будетъ устраивать ихъ на счетъ Государственнаго Казначейства"(!!??).

Въ то же время, сообщая о нежелательныхъ, въ интересахъ фабричнаго закона, дѣйствіяхъ Министерства, Е. Н. пишетъ и о согласіи Министерства на его собственное предложеніе, не менѣе вредное для интересовъ новаго закона. По непонятнымъ для меня причинамъ, онъ пожелалъ разрушать законы еще не осуществленные и сдѣлалъ представленіе о допущеніи къ ночной работѣ малолѣтнихъ не съ 15-ти, а съ 14-ти лѣтъ отъ роду, съ чѣмъ, будто бы, Министерство согласилось (къ счастью, Государственный Совѣтъ не утвердилъ эту неосторожную мѣру).

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 19 Апрѣля 1883 года Е. Н. сообщаетъ еще болѣе важное извѣстіе отрицательнаго характера, а именно, что „Инструкція чинамъ инспекціи по надзору за занятіями малолѣтнихъ" и „Правила исполненія закона для фабрикантовъ" не успѣютъ пройти до весны, т. е. до 1-го Мая, а потому, въ виду ихъ существенной нужды для исполненія закона, „и само примѣненіе закона отлагается вновь еще на цѣлый годъ". "Впрочемъ, думаю, что это къ лучшему",—добавляетъ Андреевъ: „авось удастся убѣдить Министра Финансовъ въ невозможности вести порядочно дѣло при такой обстановкѣ"... Далѣе онъ увѣдомляетъ: такъ какъ теперь дѣло отложено, то онъ, „озабочиваясь составленіемъ „Инструкціи" (??), пришлетъ ее намъ, мнѣ и Пескову, для предварительнаго просмотра (т. е. въ дѣйствительности для составленія). Въ то же время онъ сообщаетъ не безъ гордости, что ему удалось, будто бы, провести ночную работу 14-лѣтнихъ подростковъ, вмѣсто 15-тилѣтнихъ: „чѣмъ меньше пертурбацій, тѣмъ лучше,—я думаю",—замѣчаетъ онъ. Въ заключеніе письма Е. Н. съ важностью заявляетъ, что „цѣлыхъ 4 секретаря постоянно заняты у него сводкой матеріала, поступающаго отъ фабрикантовъ въ отвѣтъ на циркуляръ, нами выше упомянутый: „очень много интереснаго, много дѣльнаго, немало и забавнаго"... „Я получилъ", —добавляетъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ по тому же предмету,—„разрѣшеніе на печатаніе всего собраннаго матеріала; томъ будетъ крупный

и, надѣюсь, чрезвычайно интересный, оригинальный и достовѣрный“... (!!?).

Наконецъ, въ послѣднемъ своемъ письмѣ съ небольшимъ черезъ недѣлю, отъ 28 Апрѣля, Е. Н. сообщаетъ, чего слѣдовало давно ожидать, о своей скорой предложенной Министерствомъ отставкѣ и окончаніи имъ инспекторской дѣятельности. „Вчера“,—пишетъ онъ—„я былъ приглашенъ къ г. Министру, который заявилъ мнѣ, что, не находя въ моей дѣятельности удовлетворенія своимъ предположеніямъ и усматривая частыя между нами разногласія по вопросамъ инспекціи, онъ предлагаетъ мнѣ какое-нибудь другое положеніе въ Министерствѣ Финансовъ; онъ не видитъ“,—продолжаетъ Андреевъ откровенную передачу словъ Министра, „чтобы что-нибудь было сдѣлано практическаго въ теченіе цѣлаго года“ (собственно за 9 мѣсяцевъ службы).

Дѣйствительно, Андреевъ ничего не успѣлъ практическаго сдѣлать за время исполненія обязанностей Главнаго Инспектора, кромѣ вышеуказаннаго безполезнаго анкета. Такъ, дополнительныя узаконенія о взысканіяхъ за нарушеніе закона о малолѣтнихъ, безъ чего, конечно, онъ не могъ бы и исполняться, прошли и утверждены послѣ него, уже отъ 5 Іюня 1884 года; равно послѣ него прошло и узаконеніе отъ 12 Іюня 1884 года (впрочемъ, испортившее законъ); и точно также упомянутыя выше крайне существенныя „Инструкція чинамъ инспекціи“ и „Правила фабрикантамъ“ прошли спустя много времени, лишь послѣ многихъ мытарствъ, и утверждены лишь 19 Декабря 1884 года. При Андреевѣ начато было составленіе списка вредныхъ и иныхъ производствъ, въ которыхъ допускается отступленіе отъ правилъ о работѣ малолѣтнихъ; но прошелъ онъ, тщательно пересмотрѣнный, гораздо позднѣе, въ инспекторство Я. Т. Михайловскаго. Почему Е. Н. Андреевъ былъ такъ бездѣятеленъ, я не берусь судить, живя далеко отъ него и рѣдко получая письма (обратно съ послѣдующимъ Главнымъ Инспекторомъ Михайловскимъ). Вѣроятно важной помѣхой, какъ и всегда, у насъ каждому живому дѣлу служила канцелярская волокита Департамента Торговли и личное несогласіе, по свойствамъ характера, Андреева съ Ермаковымъ.

Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, малодѣятельности Андреева способствовало, что меня крайне удивило при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, неудовлетворительное его знакомство съ фабричнымъ и рабочимъ бытомъ, не смотря на его техническую спеціальность; онъ былъ, повидимому, только нѣсколько знакомъ съ кустарнымъ производствомъ, о которомъ писалъ и печаталъ и придавалъ ему преувеличенное значеніе въ государствѣ; но эта слабость скорѣе принесла больше зла, чѣмъ добра дѣлу фабричнаго надзора, ибо, по его, вѣроятно, настоянію, отъ дѣйствія инспекціи освобождены были, по закону отъ 1 Іюня 1882 года, совершенно т. н. „кустарные промыслы", опредѣленія которыхъ въ русскомъ законѣ совсѣмъ не существовало. Поэтому, впослѣдствіи, при попыткахъ примѣненія на практикѣ закона о работѣ и обученіи малолѣтнихъ, многіе мелкіе фабриканты (и даже съ числомъ рабочихъ до 50 человѣкъ) наровили себя объявить кустарями и тѣмъ избавиться отъ дѣйствія новаго закона! Несомнѣнно, въ заслугу Андреева, впрочемъ, надо поставить привлеченіе къ фабричной инспекціи дѣльнаго и дѣятельнаго помощника въ лицѣ П. А. Пескова, котораго онъ сдѣлалъ фабричнымъ инспекторомъ Владимірскаго округа.

Вскорѣ за этимъ письмомъ Андреевъ вышелъ въ отставку, и у насъ началось междуцарствіе, такъ какъ долго на его мѣсто никого не назначали, и мы, немногіе инспектора—я разумѣю себя и Пескова—сносились прямо съ Департаментомъ черезъ посредство А. Г. Неболсина. Впрочемъ, и поводовъ къ сношенію было мало: мы продолжали свое дѣло посѣщенія фабрикъ и собиранія о нихъ свѣдѣній. Въ виду отсутствія необходимыхъ дополнительныхъ узаконеній, хотя бы, напр., о взысканіи за нарушеніе закона, а равно „Правилъ" и „Инструкціи", не могло быть и рѣчи о привлеченіи коголибо къ отвѣтственности, какія бы явныя злоупотребленія мы ни видѣли; мы ограничивались лишь одной бесѣдой съ хозяевами и записываніемъ замѣтокъ въ свои путевыя книжки.

Я, впрочемъ, сравнительно съ Песковымъ, имѣлъ одно преимущество и могъ кое-что сдѣлать для интересовъ рабочихъ и фабричнаго благоустройства; какъ я сообщалъ раньше, я былъ единовременно членомъ „Саблинской" Коммиссіи, учрежденной

Генералъ-Губернаторомъ, и подобной же Коммиссіи для г. Москвы подъ предсѣдательствомъ Оберъ-Полицеймейстера. Та и другая Коммиссіи выработали и издали свои „Правила для фабрикантовъ“, стоя на почвѣ существующихъ уже законовъ, съ нѣкоторыми дополненіями и разъясненіями; и вотъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ я находилъ нарушеніе означенныхъ правилъ, я заявлялъ хозяевамъ о непремѣнномъ намѣреніи своемъ довести до свѣдѣнія губернской администраціи о замѣченномъ нарушеніи закона, и только въ случаѣ положительнаго, съ назначеніемъ срока, обѣщанія хозяина все исправить, я соглашался на первый разъ воздержаться отъ такого заявленія. Этотъ пріемъ нѣсколько разъ мнѣ удавался и, благодаря ему и соглашенію съ фабрикантами, были кое-гдѣ устроены огражденія машинъ, приняты санитарныя и антипожарныя мѣры (устройство, напр., лѣстницъ, вентиляціи и пр.), а кое-гдѣ удавалось установить лучшій разсчетъ съ рабочими или уменьшить чрезмѣрные вычеты и штрафы, напр., такого рода безобразіе, какое я помню на одной фабрикѣ — штрафы за пѣніе пѣсенъ по *воскресеньямъ* и вожденіе хороводовъ на дворѣ фабрики! Не имѣя никакой власти по закону вслѣдствіе объясненныхъ выше причинъ, я не имѣлъ и права дѣлать какія-либо замѣчанія хозяевамъ или угрожать отвѣтственностью, что бы я ни видѣлъ и ни слышалъ отъ рабочихъ, которые обращались ко мнѣ съ жалобами, часто справедливыми. Я ограничивался только однимъ: „я, при свиданіи, разскажу князю Владиміру Андреевичу Долгорукову или генералу Александру Александровичу Козлову, что̀ видѣлъ у Васъ, а затѣмъ дѣлайте сами, какъ знаете“! Обыкновенно было этого достаточно, какъ я провѣрялъ повторными посѣщеніями, чтобы замѣченное мною безобразіе было дѣйствительно устранено или, по крайней мѣрѣ, смягчено.

Въ концѣ лѣта, наконецъ, назначенъ былъ новый Главный Фабричный Инспекторъ Яковъ Тимофеевичъ Михайловскій, педагогъ по своей профессіи, если не ошибаюсь, преподаватель въ нѣсколькихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ во многихъ отношеніяхъ представлялъ собою совсѣмъ другую личность, нежели его предшественникъ Андреевъ, и, какъ я въ настоящее время думаю, рѣшительно къ лучшему.

Конечно, онъ не былъ знакомъ съ фабрично-инспекторскимъ дѣломъ и рабочимъ вопросомъ по личному опыту, но такіе люди вообще у насъ рѣдки, и въ этомъ отношеніи Андреевъ едва-ли превосходилъ даже почтеннаго Я. Т., не смотря на свою техническую спеціальность. Первый зналъ только твердо возраженія противъ покровительственнаго тарифа и о кустарныхъ производствахъ; второй же зато гораздо болѣе былъ знакомъ съ вопросами народнаго образованія и школьнаго дѣла и, помимо личнаго опыта, писалъ о нихъ... Но самое главное: перваго невозможно было ни въ чемъ убѣдить обратномъ высказанному имъ, какъ бы очевидность ни была противъ него. Е. Н. Андреевъ и не желалъ, повидимому, ничему учиться въ новомъ дѣлѣ; по крайней мѣрѣ, на немногихъ осмотрѣнныхъ со мною фабрикахъ въ Москвѣ онъ всегда отклонялъ отъ себя разспросы экономическаго характера, или отсылалъ ко мнѣ, тогда какъ Я. Т. собиралъ всякія свѣдѣнія и охотно учился, насколько представлялся случай.

При посѣщеніи Москвы новый Главный Фабричный Инспекторъ охотно осмотрѣлъ со мною нѣкоторые фабрики и заводы, вызывающіе особую важность въ виду ихъ несоотвѣтствія новому закону или невозможности его выполненія, такъ напр., рогожныя фабрики. Мы много разъ обсуждали съ нимъ этотъ вопросъ, и онъ обѣщался навести разныя справки въ Петербургѣ. Обратно съ Андреевымъ, онъ охотно и быстро отвѣчалъ на всякіе письменные запросы; правда, я не всегда находилъ въ его письмахъ точные отвѣты на свои любознательные дѣловые запросы; сзади его стояли, не слѣдуетъ забывать, канцелярія Министерства и Департаментъ, которые также мало церемонились съ нимъ, какъ съ Андреевымъ, и весьма часто всѣ его настоянія и просьбы разбивались о бюрократическія препоны, а благія намѣренія не приводили ни къ чему положительному. Такъ, весьма долго больнымъ для насъ обоихъ пунктомъ были пресловутыя „Правила фабрикантамъ“ и „Инструкція инспекторамъ“, безъ которыхъ невозможно было приступить къ истинному надзору, и инспекторъ являлся на фабрикахъ, при мало-мальски умномъ и любознательномъ хозяинѣ и его довѣренномъ, истиннымъ межеумкомъ и мученикомъ, который на многіе естественные

и вполнѣ умѣстные вопросы ихъ вынужденъ былъ отвѣчать лишь междометіями, или ничего не значащими фразами. „Могутъ ли малолѣтніе, не достигшіе 12 лѣтъ, въ видѣ малаго исключенія, временно быть допущены къ работѣ на фабрикахъ“?! „Для всѣхъ ли малолѣтнихъ требуются метрическія свидѣтельства, и что дѣлать, если священникъ ихъ не даетъ“!? какъ мнѣ доказываетъ хозяинъ того или иного заведенія. „Всѣ ли царскіе дни подлежатъ празднованію“? „Допустимо ли присутствіе младенцевъ и вообще малыхъ дѣтей, неспособныхъ къ занятіямъ, въ рабочихъ помѣщеніяхъ, хотя бы это было около матери или отца“? „По какимъ часамъ должно провѣряться время для работы на фабрикахъ“?.. и т. д., и т. д., безъ конца. На всѣ эти и сотни подобныхъ вопросовъ инспекторъ не въ состояніи былъ отвѣчать точно до выхода въ свѣтъ „Правилъ фабрикантамъ“, а на многіе, при неполнотѣ «Правилъ», и послѣ нихъ...

Весь 1883 годъ прошелъ до осени, такимъ образомъ, въ посѣщеніи фабрикъ, съ цѣлью ознакомленія лишь съ будущимъ дѣломъ. Съ назначеніемъ Михайловскаго пришлось съѣздить въ Петербургъ и, по желанію Министерства, приступить къ писанію отчета о своей полуторагодовой дѣятельности, по программѣ, еще составленной Андреевымъ, для ознакомленія съ фабриками. Отчетъ этотъ долженъ былъ быть поданъ или, точнѣе, присланъ въ Министерство къ 1 Января 1884 года, въ дѣйствительности мнѣ дана была маленькая отсрочка, и я его кончилъ и послалъ лишь въ концѣ Января, послѣ усерднаго четырехмѣсячнаго, или больше, надъ нимъ сидѣнія. Онъ представилъ собою выпуклую, непривлядную картину русскаго фабричнаго быта, что, какъ извѣстно, обратило всеобщее вниманіе, и если нѣкоторые изъ фабрикантовъ, познакомившіеся съ отчетомъ (напр., г. Герасимовъ — представитель Реутовской мануфактуры), дѣлали мнѣ комплименты за безпристрастіе и точность сообщаемыхъ свѣдѣній, то другіе подъ шумокъ дѣлали намеки, что описательная часть моего отчета страдаетъ преувеличеніями, что содержаніе его пахнетъ де „соціализмомъ“ и что автора его слѣдовало бы „сократить“. Какъ бы то ни было, отчетомъ въ большинствѣ были довольны. Михайловскій написалъ мнѣ

письмо, полное комплиментовъ, съ передачей благопріятныхъ отзывовъ Н. Х. Бунге; черезъ годъ, совершенно неожиданно для себя, не представляя вовсе своей книги для конкуренціи, я получилъ отъ Географическаго Общества золотую медаль этого общества за свой трудъ; въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ появилось множество лестныхъ разборовъ и рецензій, въ англійскихъ „синихъ" книгахъ (изданіи для парламента) было сдѣлано извлеченіе изъ моего отчета in extenso ... *) и т. д. Все это вмѣстѣ, разумѣется, давало мнѣ силъ и бодрости съ надеждой смотрѣть на будущее и стоять такъ же твердо при исполненіи фабричныхъ законовъ, какъ до тѣхъ поръ, при предварительномъ ознакомленіи съ фабричной жизнью и бытомъ рабочихъ.

Первые признаки, однако, при подачѣ моего отчета въ Январѣ 1884 года были тревожны и внушали опасеніе; Михайловскій писалъ изъ Петербурга, что въ Департаментѣ, ознакомившись съ его содержаніемъ, опасаются большой огласки, потому колеблются его печатать. Когда же я, ссылаясь на обѣщаніе еще Андреева и примѣръ всѣхъ другихъ странъ, рѣшительно настаивалъ на его напечатаніи, то, наконецъ, согласились на это, но хотѣли помѣстить отчетъ сначала отрывками въ изданіи Министерства „Указатель распоряженій по Министерству Финансовъ", что, разумѣется, растянуло бы печатаніе отчета на продолжительное время и въ

---

*) Изъ многочисленныхъ журнальныхъ отзывовъ особенно выдавались по своему качеству превосходныя статьи «Вѣстника Европы». Если въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ статьи по поводу отчета были простыми компиляціями, то, напротивъ, въ «Вѣстникѣ Европы» (напр., статья К. К. Арсеньева въ 1884 году, по выходѣ отчета) имѣла мѣсто безпристрастная, толковая критика и оцѣнка съ оригинальными, принадлежащими автору разбора замѣчаніями и вѣрой въ хорошее будущее начатаго дѣла и его исполнителей...

«Если выборъ лица,—говоритъ авторъ означенной статьи,—для завѣдыванія Московскимъ фабричнымъ округомъ—не счастливая случайность, а плодъ обдуманной системы, и если развитіе этой системы ничѣмъ не будетъ ни остановлено, ни извращено, то успѣхъ новаго закона можно считать обезпеченнымъ, и за нимъ, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ дальнѣйшія, настоятельно необходимыя реформы фабричнаго законодательства»... (см. «Вѣстникъ Европы», Ноябрь 1884 года, Внутреннее обозрѣніе, стр. 371).

Увы! послѣ такой вѣры въ лучшее будущее, кто же могъ ждать такого быстраго разочарованія?! Разумѣется, лишь цѣлый рядъ неудачъ и неправильное направленіе всего дѣла инспекціи постепенно убѣдили меня, какъ увидятъ дальше читатели моихъ «Воспоминаній», въ невозможности еще долго ждать у насъ хорошей организаціи фабричнаго законодательства!...

значительной степени ослабило бы его значеніе и вліяніе. Лишь благодаря новымъ настояніямъ и угрозѣ обратиться за помощью и посредничествомъ къ самому Министру и пр. удалось добиться печатанія отчета особой книгой и спасенія моего труда отъ сравнительнаго забвенія въ дебряхъ „Распоряженій Министерства Финансовъ"...

Посылая свой отчетъ Я. Т. Михайловскому въ Петербургъ, въ письмѣ отъ 18 Января 1884 года, я въ слѣдующихъ словахъ выразилъ мое отношеніе къ собственному труду и мотивировку для необходимости его печатанія именно въ формѣ книги: „Не знаю, найдете ли Вы его достаточно для себя любопытнымъ; во всякомъ случаѣ я старался помѣстить въ немъ какъ можно болѣе изъ видѣннаго и слышаннаго на фабрикахъ, выбирая преимущественно такія свѣдѣнія, которыя, по моимъ соображеніямъ, могутъ пригодиться Вамъ и Департаменту при пересмотрѣ нашихъ фабричныхъ постановленій. Во всемъ отчетѣ я старался держаться строгаго безпристрастія и говорилъ только одну правду, не стараясь ее смягчать или замаскировать. Если что не понравится нашимъ фабрикантамъ, пусть не взыщутъ! Я не закрывалъ глазъ и ушей на то, что видѣлъ и слышалъ, но не называлъ именъ, гдѣ факта не провѣрилъ лично, или онъ вызывалъ малѣйшее сомнѣніе. Кстати, я получаю вновь „Указатель распоряженій по Министерству Финансовъ" и думаю, что если моему отчету суждено печататься на его страницахъ, то это „его-же Царствію не будетъ конца"! Указатель до того переполненъ банками и оффиціальными распоряженіями, что, при величинѣ отчета листовъ въ 15, онъ будетъ печататься не менѣе полугода, и всякій интересъ къ нему читателей успѣетъ исчезнуть раньше окончанія печатанія. Таблицы, очень важныя, какъ матеріалъ, едва ли могутъ появиться на его страницахъ, такъ какъ отдѣльно отъ всего отчета онѣ не имѣютъ никакого смысла. Вездѣ въ Европѣ дорожатъ отчетами фабричныхъ инспекторовъ, печатаютъ ихъ немедленно по появленіи ихъ въ свѣтъ, какъ полезный вдвойнѣ матеріалъ — 1) въ законодательныхъ цѣляхъ, 2) въ интересахъ общаго ознакомленія народа съ положеніемъ промышленности. Неужели у насъ только не найдется средствъ напечатать эти

отчеты прямо, отдѣльною книгой? Вѣдь, если не ошибаюсь, на счетъ Министерства Финансовъ издавались даже очень недавно такіе труды, какъ „Свѣдѣнія о торговлѣ въ Тихомъ Океанѣ“, „О среднеазіатскихъ орнаментахъ“ и т. д. По моему мнѣнію, содержаніе инспекторскихъ отчетовъ ближе къ интересамъ какъ самого Министерства Финансовъ, такъ и публики, и уже гораздо существеннѣе, особенно принимая во вниманіе почти полное у насъ отсутствіе промышленной статистики. Не найдете ли Вы, многоуважаемый Яковъ Тимофеевичъ, нужнымъ поговорить и понастоятельнѣе попросить Николая Андреевича (Ермакова) или самого Николая Христіановича Бунге)?! Это было бы для нашего дѣла большою услугою: иначе опустятся руки работать надъ отчетами и грозитъ въ будущемъ опасность, что самое ихъ писаніе обратится въ формальность“... Такимъ образомъ, отчетъ былъ спасенъ отъ забвенія, и Михайловскій скоро увѣдомилъ меня, что онъ уже поступилъ въ наборъ въ Типографію Киршбаума.

За нѣсколько недѣль всего Я. Т. Михайловскій окончилъ проектъ „Распоряженія Министра Финансовъ о вредныхъ производствахъ“ или, точнѣе, списокъ производствъ, съ нѣкоторыми отступленіями или изъятіями изъ-подъ новаго закона. Проектъ, по обычаю, предварительно былъ разосланъ многимъ фабрикантамъ. Я. Т. Михайловскій, какъ авторъ, весьма интересовался знать, какъ относятся фабриканты къ его проекту, и просилъ меня собрать объ этомъ свѣдѣнія. Исполняя его желаніе, я обратился съ личными запросами къ нѣсколькимъ фабрикантамъ и въ заключеніе далъ ему, въ письмѣ отъ 17-го Декабря 1883 года, слѣдующій поучительный и характерный отвѣтъ: „Къ сожалѣнію“,—писалъ я,— „долженъ сказать правду: насколько мнѣ извѣстно, большинство относится съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ, какъ и ко всему фабричному законодательству. Вы увидите это изъ моего отчета. Главныхъ причинъ такому непонятному равнодушію двѣ: во-первыхъ, вѣковая привычка видѣть законы невыполняемыми на дѣлѣ, во-вторыхъ, малообразованность и даже невѣжество многихъ изъ здѣшнихъ промышленниковъ, чему также немало образцовъ Вы получите въ моемъ отчетѣ. Непривычка къ дѣятельному

вмѣшательству со стороны правительства въ ихъ отношенія къ рабочимъ и полный произволъ въ послѣднихъ пріучили ихъ къ мысли, что благія предначертанія его всегда останутся лишь одними пожеланіями и что никогда и ни въ малѣйшемъ правительство не захочетъ въ чемъ-нибудь стѣснить или ограничить промышленниковъ. Нѣкоторые фабриканты,—продолжалъ я,—мнѣ прямо и рѣшительно говорили, что законъ 1 Іюня—де пустая затѣя, которую чиновники въ С.-Петербургѣ выдумали, но до конца довести ее не посмѣютъ!... Конечно, есть немало здѣсь и исключеній, но исключенія правила не дѣлаютъ. Недавно одинъ изъ болѣе образованныхъ здѣшнихъ хлопчато-бумажниковъ сообщалъ мнѣ свое желаніе получить нѣкоторыя разъясненія по поводу вышеозначеннаго проекта и собирался для этого представить особую записку; какъ только получу ее, тотчасъ же препровожу къ Вамъ".

Считая излишнимъ передавать въ подробности содержаніе своего перваго отчета, я, тѣмъ не менѣе, долженъ, чтобы быть понятнымъ въ дальнѣйшемъ описаніи своихъ воспоминаній и переписки по фабрично-инспекторскому дѣлу, сообщить суть или главнѣйшіе выводы этого труда о фабричныхъ рабочихъ *).

Они мною формулированы были въ отчетѣ въ слѣдующихъ 12-ти пунктахъ.

Собственно о малолѣтнихъ.

1) Наибольшее число малолѣтнихъ изъ осмотрѣнныхъ мною фабрикъ по 24 производствамъ находится, абсолютно, на всѣхъ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ разнаго рода, относительно—на обойныхъ, стеклянныхъ, мебельно-рояльныхъ, рогожныхъ и табачныхъ фабрикахъ.

2) Продолжительность рабочаго времени для малолѣтнихъ и устройство смѣнъ, по общему правилу, тѣ же самые, что и для взрослыхъ рабочихъ, въ среднемъ не менѣе 12 часовъ въ сутки.

*) Фабричный бытъ Московской губерніи. Отчетъ за 1882—83 гг. фабричнаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ Московскаго округа И. И. Янжула. С.-Петербургъ. 1884. Стр. 141 и 142.

3) Праздничные дни разнообразятся по фабрикамъ и вообще не совпадаютъ вполнѣ съ принятыми календаремъ неприсутственными или табельными днями. Въ случаѣ надобности, малолѣтніе работаютъ по праздникамъ, какъ и прочіе, и на многихъ фабрикахъ не могутъ, подъ опасеніемъ штрафа, даже уклоняться отъ этой работы.

4) Три четверти всѣхъ работающихъ малолѣтнихъ, или 75%, нигдѣ не обучаются и, слѣдовательно, для того, чтобы удовлетворить цѣлямъ закона 1 Іюня 1882 года, необходимо всѣ наличныя школьныя средства на фабрикахъ увеличить въ размѣрахъ еще въ *три раза.*

5) На сколько-нибудь значительную помощь со стороны фабрикантовъ въ дѣлѣ устройства школъ для малолѣтнихъ, при отсутствіи обязательности, нѣтъ основанія разсчитывать. Напротивъ, есть основаніе полагать, что нѣкоторые изъ нихъ, отпустивъ съ фабрики всѣхъ малолѣтнихъ, закроютъ и тѣ немногія школы, которыя теперь имѣются.

Вообще о рабочихъ:

6) Взаимныя права и обязанности хозяевъ и рабочихъ крайне неопредѣленны, что ведетъ за собой произволъ и значительныя неудобства для обѣихъ сторонъ.

7) Расплата съ рабочими на большинствѣ фабрикъ нерегулярна, совершается въ неопредѣленные точно сроки, что влечетъ за собой для рабочихъ сильную зависимость отъ хозяевъ и неудовлетворительное экономическое положеніе. Заработная плата преимущественно является въ двухъ видахъ: сдѣльной и мѣсячной. На большинствѣ производствъ замѣчается постепенный переходъ отъ мѣсячной къ сдѣльной платѣ.

8) Средняя выработка рабочихъ низкая, гораздо ниже приведенныхъ образцовъ иностранной, и еще болѣе умаляется благодаря: а) многочисленнымъ и произвольнымъ штрафамъ и вычетамъ; б) высокимъ цѣнамъ харчей въ фабричныхъ лавкахъ, при фактической невозможности со стороны рабочихъ, вслѣдствіе неправильной съ ними расплаты, закупать припасы на сторонѣ; в) ростовщичеству старостъ и г) невоздержанности самихъ рабочихъ.

9) Жилыя и рабочія помѣщенія на большинствѣ фабрикъ неудовлетворительны, и первыя, какъ общее правило, вездѣ слишкомъ переполнены. Нечистоплотность и отсутствіе необходимой вентиляціи воздуха составляютъ обыденное явленіе на большинствѣ нашихъ фабрикъ.

10) Недостаточное огражденіе механизмовъ, огнеопасность многихъ фабричныхъ построекъ, отсутствіе правильнаго удаленія отбросовъ и вообще недостаточность мѣръ къ устраненію вредныхъ условій производства,—все это влечетъ за собою сильную болѣзненность рабочихъ и частые случаи несчастій на фабрикахъ, сколько-нибудь точной регистраціи которыхъ почти нигдѣ не существуетъ.

11) Медицинская помощь на большинствѣ фабрикъ фиктивна, требованіе объ обязательномъ содержаніи на фабрикахъ больницъ исполняется большею частью лишь внѣшнимъ образомъ.

12) Бань, пріютовъ, библіотекъ, сберегательныхъ кассъ и другихъ подобныхъ учрежденій при московскихъ фабрикахъ слишкомъ мало.

Нарисованная мною въ отчетѣ картина печальнаго быта русскихъ рабочихъ вызвала, вѣроятно въ первый разъ, оффиціальное одобреніе со стороны всего моего начальства, начиная съ Министра и кончая особенно Михайловскимъ, который въ своемъ отвѣтѣ назвалъ его образцовымъ и по содержанію, и по изложенію; а Н. X. Бунге въ разговорѣ съ однимъ лицомъ выразился такъ, что «такой отчетъ, конечно, не могъ быть написанъ чиновникомъ»!. Все это, разумѣется, вливало въ меня бодрость и смягчало мои немалыя огорченія канцелярской волокитой и медленностью нашей бюрократической колесницы по поводу хода пересмотра и утвержденія „Правилъ“, „Инструкціи“ и многихъ другихъ дополнительныхъ узаконеній и административныхъ постановленій, болѣе или менѣе необходимыхъ для того, чтобы пустить въ ходъ фабричное законодательство. Я безпрестанно катался въ Петербургъ для участія въ разныхъ мелкихъ коммиссіяхъ по поводу выработокъ всѣхъ этихъ постановленій, а главное писалъ и предстательствовалъ у Главнаго Инспектора, а также А. Г. Неболсина (начальника Промыш-

леннаго Отдѣленія) и вообще всѣхъ, кто только могъ подвинуть дѣло. Приведу немногіе образцы этой переписки за 1884 годъ:

Въ письмѣ отъ 11 Апрѣля 1884 года къ Я. Т. Михайловскому я благодарю его очень за присылку только что вышедшей книги Е. Н. Андреева, на основаніи извѣстныхъ намъ циркуляровъ и увѣдомляю о своей болѣзни: «Болѣе недѣли мнѣ недомогается, а теперь совсѣмъ расклеился что-то, прекратилъ временно водолеченіе, которымъ себя поддерживалъ, глотаю хину, шея укутана согрѣвательнымъ компрессомъ и вымазана іодомъ, а руки не слушаются и дрожатъ. А тутъ на носу почти на Ѳоминой недѣлѣ предстоитъ еще публичная лекція»... «Кстати, чѣмъ время болѣе подходитъ къ 1 Мая, тѣмъ чаще ко мнѣ завертываютъ фабриканты: былъ Дѣтиновъ отъ Богородско-Глуховской Мануфактуры, Бэръ — директоръ-владѣлецъ Вознесенской Мануфактуры и Щукинъ — Даниловской Мануфактуры. Всѣ ихъ разговоры на одну и ту же тему, что законъ 1 Іюня 1882 года, въ его настоящемъ видѣ, выполнять невозможно; всѣ они требуютъ незаконныхъ отступленій и преимущественно останавливаются, съ разными варіантами, на шести или шести съ половиной-часовой непрерывной работѣ для малолѣтнихъ, вмѣсто узаконенной восьмичасовой съ перерывомъ. Всѣмъ отвѣчаю, какъ папа Пій IX, «Non possum» и слышу въ заключеніе: «Постараемся, но ручаться за исполненіе закона не можемъ»; а Бэръ такъ прямо буркнулъ: «На всякій штрафъ пойду!»... Вотъ тутъ и пойдите ублажать ихъ безъ выхода въ свѣтъ полныхъ законовъ, вооруженныхъ надлежащей строгостью!..

«Вообще», продолжается мое письмо, «я не могу себѣ и представить, что мы будемъ дѣлать на фабрикахъ послѣ 1-го Мая, если только всѣ необходимыя дополненія къ закону 1 Іюня 1882 года не пройдутъ: инспектора не будутъ имѣть никакого значенія, никакой власти и будутъ возбуждать въ гг. фабрикантахъ лишь смѣхъ, подобно мушкетерамъ Оффенбаха, которые всюду являются «trop tard, trop tard»!! «Я счелъ долгомъ излить передъ Вами свои сокровенныя думы, а тамъ, конечно, «посмотримъ, поглядимъ»! «Во всякомъ

случаѣ ясно, что, при ничтожности силъ инспектората и помянутыхъ условіяхъ, въ скоромъ времени приведенія закона въ дѣйствіе ждать невозможно».

Къ сожалѣнію, всѣ мои опасенія оправдались: къ 1 Мая 1884 года не были готовы ни «Правила», ни «Инструкція», ни дополнительныя узаконенія и, вмѣсто осмотра фабрикъ съ цѣлью контроля, за вступленіемъ въ силу закона, Михайловскій написалъ намъ конфиденціально предложеніе, чтобы мы, инспектора, временно, впредь до будущаго, совсѣмъ прекратили свои объѣзды фабрикъ, дабы не быть смѣшными и не разводить безпомощно руками передъ фабрикантами на ихъ запросы относительно формы исполненія той или иной части закона! Единственное исключеніе, которое сдѣлалъ Главный Инспекторъ, это—поручилъ мнѣ, какъ особенно вредныя для здоровья малолѣтнихъ, посмотрѣть табачныя фабрики и просить акцизное управленіе и полицію обратить вниманіе на нѣкоторыя ограниченія дѣтской работы на этихъ фабрикахъ.

Въ своемъ письмѣ отъ 17 Іюня 1884 года я увѣдомилъ Я. Т. Михайловскаго, что только-что получилъ отъ него, наконецъ, изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ, давно желанныхъ документовъ два, а именно: узаконенія отъ 5-го и отъ 12-го Іюня того же года. «Съ естественной поспѣшностью»,—писалъ я,—«я бросился читать эти дополнительные законы и, увы! не могу сказать, чтобы остался ими доволенъ! Узаконеніемъ отъ 12 Іюня 1884 года, мнѣ кажется, въ значительной степени искажена основная мысль закона 1 Іюня 1882 года, т. е. обязательность для промышленниковъ предоставлять возможность обученія и т. д. Ее, т. е. этотъ пунктъ закона 1 Іюня 1882 года, можно было понимать въ смыслѣ необходимости для фабрикантовъ позаботиться, такъ или иначе, о школьномъ вопросѣ самимъ; узаконеніе 12 Іюня этого года окончательно устраняетъ всякую возможность такого толкованія и возлагаетъ обязанность заботиться объ устройствѣ школьнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ всецѣло на насъ-инспекторовъ (п. 2. ст. 1). Чужой опытъ для Россіи пропалъ даромъ—нигдѣ ничего подобнаго въ Европѣ не было, и именно потому, что ничего путнаго при такой

постановкѣ вопроса (по крайней мѣрѣ очень долгое время, если не навсегда) и не можетъ выйти. И въ самомъ дѣлѣ, что могутъ здѣсь сдѣлать одиночныя усилія немногихъ лицъ въ вопросѣ, гдѣ предстоятъ крупныя денежныя затраты и притомъ для каждаго на пространствахъ, равныхъ, по крайней мѣрѣ, двумъ Германіямъ» (Я разумѣлъ здѣсь величину округа, приходящагося тогда на каждаго русскаго фабричнаго инспектора). «Когда, наконецъ, инспекторамъ останется время для ихъ прямой обязанности—наблюдать за исполненіемъ предписаній закона о времени труда и какими способами они будутъ въ состояніи побуждать къ открытію школъ, когда въ ихъ рукахъ для того нѣтъ никакой власти, единственно дающей авторитетъ?!.. Моральное воздѣйствіе, какъ мы знаемъ по опыту, вездѣ и всегда имѣетъ лишь очень ограниченную область примѣненія и въ наилучшій разъ принесетъ полезные результаты лишь въ какомъ-либо десяткѣ случаевъ... Пунктъ 3 ст. I того же узаконенія, по-моему, совершенно непонятенъ или, если хотите, безполезенъ. «Владѣльцамъ и пр. предоставляется открывать школы» и т. д.; спрашивается, развѣ когда-нибудь, или по крайней мѣрѣ последнія 25 лѣтъ, это имъ запрещалось? Если же нѣтъ, то зачѣмъ нужно повтореніе: не является ли оно лишнимъ? Вѣдь по общему юридическому положенію «что не запрещено закономъ—то дозволено» и, какъ всякій знаетъ, нѣкоторые благонамѣренные изъ фабрикантовъ этимъ молчаливымъ дозволеніемъ и пользовались, заводя при своихъ фабрикахъ школы... Но не съ этою случайною благотворительностью законъ 1 Іюня, очевидно, желалъ имѣть дѣло».

«Не могу также вполнѣ сочувствовать»,—продолжалъ я свое письмо,—«и редактированію статей 5 Іюня 1884 г. и здѣсь можно бы сказать очень многое... Во всякомъ случаѣ, я искренно убѣжденъ, что единственно вѣрная постановка вопроса о школьномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ имѣла мѣсто въ Англіи: разъ вышелъ законъ относительно обученія малолѣтнихъ на фабрикахъ, сами владѣльцы обязаны позаботиться о школахъ или отпустить малолѣтнихъ; казна лишь помогаетъ нѣсколько этому стремленію, а инспекція исключительно печется о точномъ выполненіи закона, не

принимая на себя трудъ Сизифа.... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ земство или городъ, или даже казна, въ случаѣ отказа фабриканта открыть собственную школу, будутъ заводить ее на свой счетъ, когда и самъ фактъ существованія фабрики, ее вызывающій на свѣтъ, крайне прекарный и подверженный массѣ случайностей? Нынче существуетъ въ такомъ-то малолюдномъ пунктѣ съ 200, положимъ, малолѣтними рабочими фабрика, а завтра банкротство, фабрика закрылась, и малолѣтніе разсѣялись по всей губерніи и далѣе!!?? Вѣдь это фактъ, который повторялся безпрестанно, и въ теченіе даже моего двухлѣтняго инспекторства нѣсколько большихъ фабрикъ закрылось, а двѣ фабрики были перенесены на большое разстояніе (одна изъ Серпухова, напр., въ Москву)».. «Благодаря указанной постановкѣ», — объяснялъ я дальше, — «фабричный законъ въ Англіи, какъ Вы хорошо знаете, имѣлъ непосредственное вліяніе на созданіе обязательнаго школьнаго обученія во всѣхъ большихъ городахъ и привелъ за собою грамотность почти цѣлаго народа. Первый фабричный законъ R. Peel'я 1802 года разсматривался поэтому тамъ, какъ новая эра народнаго образованія, и, по правдѣ, я мечталъ о томъ же и «относительно нашего закона 1 Іюня 1882 г.»...

Въ письмѣ отъ 20 Іюня (1884 года) я извѣщаю Главнаго Инспектора, что, согласно его спеціальному порученію, я посѣтилъ всѣ московскія табачныя фабрики, числомъ семь; изъ нихъ законъ о малолѣтнихъ извѣстенъ и вполнѣ выполнялся только на одной (Бостанжогло); на другой (Рейнгардта) малолѣтніе удалены, хотя доказательствъ возраста подростковъ, въ видѣ метрическихъ свидѣтельствъ, на-лицо не было; на остальныхъ же пяти табачныхъ фабрикахъ законъ совершенно не выполняется и, по заявленію хозяевъ и администраціи, его не знаютъ, хотя на одной фабрикѣ я самъ былъ еще гораздо раньше и лично объяснялъ хозяину сущность и требованія новаго закона. «Итакъ, вотъ Вамъ результаты», — кончаю я письмо, — «моихъ осмотровъ табачныхъ фабрикъ: на шести фабрикахъ—нарушеніе закона въ большей или меньшей степени и, тѣмъ не менѣе, полное снисхожденіе (т. е. безнаказанность), принимая во вниманіе новизну дѣла и совѣты, Вами сообщаемые въ послѣднемъ пись-

мѣ. Скажу, въ заключеніе, что эти семь осмотровъ привели меня къ полному убѣжденію, что пока не будутъ опубликованы «Инструкція» и «Правила для фабрикантовъ», а равно и не будутъ напечатаны и разосланы всѣ эти узаконенія и пр. всѣмъ промышленникамъ,—инспекторамъ не только неловко, но просто даже смѣшно показываться на фабрики, играя роль какого-то сфинкса»!..

Тѣмъ не менѣе въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ, по обыкновенію частныхъ, хотя и трактующихъ о служебной дѣятельности, Главный Инспекторъ, находившійся въ то время во Владимірскомъ округѣ, увѣдомилъ меня, что онъ посѣщаетъ съ д-ромъ Песковымъ нѣкоторыя фабрики и, какъ бы мимоходомъ спрашиваетъ меня, чѣмъ я именно занимаюсь въ настоящее время? Меня крайне удивило какъ это увѣдомленіе, такъ и этотъ запросъ послѣ указанной выше остановки фабричныхъ разъѣздовъ въ силу распоряженія изъ Петербурга, почему я немедленно отвѣтилъ ему 25 Сентября 1884 года длиннымъ объясненіемъ и, надо сознаться, съ нѣкоторою рѣзкостью: «Вамъ не можетъ быть неизвѣстнымъ, чѣмъ я занимаюсь, какъ инспекторъ: о каждомъ своемъ шагѣ и дѣйствіи, въ смыслѣ фабричной инспектуры, я считалъ и считаю долгомъ доводить немедленно до Вашего свѣдѣнія. Въ концѣ Апрѣля письменно, затѣмъ въ Маѣ лично и 20 Іюня опять письменно Вы потребовали, чтобы я пріостановился разъѣздами по фабрикамъ впредь до прохожденія «Дополнительныхъ узаконеній», «Инструкцій» и «Правилъ». Я подчинился Вашему приказанію и остановилъ осмотры фабрикъ; хотя я и томился бездѣятельностью и жалѣлъ потерянное лѣто, но не могъ не соглашаться съ справедливостью Вашего распоряженія. 29 Іюня Вы писали мнѣ, что послать инспекторовъ на дѣло безъ «Инструкцій» и «Правилъ для фабрикантовъ», -- «было-бы все равно, какъ пускать воина въ битву безъ оружія»... Въ Іюлѣ, однако, Вы мнѣ разрѣшили начать понемногу посѣщать фабрики и не дожидаясь выхода „Инструкцій“, „если я пожелаю и найду это возможнымъ“. Въ это время какъ разъ экстренный осмотръ семи табачныхъ фабрикъ показалъ мнѣ крайнюю неловкость положенія инспектора на фабрикѣ

безъ «Инструкціи», тщетность контроля и невозможность даже требовать отъ фабрикантовъ выполненія закона безъ выхода дополнительныхъ правилъ и ихъ особаго о томъ оповѣщенія. На этомъ-то основаніи и имѣя, по Вашему предложенію, свободный выборъ, я рѣшился ждать появленія «Инструкціи» на свѣтъ Божій, постоянно надоѣдая Вамъ по этому пункту своими справками.... По фабрикамъ, такимъ образомъ, я не ѣзжу и ограничиваюсь лишь объясненіями съ фабрикантами, которые сами ко мнѣ являются для этой цѣли».

Въ виду всѣхъ высказанныхъ соображеній я просилъ Я. Т. Михайловскаго, если онъ измѣнилъ свое мнѣніе и считаетъ возможность пустить насъ, инспекторовъ, въ битву безъ оружія, т. е. безъ „Инструкціи" и „Правилъ", то пусть прямо потребуетъ этого и, не смотря на всѣ приведенные доводы и аргументы, я немедленно приступлю къ осмотрамъ. „Прошу только у Васъ", писалъ я Михайловскому, „указаній по слѣдующимъ вопросамъ: 1) Какъ удостовѣряться въ возрастѣ малолѣтнихъ—паспортами или инымъ способомъ и что дѣлать, когда, какъ это нерѣдко встрѣчается на фабрикахъ города Москвы, и паспортовъ совсѣмъ нѣтъ? 2) Видя явное нарушеніе закона и при знаніи его со стороны хозяина, можно ли составлять акты и притягивать къ отвѣтственности или нѣтъ? Если же—да, то какъ составлять, т. е. по какой формѣ и въ какихъ выраженіяхъ, или поручать полиціи? 3) Если давать первоначально хозяевамъ предостереженія, то въ какой формѣ и на какой срокъ (въ Германіи—лишь одинъ разъ и не болѣе мѣсяца) и что затѣмъ дѣлать? 4) Можно ли требовать какихъ-либо формальностей, предполагаемыхъ и необходимыхъ для облегченія контроля, т. е. списковъ, вывѣшанныхъ объявленій о времени работы и чередованіи смѣнъ и т. п.? 5) Какъ поступать относительно рогожныхъ фабрикъ, гдѣ никакой контроль немыслимъ? Какъ поступать относительно работы по высокоторжественнымъ днямъ и воскресеньямъ"? „На первый разъ пожалуйста разрѣшите категорически", просилъ я, „эти недоумѣнія, а затѣмъ буду обращаться съ отдѣльными вопросами, смотря по ихъ накопленію".

Къ сожалѣнію, отвѣтъ Главнаго Инспектора на настоящее мое письмо затерялся и я не знаю, что онъ отвѣчалъ; во всякомъ случаѣ лишь небольшая часть моихъ вопросовъ получила указанія въ появившихся въ концѣ Декабря 1884 года „Правилахъ" и „Инструкціи", а многіе изъ нихъ, насколько мнѣ извѣстно, остались неразъясненными и по сіе время въ нашемъ фабричномъ законодательствѣ. Между тѣмъ не проходитъ ни одного моего письма Главному Инспектору безъ напоминанія объ одномъ и томъ же: необходимости единовременно съ появленіемъ „Правилъ" и „Инструкціи" и объединенія толкованій закона, что нынѣ предоставлено на усмотрѣніе каждаго инспектора и не можетъ не привести къ большому злу въ будущемъ. „Много частныхъ вопросовъ и недоумѣній",—писалъ я Михайловскому отъ 5 Ноября 1884 года, „возбуждалось какъ на нашихъ съѣздахъ и личныхъ свиданіяхъ съ Вами, такъ и въ письмахъ: почему бы ни сдѣлать ихъ сводку и ни постараться выяснить эти недоумѣнія такъ или иначе, пока мы еще свободны отъ другого дѣла? Не найдете ли Вы даже желательнымъ обратиться къ намъ (я разумѣлъ себя и Пескова) по этому вопросу съ оффиціальнымъ запросомъ".

Я. Т. Михайловскій отнесся отрицательно къ моему предложенію сдѣлать подобный запросъ, да еще оффиціально: очевидно, онъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственность за тѣ или иныя толкованія и въ то же время не могъ добиться толка въ Департаментѣ, гдѣ не имѣлось для того достаточно компетентнаго лица и гдѣ, по правилу, привыкли уклоняться отъ прямыхъ отвѣтовъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду важности предмета, посовѣтовавшись со своимъ товарищемъ Песковымъ, я вновь обратился съ подробно мотивированною просьбой по тому же предмету къ Главному Инспектору. „Какъ Вы справедливо замѣтили",—писалъ я отъ 29 Ноября того же 1884 года,—„Вамъ, какъ нашему ближайшему главѣ, принадлежитъ исключительно право толковать законъ: это необходимо по существу дѣла для установленія единообразія въ его исполненіи, въ чемъ и состоитъ, напр., преимущество англійскаго инспектората надъ швейцарскимъ. Такимъ образомъ, если я обратился къ Вамъ съ просьбой объ этомъ

запросѣ, то не имѣлъ въ виду, повторяю, ни немедленнаго измѣненія закона, ни желанія посягать на непринадлежащее мнѣ право, а только предложилъ заняться, въ виду свободнаго пока времени, разсмотрѣніемъ и дать намъ толкованія и объясненія по нѣкоторымъ пунктамъ примѣненія или приведенія закона въ силу. Предложилъ я это сдѣлать въ формѣ „оффиціальной“ потому, что считалъ этотъ путь болѣе твердымъ въ данномъ случаѣ, такъ что мы, инспектора, могли бы опираться на Ваши толкованія, но форма, конечно, дѣло Вашего личнаго усмотрѣнія. Я ничего новаго своимъ предложеніемъ не сказалъ и необходимость многихъ толкованій, даже до вступленія закона въ силу, имѣла мѣсто, насколько мнѣ извѣстно, въ исторіи фабричныхъ законовъ многихъ странъ. Дѣло въ томъ, что при нѣкоторой практической опытности исполнителей, законъ, даже самый совершенный, не можетъ не подавать поводовъ къ недоумѣніямъ еще раньше приступа къ его выполненію. Зачѣмъ въ этомъ случаѣ ждать столкновенія закона съ жизнью и непремѣннаго отсюда зла, когда его можно избѣжать, заблаговременно обдумавши, какъ нужно себя вести при такой коллизіи“?

„Приведу нѣсколько примѣровъ“,—продолжалъ я, „подобные которымъ я имѣлъ въ виду въ прошломъ письмѣ“ (выше мною здѣсь изложенномъ) „и собравши которые посредствомъ „запроса“, Вы бы объяснили и дали отвѣтъ для нашего будущаго руководства, и тѣмъ бы мы избѣгли большихъ нареканій въ случаѣ ошибокъ, или произвольныхъ—нами и нашими помощниками произведенныхъ рѣшеній:

„1) Мнѣ теперь кажется, и я могу доказать почему, что необходимо истолковать и условиться, что мы должны признавать подъ именемъ фабрики, ремесленнаго или домашняго заведенія. Истолкованіе это по многимъ причинамъ необходимо до вступленія закона въ дѣйствіе. Опредѣленіе „Устава о фабрикахъ и заводахъ“ въ настоящее время уже никуда не годится и, если мы себѣ не выяснимъ этого различія, то или будемъ часто попусту пререкаться, или, на практикѣ, отсутствіе точнаго опредѣленія окажетъ вредное вліяніе на самый успѣхъ примѣненія закона 1-го Іюня 1882 и послѣдующихъ годовъ. Объясню наглядно: два заве-

денія одного и того же производства, одно—съ 100 рабочими и дѣйствуетъ на правахъ ремесленнаго заведенія и вѣдѣнію нашему не подлежитъ, такъ что дѣти работаютъ хоть 16 часовъ въ сутки, другое—съ 50 человѣками подлежитъ всѣмъ ограниченіямъ, потому что дѣйствуетъ на правахъ фабрики. Результатъ понятенъ: второе заведеніе немедленно снимаетъ съ вывѣски „фабрика" и выправляетъ себѣ ремесленное свидѣтельство"... Это уже и сдѣлали съ этого года, какъ я слышалъ, нѣкоторые фабриканты (напр. Шмидтъ) и только сегодня фабрикантъ Трампедахъ (преемникъ Крумбюгель и К°) сдѣлалъ мнѣ письменное заявленіе, послѣ моей попытки черезъ Козлова заставить его посылать малолѣтнихъ въ школу, что онъ, ради избѣжанія этого, съ 1 Января 1885 года свою фабрику превращаетъ въ ремесленное заведеніе съ соотвѣтствующими на то правами... Неправда ли, фактъ говоритъ за себя"?

„2) Второй примѣръ необходимости Вашихъ толкованій: многіе пункты § 3 „Списка фабрикъ и пр." крайне неопредѣленны; напр. п. 5-ый: „Въ заведеніяхъ для обработки щетины и пр.". Ко всѣмъ ли ремесленнымъ заведеніямъ этого рода п. 5 долженъ относиться, или же исключая отсюда домашнія и кустарныя (очень многочисленныя для этого производства), или, наконецъ, къ однѣмъ фабрикамъ?.. Могутъ быть у трехъ инспекторовъ три разныхъ рѣшенія, смотря по ихъ личному усмотрѣнію... Далѣе: п. 10 того же § 3. Техническія названія на ситцевыхъ фабрикахъ весьма различны, даже въ одной Москвѣ, и разныхъ отдѣленіяхъ ихъ—равно указанныхъ, какъ и непредусмотрѣнныхъ, и работающіе часто соединены вмѣстѣ въ одномъ залѣ. Какъ тутъ намъ поступать? Существуютъ въ „зрѣльняхъ" новыя приспособленія, при чемъ онѣ почти безвредны: неужели и тутъ дѣтей одинаково не допускать, какъ и на фабрикахъ старой конструкціи? и т. д., и т. д. лишь по этому § 3".

„3) Опять: на рогожныхъ фабрикахъ законъ безусловно, безъ радикальнаго измѣненія всѣхъ условій найма и самого производства, выполняться не можетъ. Дальнѣйшій опытъ не покажетъ тутъ ровно ничего новаго, а законъ дискредитируется, если его выполненіе немыслимо:.. Истол-

куйте, что тутъ дѣлать: вѣдь нельзя же будетъ, напримѣръ, на Даниловской ситцевой фабрикѣ привлекать къ отвѣту за несоблюденіе закона о 12-лѣтнихъ возрастомъ, когда на сосѣднихъ съ ней—рогожныхъ (которыя Вы видѣли) работаютъ 5 и 6-лѣтніе по 16 и, можетъ быть, больше часовъ въ сутки"...

„4) Какъ опять поступать съ Царскими днями, которые нигдѣ у насъ не празднуются, а, по словамъ нашего шефа полиціи ген. Козлова и немыслимо требовать ихъ празднованія, что онъ мнѣ настойчиво и совѣтовалъ въ присутствіи фабричной коммиссіи и, конечно, вполнѣ доброжелательно. Какъ тутъ себя вести, не объясните ли хотя въ конфиденціальной инструкціи"!..

Это столь подробное письмо мое оканчивалось слѣдующимъ настоятельнымъ по тому же вопросу обращеніемъ къ Я. Т. Михайловскому: „Я бы могъ умножить число такихъ примѣровъ безъ конца и думаю, что разсмотрѣніе ихъ Вами предварительно и истолкованіе нисколько бы не повредило дѣлу, а очень и очень помогло бы, и всѣ подобныя недоумѣнія, относясь прямо къ способамъ примѣненія закона, могутъ въ значительной степени подлежать личной компетенціи Главнаго Инспектора и отнюдь не нуждаются въ дальнѣйшемъ опытѣ. Напротивъ, когда дойдетъ до опыта, будетъ съ ними поздно, ибо это скажется въ различномъ толкованіи различными инспекторами на практикѣ и въ жалобахъ задѣтыхъ промышленниковъ... Вотъ въ чемъ, добрѣйшій Яковъ Тимофеевичъ, заключается мой желательный отъ Васъ запросъ, который привелъ Васъ въ недоумѣніе и вынудилъ къ такимъ подробнымъ объясненіямъ въ послѣднемъ письмѣ. Я счелъ обязаннымъ, когда мнѣ это пришло въ голову, сдѣлать Вамъ упомянутое предложеніе въ интересахъ общихъ и чтобы утилизировать время и уберечь законъ отъ опасностей разнообразія примѣненія и толкованія, вмѣсто желательнаго ихъ единства"!...

Не ограничиваясь частымъ обращеніемъ къ Я. Т. Михайловскому за разъясненіями и толкованіями, я искалъ поддержки также въ Департаментѣ и старался тамъ разбудить дремлющую дѣятельность. Въ это время у меня завя-

залась переписка съ Начальникомъ Отдѣленія А. Г. Неболсинымъ, котораго я и началъ бомбардировать, разумѣется, частными письмами и просьбами по той же злобѣ дня, по фабричному законодательству. Такъ, отъ 9 Декабря 1884 года, благодаря его за присылку разныхъ изданій Министерства, я, между прочимъ, увѣдомляю его о слѣдующемъ: „Фабричная Коммиссія при здѣшнемъ Оберъ-Полицеймейстерѣ (о которой упоминалось раньше въ настоящей книгѣ) дѣятельно работала болѣе мѣсяца и, на основаніи, главнымъ образомъ, проекта Правилъ т. н. „Саблинской“ Коммиссіи, выработала свои для рабочихъ и образцы разсчетныхъ книжекъ. Въ настоящее время эти Правила только что переписаны и представлены на утвержденіе Генералъ-Губернатору. Къ Новому Году предполагаютъ уже ихъ отпечатать, и тогда я немедленно пришлю Вамъ“. Далѣе, противополагая столь успѣшную дѣятельность Московской фабричной Коммиссіи своей дѣятельности, какъ инспектора, я уже впадаю, наоборотъ, въ очень минорный тонъ и сообщаю ему неутѣшительныя свѣдѣнія: „Съ фабричными дѣлами, что называется на биржевомъ жаргонѣ— „тихо“ и „вяло“. Я нахожусь въ полномъ уныніи; длинная процедура пересмотра „Правилъ для фабрикантовъ“ и „Инструкціи инспекторамъ“ затормозила все дѣло и сильно ему повредила... Осмотры фабрикъ, какъ Вы, вѣроятно, знаете отъ Михайловскаго, пришлось прекратить въ началѣ же: безъ этихъ «Правилъ» и предварительной обработки деталей примѣненія закона—инспекція и требованіе выполненія закона—дѣло немыслимое... Такъ много еще неопредѣленнаго и такъ много невыполнимаго въ уже вышедшихъ постановленіяхъ, что на первыхъ же порахъ пришлось упереться лбомъ въ стѣну... Возьмите, напр., во вниманіе полное отсутствіе опредѣленнаго закона относительно того, что такое фабрика, ремесленное заведеніе и, наконецъ, должны ли мы касаться кустарниковъ??! Какъ въ „Правилахъ“, такъ и въ „Спискѣ вредныхъ производствъ“ много противорѣчій (внутреннихъ, а потому, при бѣгломъ чтеніи, малозамѣтныхъ), а еще болѣе того недомолвокъ и неясностей. Я пробовалъ нѣсколько разъ обращаться къ Я. Т. Михайловскому, но онъ, повидимому, категорическихъ отвѣтовъ избѣгаетъ»??..

Приближалось Рождество 1884 года. Какъ я узналъ частнымъ образомъ, 19 Декабря, наконецъ, „Правила" и „Инструкція" были утверждены Министромъ, но много времени прошло до ихъ публикаціи, когда, наконецъ, инспекціи были развязаны руки, чтобы, наконецъ, дѣйствовать и покинуть свое вынужденное far niente... Недѣля за недѣлей проходила, а относительно обнародованія „Правилъ" и „Инструкціи" ничего не было слышно. Канцелярская волокита тянула дѣло, повидимому, уже давно оконченное. Уныніе въ дѣлѣ фабричной инспекціи усилилось въ то время общимъ печальнымъ политическимъ положеніемъ и выходомъ въ свѣтъ крайне непопулярнаго Университетскаго Устава (1884 г.), повлекшаго за собой коренное измѣненіе всѣхъ старыхъ устоевъ академической жизни *). Почти два мѣсяца прошло, и только лишь 26 Февраля 1885 года, наконецъ, были опубликованы столь желанныя и нужныя „Правила для фабрикантовъ" и „Инструкція для инспекторовъ", и мы могли начать свою дѣятельность.

1-го Января 1885 года, поздравляя Я. Т. Михайловскаго съ Новымъ Годомъ, я не могъ удержаться опять отъ ирони-

---

*) Вотъ какъ разъ что я писалъ тогда объ университетскихъ дѣлахъ Я. Т. Михайловскому (отъ 9 Ноября 1884 года):

«Со времени опубликованія новаго Университетскаго Устава, въ профессорскихъ кружкахъ полное уныніе и толки, до сихъ поръ не прекращающіеся, объ отставкахъ вольныхъ и невольныхъ. Наслушался я этихъ толковъ достаточно еще въ Кіевѣ, на юбилеѣ тамошняго Университета, а здѣсь, въ Москвѣ, они еще сильнѣе. Отставка Муромцева, Мищенки, Сыцянко прибавила масла въ огонь... Въ «Русскомъ Курьерѣ» около двухъ недѣль назадъ появилось въ числѣ слуховъ изъ С.-Петербурга объ отставкѣ 5 человѣкъ московскихъ профессоровъ, въ томъ числѣ стоитъ имя и Вашего покорнаго слуги. Мы попробовали опровергнуть этотъ слухъ, какъ вздорную выдумку, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; но «Русскій Курьеръ» и не вздумалъ отказаться, а лишь сугубо повторилъ слухъ. Съ недѣлю назадъ дошло до Москвы положительное извѣстіе о принудительномъ выходѣ В. И. Семевскаго въ Петербургскомъ Университетѣ изъ приватъ-доцентовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ, что еще намѣчено 16 профессоровъ изъ разныхъ университетовъ... Наконецъ, третьяго дня всего «Московскія Вѣдомости», говоря о студенческихъ безпорядкахъ въ Кіевѣ и Москвѣ, совѣтуютъ не ограничиваться «очищеніемъ» между студентами, а произвести его, т. е. «очищеніе», и между профессорами!!.. Можете себѣ представить, какъ все это должно дѣйствовать на состояніе духа каждаго, принадлежащаго къ университетской корпораціи, хотя бы даже онъ былъ невиненъ, какъ младенецъ, но имѣлъ лишь несчастіе преподавать государственныя науки... Мнительность и подозрительность на каждомъ шагу: все кажется намекомъ или придиркой»...

ческихъ жалобъ на старое зло медленности: „Въ настоящемъ“, писалъ я,—„моемъ, первомъ въ текущемъ году, письмѣ спѣшу принести Вамъ мои поздравленія и пожеланія лучшаго будущаго для дѣла фабричной инспекціи. Да, много сдѣлано прошлый годъ по нашему общему дѣлу, но еще болѣе остается сдѣлать... Непонятная для меня канцелярская медленность и волокита, не смотря на всѣ Ваши усилія, принесла новому дѣлу крупный вредъ, который, нѣтъ сомнѣнія, нелегко будетъ исправить!... Многіе уже съ замѣтнымъ скептицизмомъ напоминаютъ старыя увѣренія фабрикантовъ, что изъ закона 1 Іюня 1882 года проку не выйдетъ... Нелегко опровергать эти сомнѣнія, и еще труднѣе указывать на положительные результаты. Наша публика вообще легкомысленна и забываетъ, что большія реформы требуютъ и большого времени. Но медленность первыхъ шаговъ дѣйствительно много портитъ дѣло и дискредитируетъ новое учрежденіе“...

Съ каждымъ днемъ времени мое нетерпѣніе и жажда дѣятельности, повидимому, возрастали; мнѣ было хорошо, конечно, извѣстно, что желанныя „Правила“ и „Инструкція“ давно утверждены, и я не понималъ и негодовалъ, почему же ихъ такъ долго не публикуютъ, и старался всячески дѣйствовать на Михайловскаго, чтобы заразить и его своимъ нетерпѣніемъ. „Со дня на день все ждалъ я“, —писалъ отъ 22 Января 1885 г.,—„появленія въ газетахъ публикацій „Инструкціи“ и „Правилъ“, чтобы приняться за дѣятельные осмотры или, точнѣе, посѣщеніе фабрикъ. Я, разумѣется, увѣренъ, что Департаментъ поспѣшитъ эти „Правила“ немедля же разослать и фабрикантамъ, чтобы намъ не толковать всуе. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ничего нѣтъ; иначе, я убѣжденъ, Вы бы мнѣ, конечно, прислали хоть одинъ экземпляръ „Сенатскихъ Вѣдомостей“ и „Сборника“ Хрулева. Всѣ мои занятія, поэтому, относительно фабрикъ, къ сожалѣнію, ограничиваются лишь толками на тему „завтра, завтра, не сегодня“... Фабриканты (здѣшніе) пристаютъ, особенно относительно порядка веденія списковъ малолѣтнихъ и способа контроля за посѣщеніемъ школъ; что знаю изъ присланной литографіи (очевидно, циркуляра Главнаго Инспектора) я, конечно, имъ немедленно сообщаю, но все условно и

условно»... «Какъ Вы уже, разумѣется, знаете изъ газетъ, наша (т. е. при Оберъ-Полицеймейстерѣ Козловѣ) Коммиссія выработала правила для разсчетныхъ книжекъ рабочихъ, и Кн. Долгоруковъ не только ихъ принялъ и утвердилъ, но на-дняхъ даже распространилъ на всю Московскую губернію. Многіе пункты цѣликомъ вошли туда, благодаря моему Отчету, и настояніямъ (напр., о ростовщичествѣ артельныхъ старостъ, о назначеніи особо времени для работы малолѣтнихъ, о высокоторжественныхъ дняхъ и пр.). Правда ли, что „Новое Время" сообщаетъ, что у Васъ въ С.-Петербургѣ эти правила нашли слишкомъ радикальными (?!!) На-дняхъ „Коммиссія" вновь возобновляетъ занятія – будемъ вырабатывать „Правила внутренняго распорядка" и, между прочимъ, попытаемся ограничить извѣстными рамками произволъ штрафовъ. Таково желаніе и Князя и Козлова... Кстати, Долгоруковъ — вчера мнѣ передалъ его Правитель Канцеляріи—собирается мнѣ написать письмо, въ которомъ желаетъ пригласить меня случаи злоупотребленія хозяевъ или нарушеній правилъ, замѣченные мною при посѣщеніи фабрикъ въ качествѣ инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ, *немедленно* прямо, или черезъ него, *доводить до свѣдѣнія высшей полиціи*. Какъ Вы думаете, вѣдь это можетъ быть очень полезнымъ орудіемъ, которымъ, впрочемъ, отчасти я пользовался и раньше, чтобы заставить фабрикантовъ исполнять наши законы о малолѣтнихъ, поднимая силу и значеніе инспекторовъ въ ихъ глазахъ"?...

Глава вторая.

Обнародованіе 26 Февраля 1885 г. «Правилъ для фабрикантовъ» и «Инструкціи чинамъ фабричной инспекціи».—Вызовъ въ Коммиссію Плеве, по закону (3-го Іюня 1886 г.) о взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ.—Первыя посѣщенія фабрикъ послѣ вступленія «Закона о работѣ и обученіи малолѣтнихъ» въ силу.—Законъ нигдѣ не примѣнялся.—Объясненія и переписка по этому вопросу: недостатокъ наличныхъ силъ фабричнаго надзора и искаженіе закона (отъ 12-го Іюня 1884 г.).—Судебная отвѣтственность фабрикантовъ (Дѣла Захарова и Ланина).—Легенда о моей фабрично-инспекторской строгости.—Ночная работа женщинъ и подростковъ.—Отчетъ за 1885 г. и его содержаніе.

Наконецъ, 26 Февраля 1885 года состоялось обнародованіе двухъ важныхъ государственныхъ документовъ: „Инструкціи чинамъ фабричной инспекціи" и „Правилъ для фабрикантовъ" и, слѣдовательно, собственно съ конца Февраля инспекція могла покинуть свою пассивную роль изслѣдователя фабричной жизни и перейти къ активной и отвѣтственной дѣятельности въ качествѣ блюстителя закона и распоряженій, изданныхъ съ цѣлью регулировать занятія и обученіе малолѣтнихъ. Немного раньше, отъ 9 Февраля того же года, въ силу 23 и 24 §§ «Инструкціи» утверждено было раздѣленіе моего громаднаго (изъ 6 губерній) округа по примѣрному числу фабрикъ на два района: — мой лично районъ—Московская и Тверская губерніи—для единоличнаго посѣщенія фабрикъ и наблюденія за закономъ о малолѣтнихъ, и районъ моего помощника д-ра Д. М. Рахманова, состоящій изъ 4-хъ остальныхъ губерній, болѣе обширный въ общемъ по своимъ размѣрамъ, но болѣе скудный по промышленности (Смоленская, Тульская, Рязанская и Калужская губерніи). Мы, конечно, дѣлали съ помощни-

комъ, что могли, и, какъ можно судить изъ нашего съ нимъ перваго (и послѣдняго) отчета, напечатаннаго въ 1886 году, находились по возможности въ движеніи, за дѣломъ; но, конечно, мы не могли „объять необъятнаго“, и ни я, ни Рахмановъ не успѣли видѣть тысячи своихъ фабрикъ даже по одному разу, и только въ слѣдующемъ 1886 году, въ силу закона 3 Іюня 1886 года о правилахъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, я получилъ прибавку еще четырехъ помощниковъ, что дало новый толчокъ нашей дѣятельности и усилило количество осмотровъ.

Къ сожалѣнію, этотъ самый важный законъ отъ 3 Іюня 1886 года, впервые внесшій нѣкоторый порядокъ въ фабричный бытъ и установившій въ первый разъ человѣческія права русскихъ рабочихъ на ихъ заработокъ, для меня лично послужилъ новымъ поводомъ къ перерыву или откладыванію моей инспекторской дѣятельности. Едва я получилъ изъ Петербурга въ концѣ Февраля 1885 года увѣдомленіе по почтѣ объ желанномъ обнародованіи „Правилъ“ и „Инструкціи“, какъ вслѣдъ затѣмъ пришла телеграмма отъ Директора Департамента Торговли и Мануфактуръ, вызывавшая меня въ Петербургъ для участія въ занятіяхъ Высочайше утвержденной Коммиссіи подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сенатора Плеве для пересмотра законовъ объ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ. Для этой цѣли я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, гдѣ пробылъ болѣе мѣсяца, такъ что къ исполненію непосредственныхъ своихъ обязанностей, по возвращеніи въ Москву, я могъ приступить лишь послѣ Пасхи 1885 года, съ конца Апрѣля мѣсяца.

Какъ я узналъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, вызовъ мой въ Коммиссію состоялся съ двухъ сторонъ: Коммиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по рабочему вопросу была, какъ извѣстно, вызвана въ свѣтъ уже созрѣвшимъ въ обществѣ до нѣкоторой степени сознаніемъ о необходимости упорядоченія быта рабочихъ. Этому лишнимъ толчкомъ, но вовсе не единственнымъ поводомъ (какъ, повидимому, думаетъ М. И. Туганъ-Барановскій въ его извѣстной статьѣ въ Konrad's

Staatswörterbuch, 2-te Ausgabe), были стачки и иные фабричные безпорядки послѣднихъ лѣтъ. Внесеніе въ жизнь рабочихъ закона о малолѣтнихъ не могло оставаться одинокимъ, затрогивая серьезно неупорядоченныя стороны жизни и взрослыхъ рабочихъ, и если инціатива перваго закона о малолѣтнихъ принадлежала Министерству Финансовъ, то вторую задачу пересмотра общаго закона о наемныхъ рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ взяло на себя Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Предсѣдателемъ этой Коммиссіи былъ назначенъ новый тогда Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве (при министрѣ Д. А. Толстомъ). Отъ Плеве, какъ юриста по своему образованію и прежней дѣятельности, ожидали хорошаго веденія дѣлъ Коммиссіи. Коммиссія была немноголюдна, и первоначально работа велась исключительно чиновниками, которые вырабатывали въ теченіе трехъ недѣль самыя положенія будущаго закона о взаимныхъ положеніяхъ хозяевъ и рабочихъ, а затѣмъ изъ Москвы прибыло нѣсколько человѣкъ фабрикантовъ (частью были и Петербургскіе), которымъ предложены были на обсужденіе важнѣйшіе пункты составленнаго проекта въ формѣ отдѣльныхъ тезисовъ.

Изъ чиновниковъ, принимавшихъ участіе въ работѣ, я назову, какъ представителя Министерства Юстиціи, и принимавшаго весьма серьезное участіе, Н. С. Таганцева, отъ Министерства Финансовъ — Н. А. Ермакова, П. Н. Дурново (если не ошибаюсь, тогда директора Департамента Полиціи), И. И. Кауфмана и др.; отъ фабричной инспекціи присутствовалъ Главный Инспекторъ Я. Т. Михайловскій и я, какъ члены лишь съ совѣщательнымъ голосомъ. Какъ я узналъ въ Петербургѣ, я былъ приглашенъ по личному указанію Н. Х. Бунге и по желанію самого Плеве, который меня давно зналъ, еще чуть ли не со времени своего обученія въ Московскомъ Университетѣ и успѣлъ прочесть мой первый инспекторскій отчетъ. Насколько я припоминаю, засѣданія Коммиссіи происходили по вечерамъ въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по нѣсколько разъ въ недѣлю и продолжались по четыре и пяти часовъ сряду.

Первое засѣданіе Коммиссіи подъ предсѣдательствомъ

Плеве началось съ небольшой рѣчи, сказанной имъ по существу дѣла—о значенiи и важности въ то время рабочаго вопроса, отсутствiи у насъ въ законодательствѣ правильныхъ нормъ, его регулирующихъ, и необходимости, слѣдовательно, ихъ выработать. Для руководства, или какъ бы для нити разсужденiя по данному вопросу, имъ предложены были и розданы членамъ отдѣльные экземпляры напечатанныхъ въ Москвѣ „Правилъ для хозяевъ и рабочихъ", т. е. результаты трудовъ Коммиссiи, выше мною указанной, подъ предсѣдательствомъ Оберъ-Полицеймейстера А. А. Козлова, для этой цѣли. Такъ какъ я былъ единственнымъ лицомъ Коммиссiи Плеве, которое было хорошо знакомо съ этими правилами въ качествѣ моего членства и близкаго участiя какъ въ Коммиссiи Козлова, такъ и ея предшественницы, Коммиссiи Саблина, то вполнѣ естественно, что я оказался совершенно въ курсѣ дѣла и въ состоянiи былъ давать объясненiя или мотивировку къ каждой статьѣ или параграфу „Правилъ". Предсѣдатель былъ вполнѣ доволенъ этимъ обстоятельствомъ и просилъ меня зайти къ себѣ на другой день рано утромъ, часовъ въ 8 или $8^1/_2$. Тамъ, у себя въ кабинетѣ, онъ нѣсколько измѣнилъ сухой генеральскiй тонъ, съ которымъ, къ моему удивленiю, онъ встрѣтилъ меня (хотя и стараго знакомаго) наканунѣ въ Коммиссiи, при моемъ представленiи ему Ермаковымъ: онъ довольно любезно бесѣдовалъ со мной часа два по поводу тѣхъ пунктовъ проекта, которые наканунѣ вечеромъ разсматривались, затѣмъ онъ просилъ меня „приватнымъ образомъ" продолжать помогать ему также въ редактированiи статей проекта, для чего распорядиться своимъ временемъ такъ, чтобы въ тѣ же ранніе часы—каждый разъ послѣ засѣданiя Коммиссiи, бывшаго наканунѣ,—являться къ нему для совмѣстной работы.

Когда недѣли черезъ три было окончено составленiе проекта, Плеве поручилъ мнѣ проредактировать окончательно все сдѣланное и представить ему проектъ такъ же приватно, какъ и прочее, т. е. внѣ Коммиссiи. На другой же день послѣ этого, желая, очевидно, оказать мнѣ особенную любезность, онъ самъ явился съ визитомъ въ гостинницу, очень благодарилъ меня за помощь и тотчасъ же поручилъ новое, при-

томъ очень спѣшное дѣло: къ слѣдующему дню и вечернему засѣданію Коммиссіи, уже съ вызванными и собранными фабрикантами, я долженъ былъ переработать этотъ проектъ въ формѣ тезисовъ, какъ бы отдѣльныхъ положеній для какой-нибудь диссертаціи, въ такой формѣ, чтобы фабриканты могли высказать свое мнѣніе по каждому важному положенію Проекта, не зная точно, къ какому заключенію мы сами пришли по каждому отдѣльному вопросу. Эта работа стоила мнѣ безсонной ночи; только къ раннему утру я закончилъ выработку тезисовъ, а въ девятомъ часу утра отправился сдавать ихъ Товарищу Министра. Мы вмѣстѣ съ нимъ немедленно прочли эти тезисы, и онъ цѣликомъ ихъ, помнится, принялъ, исключивъ, кажется, одинъ; притомъ Плеве добавилъ, что онъ со вниманіемъ перечиталъ „Проектъ закона“ въ моей редакціи и за немногими исключеніями вполнѣ-де съ нимъ согласился и принялъ *).

Засѣданія Коммиссіи съ фабрикантами происходили, мнѣ помнится, нѣсколько вечеровъ или разъ; въ нихъ участвовалъ пресловутый Н. А. Найденовъ, предсѣдатель Биржевого Комитета, дѣятельный защитникъ фабрикантовъ и большой врагъ фабричной инспекціи; на насъ, инспекторовъ, онъ въ первомъ засѣданіи поглядывалъ весьма презрительно и все шептался о чемъ-то съ Н. А. Ермаковымъ. Предсѣдатель Плеве, надо отдать ему справедливость, не придавалъ большого значенія его выходкамъ въ защиту будто бы обижаемой стороны—хозяевъ—и всякимъ покушеніямъ противъ интересовъ рабочихъ. Вообще, надо признаться, Плеве былъ прекраснымъ предсѣдателемъ, очень безпристрастнымъ и скорѣе даже склоннымъ въ пользу интересовъ рабочихъ, нежели фабрикантовъ. Изъ противной Найденову партіи фабри-

---

*) Между тѣмъ, годъ съ небольшимъ спустя, когда этотъ проектъ появился въ свѣтъ подъ именемъ закона 3 Іюня 1886 года, я не узналъ своей работы, до такой степени проектъ былъ передѣланъ, не столько по содержанію, сколько, именно, по изложенію и редактированію: нѣкоторыя статьи были переставлены, другія выражены иначе и, вмѣсто точности языка, за которою я главнымъ образомъ и прежде всего гнался, по нѣкоторымъ пунктамъ допущена была большая неопредѣленность (зато, можетъ быть, выражено болѣе гладкимъ языкомъ), которая привела на практикѣ, когда пришлось мнѣ же приводить законъ этотъ въ исполненіе, къ значительнымъ недоразумѣніямъ и спорамъ!

кантовъ въ Коммиссіи выдавались: извѣстнѣйшій Николай Александровичъ Алексѣевъ, Московскій Городской Голова, и его шуринъ, также образованный и благомыслящій человѣкъ, С. И. Четвериковъ, владѣлецъ Городищенской суконной мануфактуры. Кромѣ того, припоминаются мнѣ изъ москвичей Бахрушинъ, Санъ-Галли и нѣсколько человѣкъ промышленниковъ безъ рѣчей. Весь нашъ проектъ былъ выраженъ, какъ упомянуто, въ тезисахъ, которые Плеве прочелъ и затѣмъ раздалъ фабрикантамъ, предлагая читать одинъ тезисъ за другимъ и обсуждать ихъ.

Первыя два засѣданія, припоминается, не было никакихъ особенно важныхъ поправокъ; но уже съ третьяго Найденовъ началъ касаться излюбленной темы патріархальнаго-де быта рабочихъ на русскихъ фабрикахъ и необходимости осторожнѣе относиться къ какимъ-либо измѣненіямъ или введенію новшествъ во взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ. Нашъ проектъ получилъ неожиданно сильныхъ союзниковъ въ лицѣ Алексѣева и Четверикова, которые нѣсколько разъ, въ общественныхъ интересахъ, выступали противъ Найденова въ защиту рабочихъ и этимъ избавляли членовъ Коммиссіи отъ необходимости касаться или налегать на разныя больныя стороны нашей фабричной жизни, въ видѣ разнообразныхъ формъ эксплуатаціи заработка рабочихъ, и дурного санитарнаго устройства фабрикъ.

Еще раньше, въ засѣданіяхъ членовъ Коммиссіи, рѣшительно говорилъ, напр., почтенный ученый Н. С. Таганцевъ противъ юридической состоятельности и произвола фабричныхъ штрафовъ и ему, главнымъ образомъ, рабочіе обязаны, тѣмъ, что настоящій законъ нѣсколько обуздалъ это зло отнявши доходъ отъ штрафовъ у фабрикантовъ. Зло штрафовъ и присвоеніе ихъ хозяевами такъ тѣсно срослись съ русской фабричной жизнью, что первоначально, я помню, Коммиссія съ нѣкоторой даже робостью относилась къ самой, мысли лишить фабрикантовъ этого, несомнѣнно, незаконнаго и несправедливаго дохода! Въ засѣданіи съ фабрикантами Найденовъ попытался было выступить въ защиту штрафовъ, какъ вознагражденія хозяевъ за разные ущербы отъ дурныхъ рабочихъ и средства поддержанія должной дисциплины на фабрикахъ. Спрошенный

председателемъ, я говорилъ противъ штрафовъ, какъ умѣлъ, указывая на извѣстные мнѣ случаи злоупотребленія ими...

Внезапно поднялся Н. А. Алексѣевъ и, обращаясь къ председателю, сказалъ блестящую рѣчь, которая рѣшила судьбу штрафовъ въ русскомъ фабричномъ законодательствѣ. Вставши въ свой огромный ростъ и указывая на потолокъ, Алексѣевъ послѣ всѣхъ іеремiадъ Найденова началъ съ такого рода напоминанія: „Здѣсь, въ этомъ самомъ зданіи наверху, подъ председательствомъ также Вашего Превосходительства, происходили засѣданія Коммиссіи по иниціативѣ Военнаго Вѣдомства, о замѣтномъ физическомъ вырожденіи и ухудшеніи силъ и здоровья населенія нашихъ промышленныхъ губерній, живущихъ преимущественно фабричнымъ трудомъ. Доклады и работы этой Коммиссіи доказали несомнѣнный фактъ быстраго и сильнаго вырожденія рабочаго населенія этихъ губерній: какъ ростъ, такъ и объемъ груди у рекрутовъ въ промышленныхъ губерніяхъ замѣтно и быстро уменьшается; населеніе, видимо, хирѣетъ и даетъ все бо̀льшій и бо̀льшій процентъ забракованныхъ для военной службы; очевидно, патріархальныя якобы условія нашего фабричнаго труда не такъ безвредны, какъ ихъ пытался защищать г. Предсѣдатель Биржевого Комитета“... Далѣе Алексѣевъ указывалъ, что Коммиссія, упомянутая имъ, пришла къ единодушному заключенію, что причиной печальнаго явленія служитъ именно фабричная работа и что необходимо правительству вмѣшаться въ этотъ вопросъ, чтобы улучшить условія труда, въ интересахъ поднятія здоровья населенія въ промышленныхъ губерніяхъ, что онъ самъ, Алексѣевъ, наконецъ, близко связанный въ Россіи или непосредственно, или посредственно съ тремя промышленными производствами (золотоканительное, шелковое и шерстяное), хорошо знаетъ условія русской фабричной жизни и рѣшительно становится на сторону сильнаго ограниченія штрафовъ на фабрикахъ и вообще упорядоченія и оздоровленія фабричной жизни и быта.

Послѣ рѣчи Алексѣева я и нѣкоторые другіе члены замѣтно повеселѣли, такъ какъ исчезало опасеніе, чтобы пріѣздъ фабрикантовъ и участіе ихъ въ Коммиссіи не сокрушилъ весь нашъ проектъ или не привелъ его къ нулю.

Коммиссія вскорѣ закончилась и участіе промышленниковъ въ обсужденіи тезисовъ принесло лишь нѣкоторыя небольшія малосущественныя измѣненія въ текстѣ проекта, но фактически, какъ показали скоро послѣдствія (о чемъ будемъ говорить дальше), рука Найденова оставалась не безъ вліянія, увы! даже довольно серьезнаго, окольными, закулисными путями, на благополучное практическое примѣненіе этого закона...

Въ виду общеизвѣстности нынѣ закона 3 Іюня 1886 года, давно вошедшаго въ нашъ Сводъ и даже въ нѣсколько передѣланномъ видѣ, я считаю излишнимъ здѣсь излагать его содержаніе и ограничусь лишь упоминаніемъ, что данный законъ 3 Іюня Коммиссіи подъ предсѣдательствомъ Плеве представляетъ собой первый важнѣйшій памятникъ русскаго рабочаго законодательства, ибо впервые установилъ и упорядочилъ нѣкоторыя важнѣйшія стороны взаимныхъ договорныхъ отношеній рабочихъ съ ихъ нанимателями или хозяевами. Такъ, законъ 3-го Іюня установилъ впервые срокъ расплаты, котораго не существовало раньше и, во-вторыхъ, право рабочаго на цѣлый его заработокъ, ограничивши штрафованіе и другіе вычеты, чего опять таки раньше не было, такъ что фабриканты иногда, какъ можно удостовѣриться хотя бы по моимъ инспекторскимъ отчетамъ, наказывали рабочихъ за требованіе своихъ кровныхъ денегъ штрафами, а, уходя съ фабрики рабочій не только ничего не получалъ, но оставался иногда даже фабриканту долженъ! Наконецъ, въ-третьихъ, законъ 3 Іюня 1886 года, переименовавшій „инспекторовъ по надзору за занятіями малолѣтнихъ рабочихъ“ —просто въ „фабричныхъ инспекторовъ“, возложилъ на нихъ обязанность наблюдать за исполненіемъ новаго закона, изслѣдовать возникающія между сторонами неудовольствія, преслѣдовать виновныхъ судомъ, и т. д., создалъ въ данномъ случаѣ контроль, гдѣ его не было. Такова была благая мысль этого важнаго закона и его ближайшихъ продолженій.

Если же, впослѣдствіи, надежды на благое дѣйствіе этого закона не оправдались и сама инспекція, вмѣсто обязанности нелицепріятныхъ блюстителей гуманнаго закона,

превратилась въ какихъ-то полицейскихъ надзирателей, заботящихся, какъ старается доказать проф. Озеровъ въ своей новой книгѣ *), исключительно о прекращенiи всякихъ безпорядковъ и о предупрежденiи политическаго вольномыслiя рабочихъ, то въ этомъ виной, разумѣется, являются общiя условiя русской жизни, такъ фатально передѣлывающiя многое хорошее въ прямое зло.

Повторяю въ заключенiе, что законъ 3 Iюня 1886 г. покоится на своихъ двухъ предшественникахъ — „Правилахъ" „Саблинской" Коммиссiи и Коммиссiи Генерала Козлова, представляя лишь дальнѣйшее развитiе и расширенiе положенiй и тенденцiй, въ нихъ высказанныхъ. Въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ (о разсчетныхъ книжкахъ, правѣ хозяина на вычетъ, отчасти о штрафахъ и правилахъ внутренняго распорядка и т. д.) законъ 3 Iюня прямо многое заимствовалъ у своихъ московскихъ предтечъ, хотя и съ значительными въ отдѣльныхъ случаяхъ передѣлками.

Вернувшись въ Москву, по окончанiи засѣданiй Коммиссiи, къ Пасхѣ, какъ я уже упоминалъ, я немедленно послѣ праздниковъ принялся ретиво за разъѣзды съ цѣлью провѣрить, насколько началъ примѣняться на практикѣ законъ о малолѣтнихъ и напомнить, наконецъ, о существованiи фабричной инспекцiи, которая такъ долго сидѣла безъ движенiя у себя дома. Частая моя переписка съ Михайловскимъ и Неболсинымъ за это время наполнена однимъ и тѣмъ же содержанiемъ: отсутствiемъ на огромномъ большинствѣ посѣщенныхъ фабрикъ не только примѣненiя, но даже знанiя о законѣ о малолѣтнихъ. Оказалось, что, во-первыхъ, не смотря на всѣ мои просьбы и передъ Михайловскимъ и передъ Департаментомъ, *ничего не было сдѣлано для большей огласки закона*: не только „Правила для фабрикантовъ" не были разосланы послѣднимъ, но не былъ посланъ, вопреки обѣщанному мнѣ, и дешевенькiй „Сборникъ Узаконенiй"; не только промышленники, но и акцизные чиновники, которые должны были намъ помогать, не имѣли никакого

*) См. *И. Х. Озеровъ*: Политика по рабочему вопросу въ Россiи за послѣднiе годы. 1906.

понятія о законѣ.. Вотъ какого рода факты сообщаю я, напр., Главному Инспектору отъ 6 Мая 1885 года:

„На огромномъ большинствѣ фабрикъ законъ о малолѣтнихъ еще не примѣняется: большая ошибка, что не сдѣланы были публикаціи передъ Святой объ условіяхъ найма малолѣтнихъ (о метрикахъ), а еще бы лучше, если бы были разосланы черезъ полицію ко всѣмъ фабрикантамъ экземпляры „Сборника". Вы говорите мнѣ, что Департаментъ рѣшилъ купить для насъ 2000 экземпляровъ „Сборника", почему же до сихъ поръ эти экземпляры не разосланы? Между тѣмъ вотъ въ чемъ дѣло: акцизные чиновники (нѣкоторые, конечно) желали бы добросовѣстно помочь намъ въ дѣлѣ и получили предписаніе отъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ, между тѣмъ законовъ не знаютъ и просятъ ихъ снабдить ими. Что прикажете дѣлать? Купить на собственный счетъ? А между тѣмъ для одного лишь Московскаго акцизнаго округа нужно, по ихъ словамъ, не менѣе 30 экземпляровъ. Въ то же время начинаютъ прибывать увѣдомленія и отъ другихъ Акцизныхъ управленій, вчера, напр., отъ Смоленскаго Акцизнаго: вообще, даровые экземпляры нужны и притомъ въ большомъ количествѣ. Что касается книгъ для записи малолѣтнихъ и обязательно вывѣшенныхъ объявленій, то ихъ начала печатать здѣсь Городская Типографія по моему убѣжденію. Книжекъ „Сборника" не хватаетъ; онѣ продаются въ одномъ лишь магазинѣ Анисимова по 30 коп. (вмѣсто 25) и получаются изъ Петербурга микроскопическими дозами: теперь, напр., въ продажѣ всего лишь 30 экземпляровъ на всѣ фабрики Московскаго района"!..

Другой пунктъ, который меня чрезвычайно въ это время озабочивалъ и составлялъ предметъ моей горячей переписки съ Петербургомъ, это—множество фабрикъ и сравнительная медлительность, съ которою я ихъ посѣщалъ, не смотря на все усердіе: очевидно, съ двумя съ половиною тысячами фабрикъ я бы не могъ справиться, разумѣя ихъ объѣзды, даже если бы у меня было 5 помощниковъ, а я имѣлъ лишь одного д-ра Рахманова, который въ своемъ только спеціальномъ завѣдываніи, какъ было упомянуто,

имѣлъ четыре цѣлыхъ губерніи, размѣромъ больше Германіи, значитъ, помогать мнѣ по Московской губерніи почти не могъ!.. Главный Инспекторъ обѣщалъ на лѣто командировать ко мнѣ на помощь г. Градовскаго; но посылка его почему то все откладывалась и откладывалась и такъ и не состоялась... Между тѣмъ въ это время разнесся слухъ, что правительство, наконецъ, убѣдилось въ нашей безпомощности и будутъ ассигнованы средства на назначеніе цѣлыхъ 20 помощниковъ инспекторовъ, и я усердно началъ засыпать письмами Михайловскаго и Неболсина съ своими просьбами не забывать Московскій округъ, огромную наличность въ немъ фабрикъ и необходимость дать мнѣ, наконецъ, достаточное количество помощниковъ.

„Вслѣдствіе, очевидно длиннаго интервала въ нашей корреспонденціи (около двухъ недѣль)“, писалъ я Я. Т. Михайловскому 17 Мая 1885 года, „Вы забыли мнѣ отвѣтить на самый важный изъ предложенныхъ мною вопросовъ. Я разумѣю Ваше обѣщаніе прислать ко мнѣ лѣтомъ на помощь г. Градовскаго. Ради Бога обратите вниманіе на мое ненормальное положеніе. Дѣленіе округовъ было произведено по простому ариѳметическому пріѣму, съ помощью книги Орлова, по абсолютному числу фабрикъ. Между тѣмъ на первомъ планѣ стоитъ родъ производствъ, и обработка волокнистыхъ веществъ, гдѣ по преимуществу работаютъ малолѣтніе, нигдѣ не имѣетъ столько представителей, какъ въ Московской губерніи. Положительно можно сказать, что въ одной этой губерніи такихъ фабрикъ болѣе, нежели въ любомъ цѣломъ округѣ, а, слѣдовательно, силъ для инспекціи я пропорціонально имѣю гораздо менѣе... Лѣтомъ, какъ вамъ извѣстно, я намѣренъ по преимуществу объѣзжать губернію Тверскую и сѣверные уѣзды Московской, но что же будетъ въ г. Москвѣ съ ея уѣздомъ, въ Богородскомъ и южныхъ уѣздахъ? Мы только что успѣли съ Рахмановымъ взбудоражить Московское фабричное болото и заставить подумать о выполненіи закона: въ большинствѣ ограничились срочными обѣщаніями его начать выполнять, а тутъ вдругъ перерывъ на цѣлыхъ два мѣсяца!!.. Даже и Московскія фабрики не всѣ еще посѣщены, так ихъ

много, а типографіи и ремесленныя заведенія, предусмотрѣнныя какъ вредныя производства, и совсѣмъ не затронуты... Вы же, очевидно, считаете затрудненія въ моемъ округѣ за небольшія, чѣмъ во всякомъ другомъ?!..., напр., хоть мелочь: при дѣлежѣ „Сборника“ Вы полагаете, что онъ мнѣ нуженъ въ томъ же числѣ экземпляровъ, какъ и въ другихъ 17 округахъ или ихъ участкахъ. Но спросите частно, напр. Новицкаго (Кіевскаго инспектора): онъ сообщалъ мнѣ, что у него все лѣто совсѣмъ нѣтъ работы и приходится до осени рыскать по ремесленнымъ заведеніямъ, чтобы не скучать отъ бездѣйствія, а въ самой Москвѣ множество фабрикъ остаются „безъ осмотра“!!

„Итакъ, добрѣйшій Яковъ Тимофеевичъ“, продолжалъ я свои настоянія, „подумайте, пожалуйста, какъ мнѣ помочь: дурно будетъ, если въ самомъ центрѣ русской промышленности и законъ останется безъ примѣненія. Очевидно, что ариѳметическій масштабъ никуда не годится и Вы должны дать мнѣ еще руки: Рахмановъ въ Іюнѣ уѣдетъ по своему обширному участку и москвичи опять задремлютъ и насмѣются надъ закономъ... Посѣщая теперь усиленно фабрики по городу, я просто прихожу въ отчаяніе, — это какая-то Сизифова работа: повидимому, и я, и Рахмановъ видѣли здѣсь уже массу фабрикъ, а между тѣмъ каждый день, просматривая списки, замѣчаешь длиннѣйшій листъ еще совсѣмъ неосмотрѣнныхъ... если же что и дѣлается, то исключительно на тѣхъ, которыя мы успѣли посѣтить. Сроки предостереженій истекаютъ ежедневно, а нѣтъ возможности быть на той или другой изъ фабрикъ, такъ ихъ много, а Вы еще напоминаете о судебномъ преслѣдованіи, да позвольте же спросить, когда намъ этимъ заниматься, когда полонъ ротъ работы и безъ того и безъ видимыхъ признаковъ приближенія къ окончательной визитаціи всѣхъ фабрикъ?.. Итакъ, дайте мнѣ, умоляю, еще помощника: въ С.-Петербургѣ Давидовъ, Градовскій и Вы, наконецъ, осматривали цѣлыхъ полгода, да и фабрики сгрупированы, а не разбросаны, какъ здѣсь. Повѣрьте, что эта настойчивая просьба вызывается лишь сознаніемъ крайней необходимости и требуетъ скораго и благопріятнаго разрѣшенія“...

„Я до сихъ поръ успѣлъ посѣтить," увѣдомляю я Михайловскаго нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ письмѣ отъ 5 Сентября 1885 года,„ со времени обнародованія „Правилъ" и „Инструкціи", т. е. съ 26 Февраля того года, всего лишь 130 фабрикъ въ двухъ губерніяхъ; изъѣздилъ между тѣмъ почти всю Тверскую губернію; концы ужасные: на лошадяхъ верстъ по 90 лѣсомъ фабрика отъ фабрики (преимущественно стеклянные заводы), картина вообще неутѣшительная. Сверхъ того нѣкоторые заводы окружены непроходимыми болотами и проѣзда лѣтомъ почти нѣтъ. Сообщеніе съ такими заводами производится почти исключительно только зимой. До многихъ пунктовъ и слуха о „законѣ о малолѣтнихъ" не доходило. Нѣтъ сомнѣнія, совершенъ рядъ немалыхъ ошибокъ въ свое время, а главное, что Департаментъ не разослалъ „Сборника" по фабрикамъ и чинамъ полиціи и не просилъ послѣднюю настойчиво требовать пріема малолѣтнихъ на фабрики лишь съ метриками. Теперь приходится это исправлять личнымъ разъясненіемъ и внушеніемъ и бывать тамъ два раза, гдѣ иначе достаточно одного. Настроеніе духа, по правдѣ, тяжелое и я переживаю часто очень невеселыя минуты полнаго безсилія"...

Въ письмѣ своемъ отъ 20 Мая къ А. Г. Неболсину я стараюсь привлечь вниманіе Департамента къ нуждѣ въ помощникахъ и неправильному распредѣленію фабричныхъ округовъ и силъ для ихъ осмотровъ. Здѣсь тѣ же идеи повторяются съ новой аргументаціей: „Важный вопросъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе", пишу я, „это — ошибочный масштабъ при распредѣленіи фабричныхъ округовъ и числа помощниковъ инспекторовъ. Здѣсь во вниманіе принимался въ 1884 году, напримѣръ, — а также, вѣроятно, будетъ и съ 20 новыми помощниками, нынѣ проектированными, — лишь, такъ сказать, ариѳметическій масштабъ, т. е. брался „Указатель Фабрикъ" Орлова и подбиралось примѣрно одно или близкое число фабрикъ на Округъ... Точка зрѣнія — вполнѣ ложная и благодаря нея Вы найдете слѣдующее, что нѣкоторымъ инспекторамъ (напр. Новицкому — Кіевскаго Округа) полгода (лѣтняя половина), какъ онъ говорилъ мнѣ, нечего совершенно дѣлать и онъ

отъ скуки осматриваетъ всѣ уѣздныя ремесленныя заведенія, мнѣ же обратно и въ пять лѣтъ не удастся осмотрѣть всѣхъ фабрикъ своего округа... Дѣло въ томъ, что у насъ нѣтъ вѣрной мѣрки для различія фабрики отъ заведенія и у Орлова многія ремесленныя заведенія занесены какъ фабрики и наоборотъ, нѣкоторыя фабрики пропущены.

Кромѣ того, многія губерніи почти исключительно имѣютъ изъ фабрикъ и заводовъ лишь одни сельскохозяйственные, съ которыми инспекціи почти не придется имѣть дѣло, а наоборотъ, Московская имѣетъ массу ремесленныхъ заведеній, болѣе похожихъ на фабрики... Отсюда такая бьющая въ глаза нелѣпость, какъ 1166 фабрикъ числятся въ Архангельской губерніи и только 483 во Владимірской (по „Указателю“ Орлова)... Однимъ словомъ, при распредѣленіи новыхъ 20 помощниковъ необходимо руководствоваться не однимъ лишь абсолютнымъ числомъ фабрикъ, а потому для Московской губерніи дать гораздо большее количество помощниковъ, нежели для другихъ округовъ. Я, право, прихожу въ полное уныніе отъ своего безсилія сравнительно съ предпринятой работой инспекціи и массой Московскихъ фабрикъ“...

Вмѣстѣ съ вопросомъ о способахъ наилучшаго примѣненія закона о работѣ малолѣтнихъ рабочихъ и очевидной необходимостью для этого силъ и помощи, я былъ озабоченъ также дальнѣйшей судьбой проекта Коммиссіи Плеве и послѣдующаго его по разнымъ инстанціямъ измѣненія и передѣлокъ. Плеве мнѣ обѣщалъ передъ отъѣздомъ немедленно прислать проектъ закона, когда его отпечатаютъ и еще разъ просмотрятъ до Государственнаго Совѣта. На всякій случай я просилъ о томъ же и своего пріятеля (Начальника Промышленнаго Отдѣленія) А. Г. Неболсина. Такъ 20 Мая 1885 г. я увѣдомляю Неболсина о слѣдующемъ:

„Единовременно съ Вашей любезной присылкой ко мнѣ проекта закона объ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ, я получилъ другой экземпляръ таковаго же со всѣми соображеніями и объясненіями отъ Плеве и такимъ образомъ имѣю возможность познакомиться съ проектомъ вполнѣ. Противъ того вида, въ которомъ я оставилъ этотъ проектъ при своемъ

отъѣздѣ изъ Петербурга на Страстной недѣлѣ—три важныхъ измѣненія. Одно—къ добру; это—уничтоженіе различій въ тѣхъ цѣляхъ, для которыхъ собираются штрафныя деньги: теперь онѣ цѣликомъ идутъ на благотворительныя цѣли. Но двѣ перемѣны—къ положительному вреду дѣла: во 1-хъ усиленіе строгости наказаній для рабочихъ за нарушеніе закона и значительное ослабленіе его для хозяевъ. Но всего существеннѣе третье измѣненіе—подстановка въ Москвѣ для „Присутствія по фабричнымъ дѣламъ" на мѣсто представителей города и земства—двухъ членовъ Отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта. Итакъ, изъ 6 членовъ предполагаемаго „Присутствія по фабричнымъ дѣламъ"—два члена непремѣнно фабриканты, или защитники ихъ интересовъ (а рабочихъ, разумѣется—нѣтъ); такимъ образомъ промышленникамъ достаточно заручиться однимъ лишь голосомъ предсѣдателя (т. е. губернатора), чтобы каждое предложеніе, направленное противъ интересовъ не только всѣхъ, но хоть одного фабриканта, было вполнѣ парализовано (3 голоса съ предсѣдателемъ противъ 3-хъ же).. При отсутствіи же кого-либо изъ иныхъ членовъ Присутствія положеніе докладчика (фабричнаго инспектора) еще невыгоднѣе и всѣ преслѣдованія, напр. фабрикантовъ, будутъ или совсѣмъ устраняться или караться смѣхотворными рублевыми штрафами... Ради Бога, поэтому, если можете, дѣйствуйте черезъ Вашего батюшку *) въ Государственномъ Совѣтѣ противъ этого пункта: означенное измѣненіе первоначальнаго проекта, по моему мнѣнію, въ значительной степени уничтожаетъ цѣну самаго новаго закона, отдавая право суда объ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ—въ руки единолично самихъ же хозяевъ... Что это будетъ за жалкая комедія!...

Любопытно, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ Петербургѣ какъ бы ревновало Москву по части упорядоченія рабочаго вопроса, а потому относилось подозрительно

---

*) Григорій Павловичъ Неболсинъ, нынѣ умершій, былъ членомъ Государственнаго Совѣта, Товарищемъ Министра Финансовъ въ Министерствѣ Рейтерна и почетнымъ членомъ Московскаго Университета: извѣстенъ своими многими трудами по торговлѣ и промышленности.

къ извѣстнымъ уже намъ Коммиссіямъ „Саблинской" и ген. Козлова и Обязательнымъ постановленіямъ, изданнымъ для г. Москвы и губерніи („Правила для хозяевъ и рабочихъ фабрикъ и заводовъ"). Вотъ, что я писалъ Главному Инспектору немедленно почти по окончаніи Коммиссіи изъ Москвы отъ 1-го Апрѣля 1885 года:

„На-дняхъ у меня былъ генералъ Козловъ и передавалъ, что кн. Долгоруковъ на-дняхъ получилъ отъ Товарища Министра Дурново письмо съ просьбой пріостановить дѣйствіе своихъ обязательныхъ правилъ впредь до утвержденія проекта Плеве, но князь отвѣчалъ отрицательно... Козловъ совѣтовалъ мнѣ сходить къ Мейну (Правителю канцеляріи Генералъ-Губернатора) и попросить у него взглянуть копію отвѣта: „очень де любопытенъ"(!!)... Непремѣнно на-дняхъ же навѣщу Мейна, разспрошу и Вамъ сообщу о результатахъ" (къ сожалѣнію, однако, мнѣ этого документа не пришлось видѣть). „Вы же, въ свою очередь", — просилъ я Главнаго Инспектора, — „не забывайте передавать мнѣ извѣстія о дальнѣйшей судьбѣ нашей общей Коммиссіонной работы. Что, например, именно происходило въ Четвергъ на Святой?.. (предполагалось засѣданіе у Плеве по фабричному вопросу) и есть ли надежда, что проектъ попадетъ до лѣта въ Государственный Совѣтъ? Если да, то принимаетъ ли мѣры Н. А. Ермаковъ (Директоръ Торговли и Мануфактуръ) къ увеличенію числа инспекторовъ, или все „въ руцѣхъ Божіихъ" и никому не извѣстно? Вообще мнѣ было бы очень любопытно знать мнѣніе такого опытнаго человѣка, какъ Николай Андреевичъ, насчетъ нашего проекта: пройдетъ ли онъ въ Государственномъ Совѣтѣ или же нѣтъ?!" *).

Вмѣстѣ со вступленіемъ закона о малолѣтнихъ въ дѣйствіе временно притихъ вопросъ о необходимости объединенія дѣйствій разныхъ инспекторовъ и толкованія закона. Все мое вниманіе, какъ, вѣроятно, и всѣхъ моихъ товарищей

---

*) Въ это самое время, по инціативѣ именно Н. А. Ермакова, послѣдовало то искаженіе этого проекта въ интересахъ фабрикантовъ, на которое я жалуюсь и относительно котораго прошу вмѣшательства его отца, въ письмѣ къ А. Г. Неболсину.

было поглощено усиленнымъ посѣщеніемъ фабрикъ, чтобы наверстать потерянное не по нашей винѣ время; вопросомъ объ усиленіи числа помощниковъ и, наконецъ, интересомъ предстоящей серьезной задачи—привлеченія виновныхъ фабрикантовъ къ судебной отвѣтственности... Но вотъ первый пылъ дѣятельности въ новомъ направленіи прошелъ и практика фабричныхъ осмотровъ привела за собой рядъ запросовъ и сомнѣній. Хотя никакихъ съѣздовъ инспекторовъ не существовало, но случайно мы иногда съѣзжались по два-по три человѣка и даже больше вмѣстѣ (я и Песковъ весьма часто, иногда Новицкій—Кіевскаго Округа, Святловскій—Харьковскаго и Шидловскій—Казанскаго и кромѣ того мой помощникъ Рахмановъ). Разумѣется, начинали при такихъ свиданіяхъ толковать немедленно на общеинтересную тему—наилучшее исполненіе закона о малолѣтнихъ, высказывались мнѣнія весьма различныя по поводу одного и того же параграфа „Правилъ“ или „Инструкціи“, слѣдовалъ споръ, иногда приводившій къ соглашенію, но, большею частью, какъ у насъ русскихъ бываетъ, каждый оставался при своемъ мнѣніи.

Очевидно для всѣхъ выдвигалась необходимость обязательнаго толкованія: нельзя было допустить, что въ одной губерніи законъ такъ понимается, въ другой иначе, что естественно должно было бы подорвать уваженіе къ закону со стороны промышленниковъ. Обращались, разумѣется, за рѣшеніемъ къ Главному Инспектору, но это не всегда приводило къ желательному результату, ибо Главный Инспекторъ не всегда давалъ немедленно отвѣтъ на запросъ, а между тѣмъ законъ приходилось приводить въ исполненіе иногда каждый день. Наконецъ, Главный Инспекторъ, прежде сидѣвшій въ Петербургѣ, какъ и мы на своихъ мѣстахъ, пустился позднѣе въ разъѣзды по Россіи для знакомства также съ фабриками и нашей дѣятельностью и сдѣлался почти неуловимъ: сегодня онъ находится въ Перми, черезъ недѣлю въ Житомірѣ, черезъ три дня въ Кіевѣ, потомъ, глядишь, въ Одессѣ и т. д. Наши письма часто не доходили и прямо пропадали, и вообще, всякая переписка съ Я. Т. Михайловскимъ была нарушена и въ дѣлахъ происхо-

дила большая проволочка въ это время. И вотъ, переговоривши съ нѣкоторыми другими инспекторами, я обратился къ нему со слѣдующимъ письмомъ, частью въ дѣловомъ, частью въ шутливомъ тонѣ, отъ 5 Августа 1885 года:

„Начну свое письмо", обращался я, „съ нѣсколько страннаго признанія: много разъ въ теченіе лѣта мнѣ приходилось сожалѣть, что Вы находитесь въ отсутствіи изъ Петербурга и приходится ловить Васъ письмомъ въ неизвѣстномъ уголкѣ Россіи (одно письмо мое, адресованное въ Пермъ, очевидно, до Васъ не дошло, это—запросъ относительно стеклянныхъ заводовъ). Дѣло въ томъ, что на первыхъ же шагахъ лѣтнихъ экскурсій по фабрикамъ выяснилась масса недоговорокъ и пропусковъ въ законахъ и „Инструкціи": понадобилось знать Ваше мнѣніе или получить согласіе на извѣстное толкованіе закона или отдѣльнаго случая. А какъ его узнать, когда Вы находитесь на другомъ концѣ Россіи и почти, какъ показываетъ перемѣна маршрута, въ безвѣстномъ отсутствіи. Нѣтъ, какъ хотите, англійскій порядокъ, гдѣ D-r Redgreve (Главный Инспекторъ тогда въ Англіи) постоянно въ Лондонѣ, а инспекторовъ ревизуютъ его помощники, несравненно цѣлесообразнѣе и полезнѣе для дѣла... Вотъ и теперь у меня на столѣ лежатъ два письма отъ фабрикантовъ, на которыя не знаю, что отвѣчать безъ Васъ—ну и приходится намъ толковать по-своему и произвольно „Правила", а Вы пріѣдете въ Петербургъ, узнаете изъ нашихъ донесеній (а можетъ быть и постороннихъ) эти толкованія, да и кассируете ихъ... Да, добрѣйшій Яковъ Тимофеевичъ, обо многомъ бы хотѣлось потолковать съ Вами, да на письмѣ неудобно и слишкомъ длинно. Мнѣ кажется, что теперь назрѣло настоятельно время выпустить въ свѣтъ отъ имени Главнаго Инспектора одинъ или пару циркуляровъ по поводу примѣненія новыхъ постановленій. Если съѣздъ инспекторовъ невозможенъ, то почему бы Вамъ, переговоривши со всѣми ими лично, не заѣхать въ Бѣлокаменную, гдѣ мы старые инспектора съ Песковымъ встрѣтили бы Васъ съ Московскимъ радушіемъ и подвели бы къ одному знаменателю разныя сомнѣнія и недоразумѣнія, вредящія и тормозящія дѣло фабричной инспекціи... Право,

измѣните-ка еще разикъ маршрутъ да и махните къ намъ сюда прямо изъ Кіева: Житоміръ можно „по боку“, а Вильну и отсюда посѣтить не трудно“...

Мѣсяцемъ раньше я писалъ о томъ же А. Г. Неболсину, прося его между прочимъ выслать „Сборникъ Постановленій о малолѣтнихъ рабочихъ“ Зубцовскому исправнику (Тверской губ.) для распространенія между фабрикантами уѣзда въ виду „ихъ полнаго незнанія“, по его заявленію, этихъ законовъ. „Вы можетъ быть спросите“, добавляю я, „что я подѣлываю и какъ вообще идетъ дѣло фабричной инспекціи?—На это Вамъ отвѣчу, что я превратился совершенно въ почтовую разгонную лошадь: всѣ дни недѣли, кромѣ воскресенья, скачу сломя голову, въ томъ или другомъ углу Московской или Тверской губерніи и только праздники провожу у жены на дачѣ въ Клину (по серединѣ разстоянія между Тверью и Москвой). Дѣло инспекціи идетъ плохо... и, частью, по нашей винѣ: сдѣланъ непростительный промахъ, что „Инструкція“ и „Правила для фабрикантовъ“ имъ не разосланы были Департаментомъ или Главнымъ Инспекторомъ... Поэтому законъ повсемѣстно до настоящаго времени почти неизвѣстенъ совершенно и, вмѣсто контроля, намъ приходится исполнять роль ходячихъ „Сборниковъ Законовъ“— т. е. объяснять, растолковывать и просто излагать „Постановленія“, для чего приходится по 2 и по 3 раза быть на одной и той же фабрикѣ, гдѣ было бы достаточно одного посѣщенія. Для рабочихъ послѣдствія этого промаха чрезвычайно ощутительны и непріятны: такъ какъ, благодаря указаннымъ причинамъ, большинство фабрикантовъ до Пасхи (начало фабричнаго года) ничего не знали о метрическихъ свидѣтельствахъ, то теперь вслѣдствіе нашихъ настояній и требованій ихъ (безъ которыхъ весь законъ превратился бы въ нуль), гонятъ малолѣтнихъ съ фабрикъ толпою... Происходитъ настоящее „избіеніе младенцевъ“... и, когда я появляюсь на своей Московской квартирѣ, то меня осаждаютъ слезы и жалобы рабочихъ на ихъ изгнаніе хозяиномъ, будто бы, по моему приказанію“...

„Кромѣ всего этого“,—продолжаю я въ томъ же письмѣ,—„возникаетъ масса недоумѣній и сомнѣній изъ практики: требуются для всей Россіи и всѣхъ инспекторовъ одинаковыя толкованія закона... Вообще, „Инструкцію“ и „Правила“ необходимо значительно пополнить и что-нибудь сдѣлать для объединенія толкованія закона и правилъ. Укажу примѣры: 1) Отъ какихъ малолѣтнихъ требовать метрики—до 15 лѣтъ или и позже? Если принять первое толкованіе, то завтра по паспортамъ въ Россіи не будетъ лицъ моложе 15 лѣтъ; если принять второе толкованіе, то до какого возраста нужна метрика? 2) Другой примѣръ: на стеклянныхъ заводахъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ приготовляются оконныя стекла большею частью не болѣе 10—12 варокъ въ мѣсяцъ, т. е. работа идетъ лишь черезъ день или полтора дня антракта и продолжается по 10—12 часовъ, т. е. среднимъ числомъ для всѣхъ рабочихъ всякаго возраста она не превосходитъ 6 часовъ въ сутки за круглый годъ. Спрашивается: возможно и мыслимо ли здѣсь требованіе 8-часовой дѣтской работы и что тутъ отвѣчать фабриканту? Очевидно, необходимо было бы, по образцу Англіи, принять и у насъ такъ наз. „систему очередныхъ дней“!.. „Куча подобныхъ сомнѣній“, заключаю я, „а обратиться за разъясненіемъ не къ кому и всякій инспекторъ дѣйствуетъ по пословицѣ „каждый молодецъ на свой образецъ“....

Въ добавленіе къ этому, въ постскриптумѣ къ письму отъ 15 Октября 1885 года къ А. Г. Неболсину, я опять пишу ему: „Позволю себѣ еще разъ вернуться къ старому вопросу: существуетъ масса недоумѣній и противорѣчій при приведеніи въ силу новыхъ фабричныхъ законовъ. Не можете ли Вы, опережая иниціативу Михайловскаго, приступить къ ихъ разъясненію и установленію единства дѣйствія и толкованія. Если же это, въ виду нарушенія инстанціоннаго порядка, рѣшительно невозможно, то нельзя ли, наконецъ, оказать на Якова Тимофеевича напоръ... Вы себѣ издали представить не можете, какъ это вредно для дѣла“!.. А дѣло двигалось очень плохо: многочисленныя недоумѣнія по примѣненію закона оставались все таковыми же; желанное объединеніе толкованія закона въ

различныхъ фабричныхъ округахъ отнюдь не имѣло мѣста и, впослѣдствіи, привело даже у насъ къ отмѣнѣ самой должности Главнаго Инспектора, что нисколько, впрочемъ, какъ извѣстно, въ свою очередь не улучшило дѣло нашей инспекціи.

Какіе бы недостатки ни были за почтеннымъ Я. Т. М., но онъ имѣлъ большое усердіе къ труду и любовь къ своимъ обязанностямъ; особенно поразителенъ въ этомъ контрастъ съ покойнымъ Е. Н. Андреевымъ, который ко всему въ инспекціи относился равнодушно, или прямо съ точки зрѣнія личныхъ, часто узкихъ соображеній. Такъ припоминаю разговоръ съ Андреевымъ о двухъ назначеніяхъ на инспекторскую должность; на слабую попытку возраженія съ моей стороны, онъ отвѣчалъ: „Помилуйте, онъ былъ моимъ учителемъ“ (?!),—а про другое лицо: „Надо быть въ ладахъ съ Градоначальникомъ!“ Главный Инспекторъ Я. Т. Михайловскій, съ другой стороны, дѣлалъ все, что могъ, но, своей спеціальной подготовкой, а равно и властью, онъ не могъ, вѣроятно, разрѣшить многихъ вопросовъ; Департаментъ же часто тормозилъ живое дѣло, заботясь не о лучшей постановкѣ закона, а чтобы все было тихо и спокойно и, главное, „чтобы въ Москвѣ были довольны“! (здѣсь на первомъ планѣ разумѣлось довольство всесильнаго Найденова, Предсѣдателя Биржевого Комитета, и другихъ крупнѣйшихъ московскихъ промышленниковъ)...

Въ отвѣтъ на мои энергичныя приставанія по поводу малаго распространенія между фабрикантами знакомства съ новыми законами о малолѣтнихъ и просьбы о разсылкѣ „Сборника Узаконеній“, Главный Инспекторъ выразилъ внезапно въ своемъ письмѣ отъ 12 Мая 1885 года такое мнѣніе: „Очевидно, имъ (т. е. промышленникамъ) недостаетъ лишь охоты подчиниться требованіямъ закона, а охоту эту, повторяю,— едва ли можно возбудить и безплатной разсылкой „Сборника“. Въ виду всего этого я бы просилъ Васъ, а равно и Вашего помощника: 1) притянуть къ суду, для примѣра, двухъ-трехъ фабрикантовъ и тѣмъ дать имъ почувствовать неудобство нарушенія закона; 2) принять за правило привлекать къ отвѣтственности за нарушеніе закона лишь

болѣе или менѣе крупныхъ, завѣдомо недобросовѣстныхъ и содержащихъ притомъ своихъ рабочихъ въ дурной гигіенической обстановкѣ и 3) напечатать въ газетахъ приговоръ судьи и этимъ воспользоваться, чтобы объяснить лишній разъ фабрикантамъ сущность законовъ и отношеніе къ нимъ инспекціи“. Къ письму прилагается «Извѣщеніе», которое Главный Инспекторъ предлагаетъ напечатать и разослать отъ имени каждаго инспектора фабрикантамъ своего округа. Содержаніе заключается въ приглашеніи увѣдомить, намѣрены ли они пользоваться трудомъ малолѣтнихъ, какъ будутъ распредѣлены работы и пр.?? Большинство фабрикантовъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, на это извѣщеніе никакого отвѣта не прислали.

Отъ 22 Мая того же года въ большомъ письмѣ, по поводу моихъ просьбъ о помощникахъ, Я. Т. М. возражаетъ мнѣ неожиданно слѣдующее: „Вы сѣтуете, и совершенно справедливо, на трудность и почти невозможность въ теченіе года осмотрѣть всѣ фабрики даже г. Москвы. Отсюда, казалось бы, прямой выводъ: необходимо прибѣгнуть къ другимъ, болѣе внушительнымъ мѣрамъ, благодаря которымъ фабрикантъ позаботился бы объ исполненіи закона до прибытія къ нему инспектора, напр., къ мѣрѣ приданія суду двухъ, трехъ промышленниковъ. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ставить въ зависимость исполненіе фабрикантами закона отъ посѣщенія ихъ заведеній инспекторами, а тѣмъ менѣе отъ разсылки имъ „Сборника“? Да и всегда ли посѣщеніе инспекторомъ той или другой фабрики сопровождается примѣненіемъ на ней постановленій о малолѣтнихъ рабочихъ? Ежемѣсячно получаемыя мною со всѣхъ концовъ Россіи отъ инспекторовъ и ихъ помощниковъ вѣдомости даютъ на это очень печальный отвѣтъ“...

Въ виду этого разрѣшенія, наконецъ, Главнымъ Инспекторомъ судебнаго преслѣдованія, инспектора на всѣхъ концахъ Россіи приступили къ составленію протоколовъ и привлеченію промышленниковъ къ суду по новому закону о малолѣтнихъ. Промышленники видимо не вѣрили рѣшимости правительства заставить ихъ исполнять новый законъ и считали все, можно думать, какой-то „пробой пера“ или „шуткой“. Первый

актъ или полицейскій протоколъ я составилъ лично въ присутствіи полиціи и понятыхъ изъ сосѣднихъ крестьянъ на большой спичечной фабрикѣ наслѣдниковъ Захаровыхъ въ Клинскомъ уѣздѣ Московской губ. Въ чрезвычайно вредномъ само по себѣ производствѣ, какъ зажигательныя спички, отчасти сѣрныя, не принималось рѣшительно никакихъ мѣръ для обезвреживанія работы, въ которой участвовало значительное количество дѣтей, отчасти даже незаконнаго возраста (до 10 лѣтъ, насколько можно было судить по ихъ виду), а главное—множество подростковъ. Столь опасныя для здоровья отдѣленія, какъ макальное и приготовленія массы, не были совершенно отдѣлены отъ другихъ, менѣе вредныхъ: омертвѣніе челюстей и выпаденіе зубовъ замѣтно было у нѣсколькихъ человѣкъ. Вообще о требованіяхъ гигіены и о законѣ о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ Захаровыхъ не было ни малѣйшаго понятія и заботъ. При первомъ посѣщеніи этой фабрики я сдѣлалъ владѣльцу ея, г. Захарову, большое разъясненіе, какъ сущности новаго закона о малолѣтнихъ, такъ и несоотвѣтствія устройства многихъ отдѣленій его фабрики интересамъ лицъ работающихъ. Я убѣдительно просилъ г. Захарова сдѣлать необходимые шаги для выполненія закона и улучшенія самаго устройства фабрики (изъ нѣкоторыхъ отдѣленій дѣтей совсѣмъ удалить и разсчитать самыхъ маленькихъ, кое-гдѣ сдѣлать перегородки или перевести въ другое мѣсто и т. д.)... Мы условились о срокѣ, когда онъ все это сдѣлаетъ и приведетъ въ порядокъ, и я уѣхалъ, успокоенный за судьбу дѣтей его обѣщаніями. Первый разъ я былъ у него 5 Іюня, второй разъ 26 Августа 1885 года, и все рѣшительно нашелъ по-старому, даже число малолѣтнихъ незаконноработающихъ увеличилось!.. Г. Захаровъ не только ничего не исполнилъ по существу дѣла, относительно самой работы или передѣлки помѣщеній, но даже не пожелалъ исполнить никакихъ формальностей, обязательныхъ по закону и столь легкихъ для фабрики, какъ-то: веденіе списка работающихъ малолѣтнихъ, вывѣшиваніе времени распредѣленія ихъ работы и т. п.

Очевидно, необходимо было его наказать и этимъ только путемъ можно было добиться улучшенія участи и обезопа-

сенія здоровья его рабочихъ (90 человѣкъ). Въ сосѣдней деревнѣ я пригласилъ, кажется, старосту или старшину и нѣсколько человѣкъ понятыхъ крестьянъ и вернулся съ ними на фабрику. Скажу откровенно, мнѣ казалось очень неловкимъ и непріятной вся эта процедура составленія протокола; я чрезвычайно досадовалъ на Захарова, который увѣрялъ, что все къ моему второму пріѣзду будетъ въ порядкѣ и вмѣсто того ничего не сдѣлалъ! Виновный, однако, все время составленія протокола усмѣхался, какъ бы надѣясь, что ничего изъ этого не выйдетъ и до суда дѣло не дойдетъ... Въ заключеніе, когда уже протоколъ былъ подписанъ и я садился на лошадей, чтобы ѣхать въ Клинъ, Захаровъ почтительно прощался со мною, опять увѣряя, что „будьте покойны, все сдѣлаю, какъ слѣдуетъ“! Въ это время меня насмѣшили мои понятые: они сняли почтительно шапки и попросили... „на чаекъ“! Я не зналъ, какъ отнестись къ этому факту и только замѣтилъ имъ, что вѣдь я не для собственнаго удовольствія пригласилъ ихъ съ собой, а они исполняли свою гражданскую обязанность въ виду закона... „Да и намъ какое же, баринъ, здѣсь удовольствіе—и дѣти наши здѣсь не работаютъ, все посторонніе, а нашему сосѣду Захарову, пожалуй, будетъ непріятность“. Послѣднее не оправдалось и мой первый блинъ вышелъ комомъ: мѣсяца черезъ два я получилъ отъ Клинскаго мирового судьи увѣдомленіе, что отвѣтчикъ по жалобѣ моей, по закону о малолѣтнихъ, г. Захаровъ, „волею Божіею“ скончался еще до полученія повѣстки, а потому дѣло его прекращено.

Второй протоколъ и судебное дѣло по обвиненію мною въ нарушеніи закона о малолѣтнихъ имѣло мѣсто въ громкомъ процессѣ Н. П. Ланина—фабриканта минеральныхъ водъ и русскаго шампанскаго и издателя „Русскаго Курьера“ въ г. Москвѣ. Это дѣло прошло всѣ инстанціи вплоть до Сената, попало въ кассаціонныя рѣшенія и испортило мнѣ немало крови безъ всякой моей вины; оно едва не породило даже новое дѣло о клеветѣ и диффамаціи. Сущность его въ слѣдующемъ: всѣмъ извѣстна въ Москвѣ по хорошему качеству своихъ продуктовъ минеральныхъ и фруктовыхъ водъ и шампанскаго фабрика Н. П. Ланина, либеральнаго въ то

время члена думы и издателя либеральной же газеты „Русскій Курьеръ“, которую въ описываемый періодъ онъ даже самъ редактировалъ. Разумѣется, какъ Москвичъ, я хорошо зналъ Николая Петровича, какъ и онъ меня и когда-то даже я у него помѣстилъ нѣсколько статеекъ въ „Русскомъ Курьерѣ“. Еще въ 1884 году я посѣтилъ его заводъ, какъ крупный въ своемъ родѣ, желая познакомиться съ производствомъ и нашелъ полное несоблюденіе закона о малолѣтнихъ и даже незнаніе его, удивительное въ редакторѣ газеты. Я объяснилъ ему, какъ дѣлалъ всѣмъ промышленникамъ, сущность закона, такъ какъ, по описаннымъ выше причинамъ, исполненіе закона нами тогда не требовалось и предупреждалъ о будущемъ. Наконецъ, 11 Сентября 1885 года, когда я явился на его заводъ въ четвертый разъ, то опять таки нашелъ все по-старому и въ томъ числѣ цѣлый рядъ нарушеній закона, а именно: 1) двое малолѣтнихъ, недостигшихъ 12 лѣтъ, противно 1 п. ст. 1, закона 1 Іюня 1882 г., были допущены къ работѣ; 2) малолѣтніе, противно 2 п. статьи 1 того же закона работаютъ въ общей сложности болѣе 8 часовъ въ сутки, не пользуясь при этомъ достаточными перерывами; 3) не всѣ малолѣтніе имѣли метрики, какъ этого требовалъ § 2 „Правилъ“; 4) вопреки § 13 „Правилъ“ не было сдѣлано заявленія; 5) противно § 15 „Правила“ и списки не были вывѣшены въ конторѣ; 6) малолѣтніе посѣщали школу лишь 8 часовъ въ недѣлю, тогда какъ 5 п. ст. 1 закона 1 Іюня 1882 г. предписываетъ посѣщеніе школы, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе 18 часовъ въ недѣлю.

Мнѣ было въ высшей степени непріятно придавать это дѣло огласкѣ и приступить къ составленію протокола, въ виду извѣстности Ланина въ Москвѣ и почета, которымъ онъ пользовался, какъ издатель довольно хорошей газеты. Но г. Ланинъ все сдѣлалъ, чтобы вынудить меня примѣнить къ нему немедленно и къ одному изъ первыхъ карательную норму новаго закона. Указывая на серьезныя нарушенія законовъ у него, мною найденныя, я еще разъ просилъ его позаботиться о приведеніи всего въ порядокъ, указывая, что ему стыдно будетъ, какъ образованному человѣку, если я со-

ставлю первый протоколъ въ Москвѣ по нарушенію гуманнаго закона у редактора-издателя гуманной же газеты. Я предлагалъ ему еще разъ оказать снисхожденіе, если онъ дастъ мнѣ положительное обѣщаніе въ теченіе мѣсяца исправить всѣ указанные мною дефекты и отступленія отъ закона. Вмѣсто того, чтобы согласиться на мое предложеніе и дать требуемое обѣщаніе, Ланинъ вспылилъ и самымъ грубымъ образомъ объявилъ мнѣ, что онъ никакихъ обѣщаній давать не хочетъ и что я дѣлать могу, что желаю, что онъ не боится никакого закона и т. д.

Всякая снисходительность, очевидно, становилась дальше преступной и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ отправиться въ участокъ за полиціей и понятыми. Затѣмъ я вернулся на заводъ Ланина и составилъ протоколъ, который самъ Ланинъ отказался подписать. Далѣе, по заведенному порядку, протоколъ мой былъ предъявленъ, и Мировой Судья, не смотря на очень ловкую рѣчь присяжнаго защитника г. Ланина, вынесъ обвинительный приговоръ съ наказаніемъ въ видѣ старублеваго штрафа—высшаго, допускаемаго по закону о малолѣтнихъ. Ланинъ перенесъ дѣло сначала въ Мировой Съѣздъ, а потомъ въ Сенатъ, но обѣ инстанціи лишь подтвердили первоначальный приговоръ. Въ это время произошло грязное, прискорбное событіе. Ланинъ воспользовался тѣмъ, что состоитъ собственникомъ газеты и помѣстилъ въ ней въ искаженномъ и прямо лживомъ видѣ описаніе моего послѣдняго посѣщенія его фабрики и конторы и разговора съ нимъ; и кончалось это подлымъ *намекомъ*, будто бы, было покушеніе съ моей стороны получить съ него „мзду“ за „снисхожденіе“ съ моей стороны, но что онъ де, Ланинъ, отказался отъ этого снисхожденія, желая лишь исполненія закона и т. п. и т. п. вздоръ и небылицы *).

---

*) Приведу изъ этой гадкой, лживой статьи лишь то мѣсто, гдѣ выставляется главное противъ меня обвиненіе: «г. Янжулъ явился въ кабинетъ владѣльца и заявилъ о найденныхъ, будто бы, имъ, инспекторомъ, серьезныхъ нарушеніяхъ «Постановленій и правилъ о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ», о чемъ онъ долженъ составить актъ и предать виновнаго суду. При этомъ онъ сказалъ при свидѣтеляхъ, что онъ готовъ сдѣлать «сни-

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого печальнаго событія съ его осложненіями, мною написаны 24 и 25 Сентября слѣдующія два письма въ Петербургъ.

1) Къ А. Г. Неболсину: „18 Сентября, не зная, что Ник. Андр. Ермаковъ выѣхалъ заграницу и, вслѣдствіе отсутствія также Михайловскаго, я послалъ первому просьбу о разрѣшеніи мнѣ преслѣдовать Ланина, редактора „Русскаго Курьера“ за оскорбленіе меня, какъ фабричнаго инспектора, въ № отъ 15 Сентября... Редакторъ этой quasi-либеральной газеты оказался самымъ жалкимъ лавочникомъ, способнымъ на гнусную клевету и ложь на человѣка за то лишь, что онъ исполняетъ свою обязанность. Оставлять эту выходку безъ наказанія, значило бы повредить дѣлу юнаго фабричнаго законодательства и навлечь на голову инспекторовъ въ будущемъ кучу подобныхъ же оскорбленій. Я разсчитываю, что Вы не откажете мнѣ выяснить, что произошло съ моимъ письмомъ Ермакову, данъ ли дальнѣйшій ходъ просьбѣ и, если можно, помогите ея движенію. Завтра 25 Сентября разсмотрѣніе у Мирового Судьи дѣла о нарушеніи законовъ о малолѣтнихъ на фабрикѣ Ланина, подавшаго поводъ къ означенной газетной выходкѣ: я почти увѣренъ въ обвиненіи, не смотря на всѣ извороты дорогого адвоката, съ которымъ мнѣ лично приходится бороться... Поддержите же и Вы меня!!“

2) Къ Я. Т. Михайловскому: „Усталый и измученный я сегодня вернулся изъ Мирового Суда, гдѣ дежурилъ съ

схожденіе», если... Далѣе онъ не договорилъ, потому что г. Ланинъ ему замѣтилъ, что онъ не нуждается ни въ какомъ «снисхожденіи» со стороны г. фабричнаго инспектора и желаетъ, чтобы было поступлено съ нимъ по закону. «А, когда такъ, то я приму законныя мѣры», громкимъ и угрожающимъ голосомъ сказалъ г. инспекторъ и съ этими словами ушелъ изъ кабинета г. Ланина». См. «Русскій Курьеръ», № 254, отъ 15 Сентября 1885 года.

Это мѣсто инкриминируемой статьи «Русскаго Курьера» всѣми было, разумѣется, понято именно въ видѣ желанія Ланина заставить думать, что я хотѣлъ оплатить свое молчаніе и снисхожденіе большей или меньшей мздой; невольное недоумѣніе только внушало одно обстоятельство: зачѣмъ же я это покушеніе сдѣлалъ «при свидѣтеляхъ», а не наединѣ?! Полагаю, что эти два подчеркнутыхъ слова именно вставлены въ статью, съ тою цѣлью, чтобы лишить меня возможности обвинять Ланина въ умышленной клеветѣ, что это—ловкая увертка въ случаѣ чего...

$10^1/_2$ часовъ утра до 7 часовъ вечера, нашелъ Ваше письмо и хочу немедленно отписать нѣсколько словъ о важныхъ событіяхъ, со мной происшедшихъ. 11 Сентября на извѣстной фабрикѣ минеральныхъ водъ и русскаго шампанскаго Ланина (4-ое посѣщеніе) я нашелъ неисполненіе закона и составилъ протоколъ, который препроводилъ къ Мировому Судьѣ. Черезъ нѣсколько дней, 15 Сентября, въ газетѣ Ланина „Русскій Курьеръ“ появилась подлая статья обо мнѣ, исполненная лжи и клеветы. Въ виду важности такого аффронта, я немедленно написалъ въ Петербургъ Николаю Андреевичу Ермакову просьбу о разрѣшеніи начать, по окончаніи перваго дѣла, второе—объ оскорбленіи или клеветѣ въ печати должностного лица. Но увы! вчера лишь я узналъ случайно, что Ермаковъ уѣхалъ заграницу. Что же дѣлать? Ради Бога помогите, всѣ знакомые, начиная съ прокурора Николая Валерьяновича Муравьева (впослѣдствіи Министра Юстиціи), настоятельно совѣтуютъ не оставлять преступленія ненаказаннымъ... Сегодня Мировой Судья за нарушеніе законовъ о малолѣтнихъ приговорилъ Ланина къ 100 р. штрафа, но этого же мало: слѣдуетъ наказать за поруганіе моей чести, а для того нужно разрѣшеніе начальства. Пожалуйста помогите въ первомъ серьезномъ затрудненіи въ нашемъ общемъ дѣлѣ.“

Волновавшій меня вопросъ о привлеченіи Ланина къ отвѣту получилъ гораздо болѣе скорое разрѣшеніе, чѣмъ я ждалъ и притомъ вовсе не въ желанномъ мною направленіи. Въ отвѣтъ на мою вышеупомянутую просьбу къ Н. А. Ермакову замѣнившій его за отъѣздомъ его изъ Петербурга А. Б. Беръ отвѣчалъ мнѣ какъ разъ въ день отправки моего предыдущаго письма (т. е. 25 Сентября), что онъ уже „имѣлъ случай докладывать мою просьбу Министру, но Николай Христіановичъ (Бунге) не вполнѣ сочувственно отнесся къ приведенію этого предложенія въ исполненіе: выраженія въ означенной статьѣ не настолько категоричны, чтобы съ увѣренностью можно было ожидать, что судъ непремѣнно придетъ къ убѣжденію о виновности и что приговоръ его будетъ отвѣчать желаемому. Между тѣмъ самое разбирательство подобнаго дѣла на судѣ дастъ Редакціи

«Русскаго Курьера» новый поводъ къ печатанію въ теченіе долгаго времени ряда статей въ извѣстномъ уже усвоенномъ ею направленіи. Всего этого желательно было бы, по возможности, избѣгнуть, а потому всего лучше и соотвѣтственѣе достоинству Вашему было бы дѣло, возбужденное помѣщеніемъ сказанной статьи оставить безъ вниманія и предать совершенному забвенію». «Однимъ словомъ», увѣдомлялъ я по этому вопросу тотчасъ же Михайловскаго, «Н. Х. совѣтуетъ мнѣ это дѣло оставить, что, разумѣется, я и обязанъ исполнить».

Такъ кончился инцидентъ съ Ланинымъ и мнѣ оставалось въ утѣшеніе лишь общее сочувственное ко мнѣ отношеніе по этому поводу и удовлетворительное судебное рѣшеніе противъ Ланина, не смотря на то, что я не апеллировалъ и не кассировалъ. Протоколъ, который я составилъ по дѣлу Ланина, былъ второй въ моей инспекторской практикѣ: болѣе протоколовъ по нарушенію закона о малолѣтнихъ я не составлялъ и къ суду промышленниковъ не привлекалъ, на что были свои уважительныя причины, а именно: въ 1886 году я былъ командированъ Министерствомъ Финансовъ въ качествѣ члена Высочайше утвержденной «Коммиссіи для осмотра польскихъ пограничныхъ фабрикъ» и ихъ изслѣдованія вообще въ Польшѣ. Эта работа отняла у меня лично отъ инспекторства цѣлое лѣто, а приготовительныя занятія и часть весны; осенью же 1886 года вступилъ въ дѣйствіе вышеупомянутый законъ 3 Іюня 1886 года (Коммиссіи Плеве) о взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ, который принесъ съ собою такую страшную массу новыхъ заботъ и хлопотъ для инспекторовъ, особенно въ Москвѣ, что весьма долго я и даже помощники, съ утра до поздней ночи, были заняты у себя дома утвержденіемъ многоразличныхъ правилъ, табелей, расцѣнокъ и т. п. и ѣздили только по вызовамъ телеграммами на частыя фабричныя волненія и безпорядки. Законъ о малолѣтнихъ волей-неволей отступилъ на второй планъ и мнѣ пришлось составленіе немногихъ протоколовъ по этому отдѣлу законодательства и судебныя преслѣдованія предоставить исключительно моимъ помощникамъ. Такъ, третій протоколъ по на-

рушенію закона о малолѣтнихъ еще въ концѣ 1885 года былъ составленъ по моему порученію д-ромъ Рахмановымъ на обойной фабрикѣ Кротова.

Болѣе никакихъ судебныхъ преслѣдованій я не велъ и всѣ мои усилія помимо писанія двухъ отчетовъ (русскаго и польскаго) были сосредоточены въ двухъ фабричныхъ присутствіяхъ—въ Губернскомъ, гдѣ я велъ упорную и сильную борьбу съ 2-мя представителями фабрикантскихъ интересовъ отъ Мануфактурнаго Совѣта (описано въ талантливыхъ очеркахъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" того времени П. Н. Обнинскимъ) и тоже въ Столичномъ Присутствіи. Въ этихъ обоихъ учрежденіяхъ административной юстиціи я былъ докладчикомъ и обвинителемъ и старался посильно привлекать хорошо извѣстныхъ мнѣ промышленниковъ за несоблюденіе закона 3 Іюня къ отвѣтственности, что удалось, однако, не болѣе четырехъ или пяти разъ. Почти всѣ обвиненные, впрочемъ, перенесли свои дѣла въ Петербургъ, въ Министерство, гдѣ они и были (въ Министерство Вышнеградскаго) положены подъ сукно и, насколько мнѣ извѣстно, по крайней мѣрѣ до Сентября 1887 г., выхода моего въ отставку изъ инспекторовъ, ни одно изъ этихъ наказаній не было утверждено и не приведено въ исполненіе. Такимъ образомъ, я, какъ инспекторъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣлъ лишь нравственное удовлетвореніе; г.г. же промышленники (и притомъ все крупные) поплатились три раза ничтожными для ихъ кармана штрафами по 100 рублей: вотъ и весь видимый практическій результатъ моихъ стараній вплоть до оставленія мною инспекторской службы.

Послѣ вышеприведеннаго объясненія, для меня по настоящее время является трудно объяснимой загадкой, какимъ образомъ, по какому поводу и вслѣдствіе чего именно сложилась обо мнѣ легенда въ Москвѣ, какъ о неумолимо-строгомъ Фабричномъ Инспекторѣ, который чуть ли не съ пристрастіемъ такъ притѣснялъ бѣдныхъ промышленниковъ, что они единовременно взывали къ правительству въ своихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ объ обузданіи инспекціи, имѣя преимущественно въ виду меня (ходатайства 1886 и 1887 гг. Московскаго Отдѣла Общества для содѣйствія рус-

ской промышленности и торговли, Мануфактурнаго Совѣта и „Всероссійскаго купечества, торгующаго на Нижегородской ярмаркѣ“), а въ то же время и частныя купеческія жалобы сыпались изобильно въ Министерство, куда меня начали вызывать для объясненія подъ пустыми предлогами, выказывая видимое неудовольствіе моей фиктивной строгостью. Мой другъ А. Г. Неболсинъ еще въ концѣ 1885 года, въ дѣловомъ письмѣ отъ 27 Ноября с. г., счелъ долгомъ предупредить меня обо всѣхъ этихъ жалобахъ и доносахъ и вызвалъ съ моей стороны лишь слѣдующій искренній, но горькій отвѣтъ: „Отъ души благодарю Васъ, добрѣйшій Александръ Григорьевичъ, за Ваше конфиденціальное сообщеніе о жалобахъ Министру на мою строгость къ фабрикантамъ. Въ другихъ странахъ такая черта служебной дѣятельности вызываетъ одобреніе, а у насъ, какъ видно, получается отсюда лишь осужденіе. Если настойчивость въ требованіи примѣненія закона и горячее желаніе видѣть его выполненнымъ составляетъ строгость, то жалобы справедливы — я строгъ; если же, что будетъ правильнѣе, строгость мѣрить отвѣтственностью за нарушенія закона, то я преступно снисходителенъ, ибо въ теченіе нынѣшняго года я нашелъ несоблюденіе закона—въ большей или меньшей степени— на 200 фабрикахъ и всего лишь 3 раза привлекъ хозяевъ къ отвѣтственности передъ судомъ“!!....

Могу лишь предложить слѣдующее объясненіе этой ничѣмъ невызванной репутаціи своей фабрично-инспекторской строгости. Наши промышленники искони привыкли къ неисполненію всякихъ законовъ, регулирующихъ ихъ дѣйствія, особенно въ отношеніи къ фабрикамъ, мастерскимъ и рабочимъ. Кто, напр., изъ нашихъ ремесленниковъ вспоминалъ или просто зналъ, что въ нашемъ Сводѣ Законовъ давнымъ-давно помѣщено ограниченіе числа часовъ работы? Большинство публики объ этомъ никогда и не слыхало, хотя закону больше 50 лѣтъ... Всякое появленіе новаго закона или просто распоряженія (для большинства это безразлично) для нихъ всегда имѣло лишь одно значеніе — вызывало вопросъ: „надо ли платить и сколько платить“?.... Въ лицѣ фабричныхъ инспекторовъ внезапно появились передъ очами промышлен-

никовъ совсѣмъ особые начальники, не похожіе ни на полицію, ни на губернскихъ техниковъ. „Дѣло для фабрикантовъ непріятное... надо бы заплатить... да, говорятъ, не берутъ, да и по своему общественному положенію стоятъ высоко.... „профессоръ", знакомъ съ Губернаторомъ, бываетъ у Министра, говоритъ совсѣмъ запросто о Козловѣ,... въ трактиръ угощаться не идетъ, отъ вина совсѣмъ отказывается, все пьетъ воду... ну, какъ быть съ такимъ начальникомъ, лучше бы совсѣмъ его убрать... онъ даже Николаю Александровичу (Найденову) визита не сдѣлалъ"!., таковы отрывочные толки и разговоры обо мнѣ, когда-то въ Москвѣ до меня доходившіе, благодаря досужимъ кумушкамъ. Эти всѣ толки, вмѣстѣ съ моей настойчивостью и горячимъ словомъ убѣжденія исполнять законъ, съ которымъ я взывалъ къ непривычному для такой музыки уху фабрикантовъ, все это вмѣстѣ и создало миѳъ о моей якобы чрезмѣрной строгости вмѣстѣ со стараніями поскорѣе меня „сплавить". Вообще я былъ человѣкомъ, что называется „неудобнымъ" для этой среды: для начальства, хотя и полезенъ своими знаніями, но слишкомъ самостоятеленъ, а иногда и „грубитъ", какъ видѣли достаточно въ письмахъ, а для промышленниковъ—по всѣмъ указаннымъ въ толкахъ причинамъ, просто „неподходящъ". Въ концѣ, впрочемъ, настоящихъ „Воспоминаній" намъ придется еще разъ, вѣроятно, вернуться къ этой темѣ и притомъ съ новыми данными...

Сама логика жизни, а равно и опытъ другихъ странъ, вслѣдъ за регулированіемъ дѣтской работы выдвинулъ скоро необходимость такого же ограниченія ночной работы подростковъ и женщинъ, что требовало вниманія правительства въ интересахъ здоровья и доброй нравственности какъ наличныхъ, такъ и будущихъ поколѣній. Правительство въ 1885 году именно приступило къ выработкѣ новыхъ узаконеній по этому предмету и у меня явился новый поводъ къ дѣятельному обмѣну мыслей съ Департаментомъ черезъ посредство частной переписки съ А. Г. Неболсинымъ. Такимъ образчикомъ можетъ служить, напр., мой отвѣтъ отъ 15 Мая 1885 г. на его просьбу сообщить свое мнѣніе о дополненіяхъ къ проекту объ отмѣнѣ ночныхъ работъ для женщинъ и подростковъ:

„Исполняя Ваше желаніе, я обдумалъ вопросъ о возможныхъ дополненіяхъ къ закону вмѣстѣ съ Песковымъ (который случайно находится въ Москвѣ) и сообщаю Вамъ наши замѣчанія по пунктамъ: I) Вы пишете въ своемъ письмѣ о запрещеніи работы на фабрикахъ волокнистыхъ веществъ; между тѣмъ пропущены: 1) шелковое; 2) льнопрядильное и льнотрепальное; 3) пеньковое; 4) ковровое; 5) смѣшанныхъ тканей (NB очень распространенныя производства: шелкъ съ бумагой или шерстью, шерсть съ бумагой и т. п.); 6) джутовое; 7) канатное и нѣкоторыя иныя производства, гдѣ по временамъ бываютъ ночныя работы и притомъ очень вредныя. II) Относится ли запрещеніе ночной работы на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ къ: a) ситцевымъ; b) красильнымъ; c) пунцовымъ (всегда есть ночная работа); d) аппретурнымъ и т. д. отдѣльнымъ фабрикамъ? Если нѣтъ, то это важный пропускъ, ибо на пунцовыхъ всегда, а на другихъ иногда бываетъ усиленная ночная работа именно для женщинъ и подростковъ. Условія труда весьма неблагопріятны. III) Рогожныя фабрики, конечно, желательно подвести подъ категорію неработающихъ ночью, хотя это и навѣрное поведетъ къ закрытію ихъ совсѣмъ или точнѣе къ новому и обратному превращенію фабричной работы въ домашнюю, т. е. раздачу тканья рогожъ черезъ конторы по домамъ. Условія работы по истинѣ ужасны и домашній трудъ всетаки имѣетъ преимущества. IV) Въ проектѣ закона говорится о шерстяныхъ фабрикахъ, а подъ этимъ названіемъ здѣсь разумѣется преимущественно приготовленіе лишь дамскихъ или подкладочныхъ матерій. Желательно прямое упоминаніе „и суконныя". V) Въ проектѣ закона говорится о запрещеніи работы для „женщинъ". Ну, а дѣвушки подходятъ ли сюда? Необходима, мнѣ кажется, болѣе точная формулировка закона, т. е. запрещеніе ночной работы вообще для „лицъ женскаго пола"; иначе будутъ на практикѣ всякія суемудрствованія. Если это дополненіе и другія высказанныя поздно сдѣлать въ проектѣ, то необходимо имѣть въ виду въ особой по этому поводу Инструкціи. VI) Пропущена также обработка т. н. „концовъ" бумажныхъ, шерстяныхъ и т. д... Пока ограничусь этимъ, если припомню

еще что-нибудь заслуживающее вниманія, то Вамъ сообщимъ. „Пожалуйста“, заканчиваю я письмо, „не стѣсняйтесь и спрашивайте, что Вамъ нужно для дополненія или формулировки „соображеній“.

Въ виду того, что дѣти по новому закону начали работать по 8 часовъ въ день, фабриканты стали у себя устанавливать для подростковъ и женщинъ, часто работающихъ вмѣстѣ съ дѣтьми, тотъ же терминъ, т. е. 8 часовъ, какъ вдругъ Департаментъ Торговли, минуя инспекцію, увѣдомилъ Отдѣленіе Мануфактурнаго Совѣта (т. е. г. Найденова) и Генералъ-Губернатора о дозволеніи женщинамъ работать на два часа больше, т. е. въ сложности 18 часовъ двумя смѣнами. Все это завело большую путаницу и никто въ дѣйствительности не зналъ, какой длины ночная работа допускается. А. Г. Неболсинъ самъ, по личной инициативѣ, обратился ко мнѣ съ запросомъ по этому поводу и получилъ въ отвѣтъ слѣдующее подробное объясненіе:

„Вы спрашиваете“, говорю я въ своемъ письмѣ отъ 5 Октября 1885 г., „что дѣлается въ Москвѣ. Скажу прежде всего, что здѣсь в с ѣ (начиная съ губернатора Перфильева, исправляющаго должность Генералъ-Губернатора, и кончая нѣкоторыми фабрикантами) были удивлены во 1-хъ, двухчасовой прибавкой къ женской ночной работѣ, столь притомъ запоздавшей; во 2-хъ, что Министерство ни словомъ не упомянуло въ своихъ телеграммахъ отъ 28 Сентября о работѣ подростковъ (всегда почти совмѣстной съ женщинами) и, въ 3-хъ, что оно же не нашло нужнымъ увѣдомить объ этомъ важномъ распоряженіи насъ инспекторовъ, т. е. именно тѣхъ лицъ, къ которымъ наиболѣе всего и администрація и сами фабриканты обращаются (больше и чаще, нежели даже къ г. Найденову) за всѣми справками по поводу всѣхъ новыхъ фабричныхъ законовъ... Кстати, нѣкоторые изъ послѣднихъ мнѣ высказывали, что у здѣшнихъ рабочихъ, будто бы, замѣчается броженіе: „Владимірскіе фабриканты де испугались и выхлопотали два лишнихъ часа (большинство здѣшнихъ хлопчатобумажниковъ было уже распредѣлили 16-часовую работу д в у м я смѣнами, одинаково для взрослыхъ, какъ и малолѣтнихъ), нужно де намъ похлопотать, чтобы еще приба-

вили что-нибудь"... Съ другой стороны увѣряютъ, что въ Иваново-Вознесенскѣ дѣло вовсе не въ уничтоженіи ночныхъ работъ, а въ штрафахъ и въ другихъ безобразіяхъ, частью устраненныхъ въ Москвѣ Обязательными постановленіями Генералъ-Губернатора... „Вы уже знаете, конечно", продолжалъ я, „о моей телеграммѣ къ А. Б. Беру по этому вопросу, на которую до сихъ поръ я не получаю отвѣта, а между тѣмъ какъ фабриканты, такъ и администрація лѣзутъ ко мнѣ за разъясненіями, распространяется ли 2-часовая прибавка на ночную работу подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ, или нѣтъ? Сегодня даже Губернаторъ вызывалъ меня по этому вопросу телефономъ изъ Университета; онъ очень удивился, что я по такому важному и спѣшному дѣлу не получаю третій день отвѣта изъ Петербурга и хотѣлъ, кажется, самъ телеграфировать Министру".

„Дѣло въ томъ, что подростки въ бумажномъ и частью шерстяномъ дѣлѣ всегда работаютъ вмѣстѣ съ женщинами, и если двухчасовая прибавка не распространяется на подростковъ, то практически ея цѣна—нуль, или будетъ равна изгнанію съ фабрикъ вслѣдъ за малолѣтними всѣхъ подростковъ и замѣнѣ ихъ женщинами. Что касается до законовъ о малолѣтнихъ, то для нихъ разница на 2 часа ночной работы убійственна и поведетъ или къ полному несоблюденію новыхъ законовъ, по невозможности приноравливать распредѣленіе времени, или же къ окончательному ихъ удаленію изъ фабрикъ... Я Вамъ писалъ лѣтомъ о необходимости, главнымъ образомъ, усилить, буде найдете возможнымъ, дѣятельность по изданію нѣкоторыхъ циркуляровъ, въ видахъ объединенія и разъясненія новыхъ правилъ и постановленій о малолѣтнихъ... Если Вы желаете и можете что-нибудь сдѣлать въ этомъ направленіи, то, пожалуйста, спишитесь. Нѣтъ сомнѣнія, самое лучшее было бы на Рождество съѣхаться въ Петербургѣ нѣсколькимъ инспекторамъ и совмѣстно съ Вами обсудить и условиться обо всѣхъ спорныхъ матеріяхъ; но и до тѣхъ поръ подумать не вредно"...

Очевидно, Департаментъ Торговли и Мануфактуръ, уже примирившись съ двухчасовой прибавкой, не ясно представлялъ себѣ дальнѣйшее распредѣленіе ночныхъ работъ жен-

щинъ и подростковъ и послѣдствія, которыя отсюда вытекаютъ. А. Г. Неболсинъ, поэтому, вновь обратился ко мнѣ съ запросомъ относительно моего мнѣнія о ночной работѣ. „Я вполнѣ съ Вами согласенъ",—гласитъ мой отвѣтъ ему отъ 27 Ноября 1885 года,—„что при двухъ смѣнахъ работы суточная ея продолжительность въ 18 часовъ, съ 4 ч. утра до 10 ч. ночи, доставляя 9 часовъ труда, является вполнѣ желательнымъ терминомъ, но, мнѣ кажется, Вы упускаете изъ вниманія два обстоятельства: 1) назначеніе такого срока суточной работы на два часа—болѣе дозволеннаго для малолѣтнихъ, а такъ какъ послѣдніе являются большею частью помощниками взрослыхъ, то соблюденіе закона о малолѣтнихъ, благодаря этой мѣрѣ, дѣлается невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: малолѣтніе нынѣ работаютъ 16 часовъ въ сутки двумя смѣнами, чередуемыми черезъ четыре часа, женщины же и подростки—двумя смѣнами, чередуемыми въ теченіе 18 часовъ черезъ четыре съ половиною часа. Очевидно, если Вы хотите, чтобы законъ о малолѣтнихъ не оставался цѣлыхъ три года на бумагѣ, то должны увеличить ихъ работу также на два часа въ сутки или $^1/_2$ часа на смѣну; иначе фабрика будетъ вынуждена или обманывать инспекцію, или же отпустить рѣшительно всѣхъ малолѣтнихъ, какъ рабочихъ крайне неудобныхъ. Нельзя же ждать такого великодушія отъ фабрикантовъ, чтобы всѣ они завели по три смѣны малолѣтнихъ (по 6 часовъ на смѣну), да просто и немыслимы три разныхъ распорядка времени на одной и той же фабрикѣ!.. 2) 9 часовъ работы въ сутки весьма удобный терминъ, но лишь при условіи сдѣльной работы, при чемъ женщина и подростокъ въ состояніи усилить, можетъ быть, интенсивность до прежней 12-часовой выработки; при мѣсячной же и поденной работѣ, весьма еще нерѣдкой, 9 часовъ работы уменьшатъ слишкомъ сильно ихъ скудный заработокъ. По этимъ соображеніямъ мое мнѣніе таково: необходимо не останавливаться на полдорогѣ и опредѣлить „maximum" суточной женской и подростковъ работы (въ теченіе сутокъ), а коли можно, то и мужской, 10 или 12 часами въ сутки въ предѣлахъ отъ 4 ч. утра до 10 ч. вечера, при чемъ на практикѣ они превратятся: съ 4 ч. у. до 6 ч. веч. или съ

5 ч. утра до 7 ч. вечера... Если же объ этомъ мечтать еще невозможно, то, щадя законъ о малолѣтнихъ, взять ихъ терминъ дневной продолжительности, т. е. съ 5 ч. утра до 9 ч. вечера, безъ обозначенія maximum'а дозволенной работы для женщинъ и подростковъ. По крайней мѣрѣ, спасете законъ 1 Іюня 1882 года"!...

„Кстати, относительно женской ночной работы до сихъ поръ недостаетъ двухъ важныхъ добавленій: 1) опредѣленія наказанія за нарушеніе этого закона о ночной работѣ. Я совѣтовался съ юристами: они мнѣ говорили, что еще съ грѣхомъ пополамъ подростковъ можно подвести подъ законъ объ отвѣтственности, касающійся малолѣтнихъ, но женщинъ— отнюдь нѣтъ. Что же это за законъ, который не имѣетъ принудительной силы??!!... 2) До сихъ поръ не сказано ни слова о способахъ удостовѣренія возраста подростковъ. Очевидно, необходимо § 2 „Правилъ для фабрикантовъ", касательно метрикъ, распространить по крайней мѣрѣ на лицъ до 18 лѣтъ включительно, а еще лучше до 21 года: иначе въ будущемъ, какъ и нынѣ, 15 и 16-лѣтніе выхлопочутъ себѣ паспорта по 18 лѣтъ и уйдутъ изъ-подъ дѣйствія закона. 2) Необходимо такія фабрики, какъ Балашинская Мануфактура, явно работающая по 20 и болѣе часовъ въ сутки, подчинить закону, а то онъ будетъ лишь вызывать однѣ насмѣшки со стороны заинтересованныхъ лицъ"....

Упомянутая Балашинская Мануфактура Московской губ. и уѣзда еще за мѣсяцъ до настоящаго письма сдѣлалась предметомъ большой тревоги для меня, дискредитировала новые законы и инспекцію и вообще вызвала большое неудовольствіе между фабрикантами, а сверхъ того тотъ же инцидентъ съ Балашинской Мануфактурой открылъ мнѣ глаза на ловкій бюрократическій пріемъ моего покойнаго начальника Н. А. Ермакова,—какъ возможно въ одно и то же время и законъ какъ бы исполнить и желаніе промышленниковъ соблюсти... Начну изложеніе настоящаго казуса съ его корня: онъ былъ мною описанъ по свѣжимъ слѣдамъ въ письмѣ къ А. Г. Неболсину отъ 15 Октября 1885 года.

„Будьте столь добры",—просилъ я А. Г. —„въ интересахъ фабрично-инспекторскаго дѣла выполните возможно

скорѣе мое нижеслѣдующее порученіе къ Ермакову (Директоръ Департамента), котораго я не хотѣлъ безпокоить личнымъ письмомъ. Недѣлю или полторы тому назадъ я получилъ отъ нѣсколькихъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ заявленіе, что Балашинская Мануфактура (бумагопрядильня въ Московскомъ уѣздѣ), противно новому закону, работаетъ въ теченіе сутокъ цѣлыхъ 20 часовъ (съ 3 ч. утра до 11 ч. ночи) съ женщинами и подростками и что не только не хочетъ переходить на 16-ти или 18-ти часовую, но что похваляется продолжать такъ же работу и впредь; что такая неравномѣрность въ правахъ производитъ броженіе умовъ между рабочими на всѣхъ сосѣднихъ съ нею фабрикахъ, принявшихъ, слѣдуя предписанію закона, 16 или 18 часовъ работы (конечно, двумя смѣнами)... что если де я не заставлю Балашинскую Мануфактуру принять законную норму, то и они (т. е. всѣ сосѣдніе фабриканты) вынуждены будутъ оставить втунѣ законъ о ночной женской работѣ, иначе не ручаются за спокойствіе рабочихъ и т. д. и т. д. Я удостовѣрился изъ разспросовъ многихъ лицъ въ справедливости ихъ жалобъ и затѣмъ заявилъ Правленію Балашинской Мануфактуры о настоятельной необходимости подчиниться требованію закона и сократить работу на 18 часовъ, какъ „maximum"... Послѣ безполезныхъ со мной объясненій, г. Бѣльскій, адвокатъ Балашинской Мануфактуры, выѣхалъ въ Петербургъ, чтобы ходатайствовать передъ Николаемъ Андреевичемъ Ермаковымъ о полученіи льготы на 20-часовую работу, пока фабрика не получитъ изъ Англіи новыя машины, а иначе де эта Мануфактура сразу перейдетъ на 12-часовую работу и распуститъ половину рабочихъ и т. д.... Будьте столь добры, поэтому, повидайтесь съ Николаемъ Андреевичемъ и выставьте всю опасность согласиться на такое ходатайство: безусловно Васъ увѣряю, что это вызоветъ негодованіе многихъ солидныхъ мануфактурныхъ фирмъ, а можетъ быть, и послѣдствія, ими предсказываемыя"...

„Здѣшняя администрація вчера меня просила также не оказывать никакого особаго снисхожденія этой фабрикѣ, опасаясь тѣхъ же самыхъ результатовъ... Наконецъ, угроза распустить рабочихъ со стороны Балашинской

Мануфактуры,— не серьезна и навѣрное почти останется словами... Вообще никакого исключительнаго права на особое снисхожденіе Балашинская Мануфактура не имѣетъ, а, между тѣмъ, оказаніе ей таковаго произведетъ самое скверное впечатлѣніе между фабрикантами и можетъ вызвать справедливое недоумѣніе и неудовольствіе среди сосѣднихъ рабочихъ (а мѣстность, гдѣ лежитъ эта фабрика, на границѣ Московскаго и Богородскаго у.у.— самая промышленная въ губерніи)... Итакъ, вотъ въ чемъ моя просьба: если въ состояніи что-нибудь сдѣлать своимъ предстательствомъ, то сдѣлайте. „Повѣрьте только", — заключаю я письмо, — „что, если дѣлать послабленія и снисхожденія, то ихъ нужно дѣлать, по крайней мѣрѣ, общими, а отнюдь не исключеніями, иначе подрывается уваженіе къ новому закону и принижается самое значеніе власти, которую, по мнѣнію г.г. фабрикантовъ, всегда „можно упросить" поступиться своими требованіями"..... Въ P. S. къ настоящему письму къ А. Г. Неболсину я спрашиваю его: справедливъ ли слухъ, что на 14 Ноября назначено въ Государственномъ Совѣтѣ слушаніе Проекта Плеве и тщетно напоминаю ему о своей просьбѣ (выше изложенной) относительно желательности измѣненія примѣчанія 2 къ ст. 2 Проекта касательно двухъ членовъ отъ Мануфактурнаго Совѣта въ Московскомъ Фабричномъ Присутствіи.

Разумѣется, А. Г. Неболсину не удалось исполнить предложенную мною мѣру и привести Балашинскую Мануфактуру къ исполненію закона о максимумѣ суточныхъ работъ въ согласіи съ закономъ и добавочныхъ къ нему распоряженій (т. е. отъ 4 ч. утра до 10 ч. ночи двумя смѣнами). Говоръ между фабрикантами-конкурентами былъ весьма силенъ по поводу этого явнаго неподчиненія Мануфактуры закону; въ О-вѣ Содѣйствія русской промышленности какой-то Бергъ или Беръ сдѣлалъ по этому даже запросъ Министерству, попавшій въ газеты и смутившій Департаментъ Торговли. Между тѣмъ Балашнская Мануфактура съ своимъ ходатаемъ Бѣльскимъ прислиа просьбу о временномъ разрѣшеніи ей 20-часовой работы, въ видѣ изъятія, *до Пасхи*, какъ объ этомъ упомянуто было раньше... Хитроумный Улиссъ—Н. А. Ермаковъ,

собиравшійся въ это время, какъ разъ, выходить въ отставку (и въ Январѣ уже замѣненный А. Б. Беромъ), употребилъ такую ловкую мѣру, чтобы удовлетворить желаніе Мануфактуры, не трогая закона: онъ прислалъ немедленное конфиденціальное мнѣ внушеніе, какъ инспектору, чтобы я пріостановился въ своихъ требованіяхъ въ отношеніи къ Балашинской Мануфактурѣ по поводу ея срока работы для женщинъ и подростковъ впредь до особаго мнѣ на то разрѣшенія съ его стороны. Въ результатѣ такого приказанія я, конечно, пріостановился всякими мѣрами принужденія относительно Балашинской Мануфактуры и предоставилъ ей дѣйствовать по произволу, дожидаясь разрѣшенія недоумѣнія изъ Петербурга. Наконецъ, послѣ продолжительнаго ожиданія, пришло ко мнѣ увѣдомленіе Департамента, что Министерство отказываетъ Балашинской Мануфактурѣ въ ея просьбѣ о 20-часовой работѣ для женщинъ и подростковъ, какъ незаконной, но увѣдомленіе это было получено мною лишь *за двѣ съ половиною недѣли до Пасхи*, т. е. какъ разъ къ тому крайнему сроку, о которомъ фабрика просила. Такимъ образомъ вышло, по пословицѣ, что „и овцы цѣлы и волки сыты“! *).

„Аффронтъ для инспекціи по дѣлу Балашинской Мануфактуры, который я принимаю очень близко къ сердцу“, писалъ я Михайловскому 21 Марта 1886 года, „получился очень сильный, а огласка слишкомъ широко распространилась, чтобы другіе фабриканты не попытались удлинить время по этому примѣру женской ночной работы... Ис-

*) Въ числѣ писемъ ко мнѣ почтеннаго Я. Т. Михайловскаго имѣется слѣдующій отзывъ о Н. А. Ермаковѣ уже по выходѣ его въ отставку: «Я очень ошибся въ Николаѣ Андреевичѣ. Оказывается, что онъ всегда былъ противъ закона о малолѣтнихъ рабочихъ и всегда держалъ сторону фабрикантовъ... При такихъ обстоятельствахъ само собой понятно, какъ Ермаковъ долженъ былъ относиться къ исполненію самаго закона. Не рѣшаясь противодѣйствовать непріятному для него закону явно, изъ опасенія скомпрометировать себя передъ начальствомъ, онъ втихомолку старался всячески извратить средства его исполненія; дѣло дошло до того, что онъ хотѣлъ было похѣрить, въ угоду, конечно, фабрикантамъ, выработанныя въ руководство имъ «Правила». Отношеніе его къ чинамъ фабричной инспекціи было просто враждебное, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ инспекторовъ, которые имъ самимъ же рекомендованы»... Письмо помѣчено 15 Январемъ 1886 года.

кать таковыхъ нарушителей было бы не особенно трудно, но, если я не прилагалъ къ этому старанія, то, во-первыхъ, косвенно, вслѣдствіе означеннаго конфиденціальнаго внушенія Ермакова... и, во-вторыхъ, еще по двумъ причинамъ: въ законѣ не было никакого прямого указанія относительно наказуемости женской ночной работы, а подвести ее подъ законъ о малолѣтнихъ,—какъ я совѣтовался съ юристами—мудрено и рискованно *). Нѣтъ также и указанія о требованіи метрики для подростковъ 17 и старше лѣтъ, а безъ того и невозможно удостовѣриться въ нарушеніи закона о запрещеніи ночной работы для подростковъ. Безъ сомнѣнія, пока не послѣдуетъ надлежащее разъясненіе по всѣмъ этимъ вопросамъ—преслѣдовать за ночную работу трудно и едва ли даже возможно. Во всякомъ случаѣ мнѣ необходимо для того знать Ваше мнѣніе и имѣть Вашу на то санкцію. Пока же, мнѣ представляется, для насъ выгодно, что Беръ замолчалъ, иначе мы могли бы очутиться въ весьма неловкомъ положеніи—знать нарушеніе закона, точно указанное и не быть въ состояніи ничего дѣйствительнаго предпринять для его прекращенія"...

Въ это самое время новый Директоръ Департамента А. Б. Беръ, замѣнившій собою Н. А. Ермакова въ Январѣ 1886 года, обратился ко мнѣ съ просьбою сообщить ему свои замѣчанія относительно закона о ночной работѣ, что я и сдѣлалъ въ особой докладной запискѣ: эту записку излагать здѣсь я не буду, такъ какъ сущность ея содержанія вошла въ приведенныя выше письма по этому же вопросу къ Главному Инспектору и Начальнику Отдѣленія Департамента.

Помимо участія въ выработкѣ новыхъ узаконеній о ночной работѣ женщинъ и подростковъ, а равно большой текущей переписки, кромѣ своего начальства, съ чинами акцизнаго и горнаго вѣдомствъ и, наконецъ, осмотра фабрикъ, весь 1885 годъ приходилось готовить свой первый инспекторскій отчетъ по соблюденію промышленниками закона

---

*) Точное мнѣніе юристовъ по этому поводу я излагалъ, какъ припомнимъ, въ другомъ ранѣе написанномъ письмѣ, въ вышеприведенномъ отвѣтѣ моемъ А. Г. Неболсину (отъ 27 Ноября 1885 года).

1 Іюня 1882 года съ его продолженіями. Само собой разумѣется, и Главный Инспекторъ и мы—разбросанные въ разныхъ частяхъ Россіи Окружные Инспектора не хотѣли ударить лицомъ въ грязь и желали представить Министру, зная хорошо, что онъ будетъ читать эти отчеты, какъ можно болѣе полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о своей дѣятельности. Къ сожалѣнію, если справедлива пословица, что „нѣтъ худа безъ добра", въ свою очередь справедливо, что „нѣтъ добра безъ худа". Я уже упоминалъ о томъ большомъ и шумномъ успѣхѣ, можетъ быть, даже неслуженномъ послѣ превосходныхъ земскихъ изслѣдованій Эрисмана и Погожева и пр., который имѣли наши съ Песковымъ первыя фабрично-инспекторскія произведенія — „Фабричный бытъ Московской губерніи" и „Фабричный бытъ Владимірской губерніи". Департаментъ жаждалъ получать отъ инспекторовъ всякую подобную статистику по рабочему вопросу, ему нужную; а поэтому Главный Инспекторъ и нѣкоторые изъ вновь назначенныхъ Инспекторовъ желали своими отчетами сдѣлать повтореніе нашихъ, т. е. писать болѣе или менѣе обширныя изслѣдованія по фабрично-рабочему вопросу своихъ Округовъ. Между тѣмъ мы съ Песковымъ, умудренные опытомъ, хорошо чувствовали и понимали вредъ писанія большихъ книгъ для инспекторовъ, такъ какъ подобныя произведенія вызываютъ безусловную необходимость продолжительной сидячей жизни и долгихъ занятій дома, а, слѣдовательно, отвлекаютъ отъ прямыхъ обязанностей и главнѣйшихъ задачъ инспекціи—разъѣздовъ и осмотровъ фабрикъ, контроля за исполненіемъ закона и вредятъ поддержанію постоянныхъ сношеній съ двумя классами промышленниковъ – хозяевами и рабочими.

Въ виду указанныхъ соображеній, я и Песковъ былъ рѣшительно на сторонѣ плана небольшихъ компактныхъ инспекторскихъ отчетовъ, обнимающихъ важнѣйшія стороны ихъ служебной дѣятельности и возможной экономизаціи времени для ихъ составленія. Главный Инспекторъ, поддерживаемый въ этомъ отношеніи Департаментомъ, былъ, однако, другого мнѣнія и составилъ проектъ программы весьма обширной для инспекторскихъ отчетовъ и ихъ изложенія. Когда Я. Т. М. прислалъ этотъ проектъ ко мнѣ, при-

глашая сдѣлать свои замѣчанія, то, не ограничиваясь нѣкоторыми помѣтками на поляхъ присланнаго проекта, я отвѣтилъ ему на вызовъ слѣдующимъ категорическимъ образомъ въ письмѣ еще отъ 5 Ноября 1884 года.

„Первое основное требованіе, по моему мнѣнію, которое слѣдуетъ предъявлять къ отчету о дѣятельности какого-либо должностного лица, заключается въ строгомъ соотвѣтствіи предмета этого отчета съ тѣми прямыми и ближайшими цѣлями и задачами (указанными въ законѣ), для преслѣдованія которыхъ правительствомъ и установлена извѣстная должность. Нужно обратиться, слѣдовательно, къ вопросу объ обязанностяхъ инспекторовъ по нашему закону и вообще къ задачамъ русскаго фабричнаго законодательства. Если выжать содержаніе нашего немногосложнаго законодательства, для котораго учреждена фабричная инспекція, то въ результатѣ получится: 1) ограниченіе возраста при допущеніи малолѣтнихъ рабочихъ на фабрики и заводы; 2) ограниченіе времени ихъ работы; 3) ограниченіе самой ихъ работы въ подробно указанныхъ Министерствомъ Финансовъ отъ 1 Іюня 1884 г. случаяхъ; 4) обученіе малолѣтнихъ рабочихъ въ школахъ. Это пока конечный пунктъ всего новаго законодательства о фабрикахъ. Итакъ, отсюда вытекаетъ, что правительство имѣетъ право требовать отъ своихъ должностныхъ лицъ, предназначенныхъ для надзора за исполненіемъ фабричныхъ законовъ 1 Іюня 1882 года, 12 Іюня 1884 года и распоряженія отъ 1 Іюня 1884 года сообщенія свѣдѣній въ предѣлахъ: 1) возраста малолѣтнихъ; 2) времени ихъ работы; 3) самаго допущенія къ работѣ въ указанныхъ случаяхъ и 4) обученія малолѣтнихъ. Въ этомъ только смыслѣ можно понимать и опредѣленіе, сдѣланное закономъ, относительно обязанностей фабричныхъ инспекторовъ („Для надзора за исполненіемъ постановленій о работѣ и обученіи и т. д.": § 7 закона 1 Іюня 1882 г.) и въ этомъ исключительно смыслѣ возможно и требовать отъ инспекторовъ отвѣтовъ въ ихъ отчетахъ. Остальное, очевидно, по смыслу закона, можно желать, возможно рекомендовать, но нельзя требовать. Значительная сколько-нибудь масса этихъ остальныхъ свѣдѣній въ отчетахъ сдѣлала бы

изъ нихъ своего рода Editions de Luxe... Но посмотримъ, насколько послѣднее желательно и по другимъ соображеніямъ. „La plus jolie fille ne peut donner plus qu'elle n'a", говоритъ французская пословица и, разумѣется, вполнѣ справедливо. Если сравнить означенную компетенцію русскихъ фабричныхъ инспекторовъ—съ англійскими, германскими или швейцарскими, то окажется, что у трехъ послѣднихъ, кромѣ тѣхъ же указанныхъ обязанностей по наблюденію за возрастомъ, временемъ, свойствомъ работы и обученіемъ малолѣтнихъ, находится въ рукахъ наблюденіе за женскимъ трудомъ въ тѣхъ же отношеніяхъ (а у швейцарцевъ и *вся*каго возраста рабочихъ), наблюденіе, изслѣдованіе и регистрація несчастныхъ случаевъ и, наконецъ, отчасти санитарная часть".

«Но если компетенція наша гораздо уже, чѣмъ на Западѣ, то кругъ обязанностей гораздо шире и труднѣе, во-1-хъ, уже потому, что съ ограниченіемъ компетенціи власть или значеніе русскихъ инспекторовъ въ глазахъ фабрикантовъ значительно меньше и средствъ побужденія черезъ это мы не имѣемъ въ своихъ рукахъ никакихъ. Зато, недавши намъ должнаго авторитета, на насъ, обратно съ Западной Европой, возложили обязанности: а) попеченіе объ учрежденіи школъ (2 п. ст. 1 закона 12 Іюня 1884 г.); б) соглашеніе и уговоры хозяевъ; в) соглашеніе и уговоры мѣстнаго учебнаго начальства; а «Инструкція» возлагаетъ даже г) самое наблюденіе за преподаваніемъ (§ 69 «Инструкціи»)!!... Работа Сизифа и безъ всякихъ средствъ и способовъ, кромѣ болѣе нежели сомнительнаго соглашенія!!.. Я не говорю уже о томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что въ Европѣ на пространствѣ, равномъ нашей губерніи, имѣется по десятку инспекторовъ, а у насъ по одному инспектору на нѣсколько губерній... Итакъ, думать и ждать образцовыхъ отчетовъ, по моему разумѣнію, представляется рѣшительно немыслимымъ: «намъ не до жиру, быть бы только живу",—закончу свою мысль словомъ русской поговорки... Если нельзя надѣяться, хоть въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ на увеличеніе штата инспекціи и поднятія такъ или иначе ея не только моральнаго, но и юридическаго значенія въ глазахъ промыш-

ленниковъ, то наша дѣятельность, въ смыслѣ прямого исполненія предписаній закона 1 Іюня 1882 года, и пр., остается въ значительной степени безплодной... Вообще я думаю, что не задаваться мыслью о подробныхъ программахъ для отчетовъ мы должны, а возможнымъ ихъ сокращеніемъ. Чѣмъ короче будутъ эти программы для нихъ, тѣмъ лучше»!...

„Вотъ мое мнѣніе“, обращаюсь я въ заключеніе къ Михайловскому,—„и вотъ почему я ограничился лишь немногими замѣчаніями на поляхъ проекта, такъ какъ Вы пригласили меня и тѣмъ уполномочили обсуждать проектъ, а не сокращать его“... „Кстати“, добавляю я, „много частныхъ вопросовъ и недоумѣній, требующихъ рѣшенія, было сдѣлано мной и Песковымъ какъ на нашихъ съѣздахъ и личныхъ свиданіяхъ, такъ и въ письмахъ: почему бы не сдѣлать ихъ сводку и не постараться выяснить эти недоумѣнія такъ или иначе, пока мы еще свободны отъ другого дѣла? Не найдете ли Вы желательнымъ даже обратиться къ намъ по этому поводу съ оффиціальнымъ запросомъ“?...

Главный Инспекторъ и Департаментъ, къ сожалѣнію, не согласились съ моими соображеніями и, лишь какъ изъятіе, дозволили нѣсколько сократить програму мнѣ, собственно, и Пескову въ виду уже представленныхъ нами подробныхъ отчетовъ за 1882 и 1883 гг. („Фабричный бытъ и пр.“); для остальныхъ же инспекторовъ изъ девяти округовъ сдѣланъ былъ обязательнымъ новый, подробный планъ отчета. Никто изъ инспекторовъ не подозрѣвалъ, увы! что эти первые по исполненію закона отчеты были въ то же время и послѣдними,—«одной ласточкой, которая весны не дѣлаетъ»!!.. Въ сущности, отчетъ мой за 1885 г., въ виду того, что я постоянно отрывался отъ дѣла поѣздками въ Петербургъ въ коммиссіи и для разныхъ объясненій, распространялся лишь на $7^1/_2$ мѣсяцевъ; остальное время было поглощено другими обязательными занятіями. Конецъ года и начало 1886-го прошли въ особенно усиленной работѣ надъ этимъ отчетомъ, нѣсколько запоздавшимъ. „Вамъ, конечно, интересно знать“, — писалъ я Я. Т. М. отъ 17 Января 1886 года, «чѣмъ я занимаюсь, и у меня, можетъ быть, те-

перь лишь одинъ отвѣтъ: «Отчетъ»! «Отчетъ»! и «Отчетъ»!.. Вотъ уже второй мѣсяцъ не посѣщаю, благодаря ему, фабрикъ и начинаю думать, что было бы полезно въ интересахъ дѣла запретить инспекторамъ писать отчеты!!... До сихъ поръ дошелъ лишь до середины, а о самомъ главномъ—исполненіи закона еще не сказалъ ни полслова"... Отчетъ, однако, скорѣе кончился, чѣмъ я предполагалъ: уже 30 Января я увѣдомляю Михайловскаго о его окончаніи вчернѣ, для чего приходилось иногда работать, однако, буквально дни и ночи, и въ концѣ Февраля отчетъ мой былъ доставленъ въ Петербургъ *).

Такъ какъ на этотъ разъ мой отчетъ появился во множественномъ числѣ, наряду также ряда отчетовъ по всѣмъ 9 округамъ и такъ какъ общая часть, наиболѣе любопытная для публики, была изъята, за немногими исключеніями, дабы не повторять данныхъ отчета за 1882—83 гг., то, разумѣется, настоящій отчетъ за 1885 г. обратилъ на себя въ нашей печати гораздо меньше вниманія, чѣмъ первый, хотя въ практическомъ отношеніи, трактуя исполненіе перваго закона о малолѣтнихъ и не имѣя притомъ земскихъ предшественниковъ въ этомъ отношеніи, онъ былъ несомнѣнно важнѣе и оригинальнѣе. Въ первомъ (т. е. въ «Введеніи») заключались общія свѣдѣнія и статистическія данныя по Округу. Глава I содержала объясненіе цѣлей инспекторскихъ осмотровъ и всѣ наличныя данныя о малолѣтнихъ рабочихъ, а отчасти и статистику взрослыхъ. Глава II трактовала исполненіе закона и всѣ сюда относящіяся формальности, условія и оцѣнку собранныхъ данныхъ. Наконецъ, Глава III являлась отвѣтомъ на предложеніе Главнаго Фабричнаго Инспектора и заключала въ себѣ разъясненія и дополненія къ дѣйствующимъ постановленіямъ о работѣ и обученіи малолѣтнихъ: а) по существу закона (въ законодательномъ порядкѣ), б) по формѣ (въ инструкціонномъ порядкѣ).

Познакомимся здѣсь вкратцѣ съ сущностью «Отчета»,

---

*) VII. Московскій Фабричный Округъ. Отчетъ за 1885 г. Фабричнаго Инспектора Московскаго Округа Профессора И. И. Янжула. Спб. 1886 г.

чтобы съ ясностью опредѣлить, что именно я имѣлъ въ виду при его составленіи и какія цѣли преслѣдовалъ. Въ «Введеніи» прежде всего бросается въ глаза огромное значеніе для дѣла инспекціи разстоянія и путей сообщенія: оказывается, что на 76 дней, употребленныхъ мною за $7^1/_2$ мѣсяцевъ для разъѣздовъ и осмотра фабрикъ въ отчетномъ году, цѣлыхъ 20 дней, т. е. болѣе, слѣдовательно, четверти всего времени, пошло буквально на передвиженіе, преимущественно на лошадяхъ и по Тверской губерніи, гдѣ многія поѣздки, часто на отдѣльную фабрику, притомъ при дурныхъ дорогахъ, составляютъ 60, 80, даже 100 верстъ въ одинъ конецъ!... Очевидно, такимъ образомъ, всѣ разсчеты при распредѣленіи инспекторскихъ силъ и траты времени ариѳметическаго свойства никуда не годились, какъ я въ своихъ вышеприведенныхъ письмахъ и объяснялъ. Періодъ времени, достаточный въ г. Москвѣ осмотрѣть десять крупныхъ фабрикъ, можетъ быть недостаточенъ, чтобы посѣтить въ Тверской губерніи одну маленькую фабрику... Нѣкоторые стеклянные заводы послѣдней губерніи, разбросанные по границѣ Новгородской губерніи и окруженные на большое протяженіе болотистымъ пространствомъ, имѣютъ удобное сообщеніе и работаютъ преимущественно лишь зимою, лѣтомъ многія дороги совершенно непроѣздны; глушь и дичь подобныхъ мѣстностей еще такъ велика, что на одномъ изъ этихъ заводовъ въ самый день моего посѣщенія разсказывали мнѣ, какъ заурядный обыкновенный фактъ, что на дворъ фабрики забрался среди дня медвѣдь, который будто бы охотился тамъ за собаками!... Всего въ отчетный годъ я успѣлъ осмотрѣть, благодаря частымъ и долгимъ перерывамъ въ своей дѣятельности и подобнымъ разъѣздамъ, лишь 185 фабрикъ, а статистическія данныя разработаны для 161 фабрики изъ моихъ осмотровъ и 239 фабрикъ изъ осмотровъ моего помощника д-ра Рахманова, фабрики котораго болѣе мелкихъ размѣровъ, чѣмъ мои, но зато разбросаны на огромномъ разстояніи четырехъ губерній.

Всѣ эти затрудненія при разъѣздахъ, о которыхъ говорилось въ первомъ отчетѣ, повторяются и во второмъ; но уже о законѣ о работѣ малолѣтнихъ, особенно въ Московской губ. свѣдѣ-

нія распространены гораздо больше, что слѣдуетъ приписать прямо инспекторскимъ разъѣздамъ: если за 2, за 3 года далеко не осмотрѣна даже мною съ помощникомъ и половина всѣхъ фабрикъ Округа, зато многія крупныя фабрики, съ значительнымъ количествомъ малолѣтнихъ, были посѣщены по два, по три и даже четыре раза, чтобы добиться отъ нихъ исполненія закона. Число малолѣтнихъ видимо подъ вліяніемъ закона и предполагаемыхъ неудобствъ его соблюденія значительно сократилось: прежде оно составляло для всѣхъ фабрикъ 9,6%, нынѣ же менѣе 4%, а на моихъ личныхъ осмотрахъ, т. е. не считая помощника — меньше даже 3%... Вообще число малолѣтнихъ противъ 1882—83 гг. въ отчетный годъ за 1884—85 гг. сократилось въ три раза и притомъ даже на однѣхъ и тѣхъ же фабрикахъ. Аналогичныя данныя иностранной статистики представляютъ ту же убыль числа малолѣтнихъ при первоначальномъ введеніи ограниченія ихъ работы. Такая убыль представляетъ для промышленника, мѣряющаго свое отношеніе къ рабочему лишь коммерческими соображеніями, единственный способъ уклониться отъ дѣйствія непріятнаго для него закона, являясь въ то же время своего рода нѣмымъ протестомъ противъ закона. Все то, что предсказано было мною въ первомъ отчетѣ о замѣнѣ дѣтей подростками и женщинами, въ виду господствовавшаго кризиса и дешевыхъ цѣнъ на трудъ, вполнѣ подтвердилось, и въ отчетѣ за 1885 г. приведенъ мною длинный рядъ данныхъ въ подтвержденіе указаннаго факта.

Какъ извѣстно, при сокращеніи времени труда съ сохраненіемъ старой расцѣнки, рабочій получаетъ сильный стимулъ къ увеличенію своей производительности, или такъ наз. интенсивности труда, съ цѣлью за болѣе короткое время вернуть прежнюю сумму заработка. Провѣрка и изученіе этихъ данныхъ объ интенсивности меня крайне интересовала, но собрать ихъ, за краткостью времени, было чрезвычайно трудно; мнѣ удалось получить отвѣтъ для своей пытливости, вполнѣ удовлетворительный, лишь отъ двухъ фабрикъ: Коломенскаго Машиностроительнаго завода Струве и Городищенской Суконной Мануфактуры Четвериковыхъ (съ провѣркой

притомъ, по книгамъ). Оба случая блистательно подтвердили высказанное предположеніе о значительномъ ростѣ интенсивности труда при сокращеніи времени его, что и понятно было при низкой тогдашней оплатѣ фабричнаго труда. Эти два примѣра даютъ мнѣ право думать, что законъ 1 Іюня 1882 года, сократившии работу малолѣтнихъ и уничтоживши ночную, не только не повлекъ за собою непремѣнно пониженія экономическаго благосостоянія рабочихъ, но что, напротивъ, повышеніемъ производительности труда могъ принести неисчислимую пользу для всей страны, не говоря уже о сохраненіи силъ и здоровья подростающаго поколѣнія.

Глава II посвящена изложенію различныхъ способовъ контроля за исполненіемъ закона о малолѣтнихъ. Обратно съ разными видами контроля въ промышленныхъ учрежденіяхъ въ цѣляхъ финансовыхъ (каковы табачныя фабрики, винокуренные заводы и т. п.), гдѣ на первомъ планѣ стоитъ прямой надзоръ чиновника, который присутствуетъ при процессѣ даннаго производства, или посредствомъ аппарата слѣдитъ за нимъ, или съ самаго приступа смотритъ за всѣмъ дѣломъ отъ начала до конца, обратно съ этимъ въ фабрично-инспекторскомъ контролѣ преобладаетъ формальный характеръ способовъ или пріемовъ надзора. Фабричный Инспекторъ не только не въ состояніи пребывать на фабрикахъ по цѣлымъ суткамъ, но этого даже и нежелательно по многимъ причинамъ, и единственной опорой правильнаго надзора на фабрикахъ остается требованіе отъ фабриканта соблюденія цѣлаго ряда обязательныхъ формальностей, подразумѣвающихъ и вызывающихъ собою исполненіе закона. Такимъ контрольнымъ аппаратомъ, напр., является для Инспектора § 13 „Правилъ для фабрикантовъ“, требующій отъ нихъ письменно доводить до свѣдѣнія Инспектора или, иначе, дѣлать заявленіе о трудѣ малолѣтнихъ, времени работы и праздничныхъ дняхъ. На основаніи этой формальной обязанности инспекція получаетъ возможность вести книгу заявленій и книгу для осмотровъ, съ помощью которыхъ она получаетъ возможность контролировать фабрику относительно исполненія ею закона о малолѣтнихъ.

Въ свою очередь каждая фабрика обязана выполнить

рядъ подобныхъ же формальностей, дабы сдѣлать возможнымъ тотъ же контроль, напр., веденіе книги записи для малолѣтнихъ, снабженіе всѣхъ малолѣтнихъ метрическими выписями изъ церковныхъ книгъ объ ихъ возрастѣ и т. д. Послѣдняя формальность, т. е. метрики, особенно существенна для выполненія закона, а потому „Отчетъ" весьма подробно разсматриваетъ тѣ разнообразныя затрудненія, которыя встрѣчаются для фабрики или самихъ рабочихъ въ исполненіи этого требованія. Само собой разумѣется, что для перваго года дѣйствія фабричнаго закона не могло быть и рѣчи объ общемъ выполненіи его, а лишь, такъ сказать, о нѣкоторомъ подготовленіи къ нему. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ оговорки и затрудненія къ фактическому исполненію закона, изъ 94 фабрикъ, гдѣ дѣти работали при первомъ посѣщеніи, законъ примѣнялся на 24 фабрикахъ, т. е. четверть всѣхъ фабрикъ, оставившихъ малолѣтнихъ, при моемъ первомъ посѣщеніи, оказались исполняющими законъ активно. Конечно, такой результатъ весьма далекъ отъ похвалы, но для первыхъ шаговъ закона, о которомъ страна не имѣла никакого понятія (а въ настоящее время, очень можетъ быть, во многихъ глухихъ частяхъ государства успѣла забыть), и это было недурно.

Второй важной задачей въ интересахъ малолѣтнихъ, вслѣдъ за сокращеніемъ времени работы, является ихъ обученіе. Разъ работа малолѣтнихъ сведена до 8 часовъ въ сутки, а ночная совсѣмъ прекращена, то этимъ, предполагается въ законѣ, получится возможность ихъ обученія. Но для осуществленія этой возможности необходима наличность самой школы, что составляетъ первое существенное препятствіе, какъ извѣстно, къ обученію всего русскаго народа. Первоначально законъ 1 Іюня 1882 года и понятъ былъ фабрикантами, какъ и всей нашей публикой, въ смыслѣ обязанности всѣхъ малолѣтнихъ рабочихъ посѣщать школу, если не имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи ея. Поэтому, весьма многіе фабриканты, имѣющіе надобность въ дѣтскомъ трудѣ, немедленно примирились съ этимъ требованіемъ и стали принимать мѣры къ устройству и открытію у себя школъ, во исполненіе закона. Къ сожалѣнію, какъ видно раньше уже

было изъ переписки, весьма скоро категорическое требованіе этого закона („предоставлять возможность посѣщенія учебныхъ заведеній") *) было истолковано Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ (какъ разсказывали въ свое время, Ермаковымъ по просьбѣ Найденова) въ смыслѣ «не препятствовать малолѣтнимъ учиться, если они пожелаютъ», а затѣмъ на инспекторовъ возложена въ сущности *фиктивная обязанность* заботиться объ устройствѣ подобныхъ школъ на счетъ земства или правительства и, конечно, эта обязанность, по цѣлому ряду причинъ, осталась на бумагѣ. Мало того, благодаря этой ошибочной политикѣ (закону отъ 12 Іюня 1884 г.), многіе фабриканты, которые при первомъ толкованіи, можетъ быть, открыли бы школы, сохраняя малолѣтнихъ, при второмъ—отпустили ихъ, а многіе, открывшіе школы, ихъ закрыли. Такимъ образомъ, этотъ важный фабричный законъ вмѣсто того, чтобы, подобно Англіи и другимъ странамъ, привести Россію, еще за двадцать лѣтъ тому назадъ, ко всеобщему обученію, по крайней мѣрѣ въ ея фабрично-промышленныхъ мѣстностяхъ, привелъ къ нулю, а можетъ быть даже къ пониженію грамотности, въ виду закрытія многихъ хорошихъ фабричныхъ школъ...

Послѣдняя глава III посвящена подробному изложенію уже извѣстнаго намъ изъ переписки процесса Ланина по закону о работѣ малолѣтнихъ, а главное перечисляетъ дополнительныя узаконенія, желательныя, какъ выяснилось это практикой даннаго дѣла, въ интересахъ лучшаго исполненія законовъ о малолѣтнихъ рабочихъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ много разъ упомянутая выше необходимость точнаго законодательнаго опредѣленія терминовъ „фабрика", „ремесленное заведеніе" и „кустарный промыселъ" и разграниченія между ними. Затѣмъ требуется цѣлый рядъ новыхъ формальностей, относительно перерывовъ въ работѣ малолѣтнихъ (заявленіе о нихъ, вывѣшиваніе объявленій, звонки и т. п.), безъ чего, какъ показалъ процессъ Ланина, невозможно часто на судѣ доказать фактъ несоблюденія закона о восьмичасовомъ терминѣ работы. Сказалась необходимость установленія у насъ

---

*) См. п. 5 ст. 1 закона 1 Іюня 1882 года.

по англійскому образцу (напр. на стеклянныхъ заводахъ) системы т. н. „очередныхъ дней“... Настоятельно нужно законодательное установленіе опредѣленнаго періода времени дня, въ теченіе котораго можетъ быть растянута дозволенная закономъ восьмичасовая дѣтская работа... Весьма важны и желательны дополненія къ закону въ отношеніи обученія малолѣтнихъ. Какъ мы видѣли, въ этомъ отношеніи законъ 1 Іюня 1882 г. остался, по объясненнымъ выше причинамъ, мертвой буквой и даже скорѣе принесъ вредъ, нежели пользу.

Въ заключеніе слѣдуютъ еще два желательныхъ, въ законодательномъ порядкѣ, дополненія: одно касается нѣкоторыхъ облегченій относительно формальностей въ судебной дѣятельности инспекціи, другое заключается въ необходимости безусловнаго запрещенія малолѣтнимъ работать на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ нѣтъ особыхъ спаленъ для рабочихъ, или гдѣ они не уходятъ спать домой (напр. рогожныя, многія ткацкія и т. п.), ибо въ такихъ мастерскихъ совершенно отсутствуетъ всякая возможность регулировать трудъ малолѣтнихъ въ предѣлахъ узаконенныхъ 8 часовъ и всякія въ данномъ случаѣ заявленія и распредѣленія являются лишь самообманомъ.

Изложивши съ полной откровенностью свои замѣчанія относительно болѣе важныхъ дополненій и измѣненій въ законодательномъ порядкѣ, я указываю на необходимость сдѣлать также нѣкоторыя объясненія или измѣненія въ инструкціонномъ порядкѣ, какъ въ „Правилахъ для фабрикантовъ“, такъ и въ „Инструкціи чинамъ инспекціи“. Здѣсь годичный опытъ уже показалъ необходимость измѣненій редакціоннаго свойства, или прямыхъ дополненій чуть не въ каждомъ параграфѣ. Такъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ упомянуть для свѣдѣнія фабрикантовъ о правѣ инспекціи собирать всякія свѣдѣнія, относящіяся къ кругу ихъ обязанности и правѣ инспекціи разспрашивать рабочихъ и малолѣтнихъ, если это понадобится инспектору, наединѣ: иначе, какъ доказали опыты, возможны случаи запугиванія малолѣтнихъ и завѣдомо ложныхъ показаній. Затѣмъ необходимо измѣненіе §§ „Правилъ“ 2, 4, 13, 14, 16, 17 и друг. Опытъ каждаго года долженъ, конечно, указать инспекто-

рамъ, добросовѣстно исполняющимъ свои обязанности, на необходимость тѣхъ или иныхъ дальнѣйшихъ измѣненій вышеозначенныхъ „Правилъ" или „Инструкціи", цѣнность которыхъ тѣмъ болѣе, конечно, возрастаетъ, чѣмъ больше и чаще обращаютъ вниманіе на практическій опытъ и требованія живого дѣла.

Въ заключеніе своего отчета за 1885 г. я выразилъ глубокое убѣжденіе, что годичный опытъ по проведенію новаго закона въ жизнь наглядно доказалъ полную возможность, при извѣстной настойчивости и достаточныхъ силахъ инспекціи, примѣнить его положенія на практикѣ. Всякій первый шагъ труденъ и лишь опытъ можетъ здѣсь быть правильнымъ руководителемъ. Добавлю въ заключеніе, что, насколько мнѣ извѣстно, большинствомъ моихъ указаній и рекомендуемыхъ измѣненій или дополненій Мин-во Фин-овъ не воспользовалось и оставило ихъ втунѣ.

Въ концѣ „Отчета" приложены были мною, въ интересахъ контроля моей дѣятельности, а равно облегченія дѣятельности моимъ будущимъ преемникамъ: 1) Карта инспекторскихъ посѣщеній фабрикъ Московской губерніи; 2) Карта-діаграмма промышленности Московской губерніи и 3) Карта-діаграмма г. Москвы.

Глава третья.

Торгово-промышленный кризисъ восьмидесятыхъ годовъ 19-го вѣка. — Польская конкуренція: Лодзь, Сосновицы.—Жалобы московскихъ промышленниковъ. — Назначеніе Коммиссіи для изслѣдованія фабрикъ Царства Польскаго и шансовъ конкуренціи.—Программа изслѣдованія.—Сосновицы и ихъ фабрики.—Калишъ.—Лодзь.—Варшава.—Русское чиновничество въ Привислянскомъ краѣ и поляки.—Наши впечатлѣнія.—Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ.—Отчетъ по изслѣдованію Польской промышленности и сравненіе ея условій съ Московскими фабриками.—*Выводы.*—Вопросъ о Польской автономіи.

Какъ извѣстно, восьмидесятые годы прошлаго вѣка отмѣчены въ Россіи сильнымъ и продолжительнымъ промышленнымъ кризисомъ и застоемъ. Довольно значительная часть фабричныхъ произведеній не находила сбыта, и фабриканты вынуждены были ограничивать производство. Въ 1882 году, годъ вступленія моего въ инспекцію, кризисъ уже чувствовался сильно въ Московской губерніи: далеко не всѣ фабрики работали съ полнымъ числомъ рабочихъ и многія даже отпускали большую часть. Какъ видно изъ данныхъ моего перваго инспекторскаго отчета, нѣсколько крупныхъ фабрикъ или пріостановили работу, или даже совсѣмъ закрылись и я, пріѣхавши на фабрику, находилъ ее нерѣдко въ бездѣйствіи; другія заведенія, прежде работавшія день и ночь, перешли исключительно къ дневной работѣ. Само собой разумѣется, что такіе моменты, когда царитъ продолжительная заминка въ промышленныхъ дѣлахъ, какъ показываетъ и опытъ Западной Европы, являются наиболѣе благопріятными для введенія всякаго рода ограниченій и особенно труда малолѣтнихъ. Всякій промышленный застой

подразумѣваетъ, конечно, усиленное предложеніе рабочихъ рукъ, такъ какъ ихъ много остается за штатомъ, а слѣдовательно, рабочій трудъ въ такое время дешевъ, и фабрикантъ, не желая подчиниться новому стѣснительному для него закону, всегда можетъ найти благопріятный для него исходъ, напр. замѣнить дѣтей подростками, подростковъ—женщинами, почти безъ всякаго для себя ущерба.

Такимъ образомъ, время для установленія у насъ перваго закона о работѣ малолѣтнихъ было выбрано несомнѣнно весьма удачно и, при нѣкоторой настойчивости и послѣдовательности, законъ этотъ сравнительно легко былъ бы примѣненъ къ практикѣ. Въ то же время, однако, сильно волновалъ и интересовалъ общество и весь Московскій промышленный районъ вопросъ о быстромъ ходѣ развитія въ Царствѣ Польскомъ и въ особенности въ пограничной полосѣ многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ, которые начали быстро тамъ размножаться съ конца семидесятыхъ годовъ (съ 1877 года)—времени быстраго роста нашего таможеннаго тарифа и такого же проведенія желѣзныхъ дорогъ. Польская промышленность давно существовала единовременно съ промышленностью центральныхъ губерній и никогда прежде никакихъ жалобъ русскихъ промышленниковъ не вызывала: если нѣкоторые продукты польской индустріи ввозились въ Имперію и проникали въ ея дальнія окраины, то, въ свою очередь, русскіе товары ввозились въ Польшу и нѣкоторыя наши фабрики (напр. Василія Моргунова сыновья въ Коломенскомъ уѣздѣ) спеціально работали для экспорта въ Царство Польское. Мало того, русскіе промышленники смотрѣли на фабрики въ Царствѣ Польскомъ какъ въ нѣкоторомъ родѣ на своихъ учителей, у которыхъ можно многимъ для пользы дѣла позаимствоваться. Въ этомъ родѣ именно мнѣ пришлось, напр., не разъ слышать отъ нашего почтеннаго промышленника (нынѣ давно умершаго) Ивана Захарьевича Морозова—основателя Богородско-Глуховской Мануфактуры—поучительные разсказы о посѣщеніи имъ Лодзинскихъ фабрикъ. Нѣтъ сомнѣнія, продолжительный и тяжкій фабричный кризисъ сдѣлалъ русскихъ фабрикантовъ болѣе нервными и чувствительными въ отношеніи вопроса о конкуренціи.

Сверхъ того всѣмъ въ глаза бросалась нелѣпость и невыгодность для существенныхъ интересовъ Россіи возникновенія иностранныхъ фабрикъ съ иностраннымъ трудомъ на пограничной полосѣ съ тѣмъ, чтобы обойти увеличенныя ставки русскаго тарифа на иностранныя издѣлія. Въ результатѣ такого порядка иностранный продуктъ избѣгаетъ значительной части таможеннаго налога и иностранный производитель выигрываетъ въ свою пользу всю разницу между возвышенной цѣной продукта и той, которую онъ могъ бы взять на свободномъ рынкѣ. Въ свою очередь русскій производитель въ предѣлахъ Имперіи, благодаря такому переселенію чужой промышленности встрѣчаетъ дома ту же иностранную конкуренцію, отъ которой предполагалъ защищаться высокимъ тарифомъ, а съ другой стороны русскій потребитель при этомъ или ничего не выигрываетъ, или выигрываетъ слишкомъ мало сравнительно съ приносимыми всѣмъ русскимъ народомъ жертвами *).

Толки неудовольствія противъ конкуренціи польскихъ фабрикъ начали раздаваться особенно сильно въ 1886 году,— послѣ появленія въ свѣтъ сенсаціонной брошюры г. Сергѣя Шарапова о Лодзи и Сосновицахъ—плодъ его командировки Московскими купцами въ Польшу спеціально для изслѣдованія этого вопроса въ 1885 году. На эту же тему онъ прочелъ лекцію, и то, и другое имѣло значительный успѣхъ въ заинтересованныхъ кругахъ. Бойко написанное и прочтенное произведеніе г. Шарапова отличалось тѣмъ стараніемъ, о которомъ говоритъ нѣмецкая поговорка: «schwarz in schwarz malen»: односторонне преувеличивая опасность польской конкуренціи, г. Шараповъ, разумѣется, долженъ былъ умалчивать о всемъ томъ, что говорило противъ вкусовъ и интересовъ его нанимателей—Московскихъ фабрикантовъ. Въ результатѣ въ Петербургъ полетѣли сначала единоличныя жалобы отдѣльныхъ фабрикантовъ на вредъ польской конкуренціи для русскихъ интересовъ, а позднѣе поступило цѣлое ходатайство въ

*) См. Историческій Очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ Торжественномъ Собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 Января 1887 года Ординарнымъ Профессоромъ *И. И. Янжуломъ*. Москва. 1887 г.

Министерство Финансовъ—обратить вниманіе правительства на этотъ вопросъ и устранить неравные шансы промышленнаго соперничества. Правительство, привыкшее всегда благосклонно относиться къ просьбамъ Московскихъ фабрикантовъ, немедленно, конечно, откликнулось на это ходатайство и рѣшило серьезно имъ заняться. Первоначально необходимо было провѣрить сущность жалобъ о неравномѣрныхъ шансахъ конкуренціи и изслѣдовать ихъ. Еще раньше подачи просьбы Московскими фабрикантами, правительствомъ уже было обращено вниманіе на этотъ фактъ въ перепискѣ, возникшей по этому поводу еще въ 1885 г. между Министерствомъ Финансовъ и Варшавскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Отъ 27 Іюня 1885 г. Н. Х. Бунге писалъ ему по этому поводу о пограничныхъ фабрикантахъ: „Такія предпріятія, вызванныя покровительственнымъ тарифомъ, не только не способствуютъ успѣхамъ отечественной промышленности, но, оставаясь чужеземными, обращаются ей въ подрывъ и обогащаютъ не страну, въ которой означенныя предпріятія находятся и ея жителей, а лишь заграничныхъ предпринимателей и рабочихъ"... Кромѣ того, наконецъ, въ это же самое время при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ работала коммиссія по сродному вопросу—о мѣрахъ къ ограниченію иностраннаго землевладѣнія въ Западной Россіи.

Такимъ образомъ почва для удовлетворенія Московскихъ жалобъ на польскую конкуренцію была весьма благопріятно подготовлена, и Министръ Финансовъ, по сношенію съ другими Министрами, рѣшилъ отправить въ Привислянскій край для изслѣдованія поводовъ къ Московской жалобѣ особую Коммиссію или экспедицію изъ лицъ разныхъ спеціальностей и представителей разныхъ вѣдомствъ: отъ М-ва Финансовъ намѣчены были двое — по экономической части изслѣдованія—я, по технической—Директоръ Технологическаго института Н. П. Ильинъ и, какъ помощникъ къ нему, доцентъ Н. П. Ланговой. Директоръ Д-та Торговли и Мануфактуръ А. Б. Беръ въ началѣ 1886 года, во время одного изъ моихъ частыхъ наѣздовъ въ Петербургъ, спросилъ моего согласія на участіе въ подобной экспедиціи въ принципѣ, а затѣмъ, нѣсколько позднѣе, 14 Апрѣля того же года, прислалъ слѣдующее оффи-

ціальное по этому поводу предложеніе: „При послѣднемъ свиданіи я имѣлъ уже случай передать Вамъ о предположеніи моемъ воспользоваться Вашимъ содѣйствіемъ по изслѣдованію настоящаго положенія фабрично-заводской промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго. Впослѣдствіи, заручившись предварительно Вашимъ согласіемъ, я докладывалъ объ этомъ г. Министру, который, въ свою очередь, совершенно одобрилъ такое мое предположеніе. Теперь пора бы озаботиться ближайшей разработкой плана дѣйствія по означенному изслѣдованію. Хотя Вамъ, конечно, въ общихъ чертахъ извѣстны уже ходатайства Московскихъ фабрикантовъ, вызвавшія самую посылку въ Привислянскій край особой Коммиссіи, но, тѣмъ не менѣе, Вамъ все-таки, по моему мнѣнію, необходимо было бы ознакомиться съ производившеюся въ М-вѣ Финансовъ по упомянутымъ ходатайствамъ перепиской, а также съ трудами особой при М-вѣ Внутреннихъ Дѣлъ Коммиссіи о мѣрахъ къ ограниченію наплыва иностранцевъ въ Россію. Имѣющіяся данныя, какъ они ни скудны, должны послужить основаніемъ для составленія самой программы предстоящаго изслѣдованія. Теперь вопросъ въ томъ, какимъ путемъ намъ условиться относительно выработки этой программы. Если Вы желаете, я могъ бы Вамъ выслать все у насъ имѣющееся (хотя это сопряжено было бы съ нѣкоторыми неудобствами) съ тѣмъ, чтобы Вы могли набросать главныя основанія означенной программы и затѣмъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы условиться со мною относительно нѣкоторыхъ деталей. Но, казалось бы, удобнѣе и сподручнѣе всего было бы, если бы Вы могли теперь же пріѣхать сюда на короткое время и здѣсь заняться именно этимъ дѣломъ. Времени на это много не понадобится и я полагаю, что проектъ программы, при личномъ объясненіи по нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ, могъ бы быть оконченъ въ нѣсколько дней"...

Немедля по полученіи настоящаго письма, я отправился въ Петербургъ и явился къ А. Б. Беру и Министру. Оба меня любезно приняли и познакомили какъ съ предварительной перепиской по данному вопросу, точно также съ двумя другими членами Коммиссіи—Н. П. Ильинымъ, котораго не-

много я зналъ впрочемъ и раньше, и профессоромъ Іоссой, который приглашенъ также былъ въ Коммиссію по горному производству, но вскорѣ отъ участія въ ней отказался и впослѣдствіи былъ замѣненъ какимъ-то мнѣ неизвѣстнымъ лицомъ (г. Брусницынымъ). Такъ какъ на мнѣ лежала важнѣйшая часть предпріятія — экономическое изученіе, — то мнѣ и пришлось почти всецѣло составлять програму изслѣдованія. Переговоривши сначала объ опредѣленіи задачъ Коммиссіи (5 задачъ) съ самимъ Министромъ, который сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ моемъ проектѣ, я затѣмъ составилъ въ 12 пунктахъ проектъ самаго изслѣдованія, изъ коихъ по одному пункту (5-му) — по технической сторонѣ фабрично-промышленной производительности — совѣщался съ Н. П. Ильинымъ. Въ два, три дня моя работа надъ программой была окончена и я могъ возвратиться въ Москву для моихъ профессорскихъ и инспекторскихъ обязанностей. Беръ мнѣ сказалъ, что вся процедура Высочайшаго утвержденія Коммиссіи, такъ какъ съ Государемъ Министръ еще заранѣе говорилъ объ этомъ дѣлѣ и, наконецъ, утвержденіе Министромъ программы и насъ, какъ членовъ Коммиссіи, продлится, вѣроятно, не болѣе одного мѣсяца, а, слѣдовательно, къ 1 Мая мы должны уже быть готовы, дабы отправиться въ Польшу для порученнаго намъ дѣла.

Программа изслѣдованія заключала въ себѣ слѣдующія указанія на цѣль и задачи возложеннаго на насъ порученія (они выработаны были подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Н. Х. Бунге, какъ на основаніи сущности жалобы Московскаго купечества, такъ и его ранней переписки съ Варшавскимъ Генералъ-Губернаторомъ и личныхъ заключеній Министра): „Предпринимаемое, съ Высочайшаго соизволенія, изслѣдованіе настоящаго положенія фабрично-заводской промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго имѣетъ цѣлью опредѣленіе условій, въ которыхъ находится добывающая (рудники и каменноугольныя копи) и обрабатывающая промышленность въ означенной мѣстности для ближайшаго и всесторонняго выясненія вопроса о томъ: представляютъ ли и какія именно упомянутыя условія преимущества, по сравненію съ условіями, существующими во внутреннихъ губерніяхъ

Россіи и въ особенности въ Московскомъ промышленномъ районѣ. Сообразно сему надлежитъ выяснить:

1) Какія именно отрасли промышленности получили наибольшее развитіе въ губерніяхъ Царства Польскаго вообще и преимущественно въ 100-верстномъ отъ пограничной черты разстояніи.

2) Какія мѣстныя естественныя условія способствовали такому развитію тѣхъ или другихъ отраслей промышленности.

3) Какое вліяніе на успѣхи промышленности имѣли: a) участіе личнымъ трудомъ иностранныхъ техниковъ, мастеровыхъ и рабочихъ; b) денежные капиталы, заимствуемые изъ-заграницы; c) полученіе изъ-заграницы первообразныхъ матеріаловъ и минеральнаго топлива, а также иностранныхъ машинъ и орудій производства.

4) Въ какой мѣрѣ послѣдовавшее съ 1877 года возвышеніе таможеннаго тарифа повліяло на развитіе и какихъ именно отраслей промышленности.

5) Какія мѣры могли бы быть приняты противъ дальнѣйшаго искусственнаго развитія фабрично-заводской промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго и, въ особенности, въ ближайшихъ къ пограничной чертѣ мѣстностяхъ.

На основаніи этихъ установленныхъ задачъ нашего изслѣдованія я составилъ, какъ было выше упомянуто, для насъ, членовъ Коммиссіи программу въ 12 пунктахъ собиранія возможно полныхъ свѣдѣній и точныхъ данныхъ о числѣ фабрикъ и заводовъ по каждому роду производства (исключительно въ Завислянской части Царства Польскаго), о владѣльцахъ фабрикъ и заводовъ, о размѣрѣ основного капитала и его происхожденіи, объ издержкахъ производства, о размѣрѣ производительности, о фабричныхъ рабочихъ и служащихъ (и всѣхъ важнѣйшихъ условіяхъ ихъ быта), о степени прибыльности фабрикъ, о кредитѣ, о способѣ и стоимости пріобрѣтенія и доставки всего потребнаго для производства, а также и для продовольствія, объ организаціи сбыта и его районахъ, о вліяніи желѣзнодорожныхъ тарифовъ на сбытъ, сравнительно съ Московскимъ райономъ

и, наконецъ, о размѣрахъ обложенія и о накладныхъ расходахъ. Такъ какъ всѣ эти разнообразныя свѣдѣнія естественно вызываютъ необходимость продолжительнаго времени на ихъ собираніе и прямо даже на ихъ заготовку, тѣмъ болѣе, что конторы многихъ польскихъ фабрикъ находились заграницей, то на этомъ основаніи я переработалъ означенную программу для большей ясности и наглядности въ 26 „Вопросныхъ пунктовъ для г.г. фабрикантовъ" и перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ, какъ наиболѣе распространенный въ Польшѣ на фабрикахъ („Fragepunkte für die Fabrikherren"). Эти вопросные пункты были отпечатаны Департаментомъ (хотя сильно запоздали), но еще раньше гектографированы въ Сосновицахъ и разосланы по всѣмъ Польскимъ фабрикамъ до времени нашего ихъ посѣщенія.

Согласно предложеніямъ и указаніямъ А. Б. Бера, я принялъ всѣ мѣры, чтобы приготовиться до 1 Мая къ поѣздкѣ на все лѣто въ Царство Польское; между прочимъ мнѣ пришлось мои университетскіе экзамены въ Маѣ мѣсяцѣ поручить моему товарищу А. И. Чупрову, который любезно взялся за меня исполнить эту обязанность, въ виду моего отъѣзда. Мои инспекторскія обязанности были переданы также съ 1 Мая моему товарищу д-ру Рахманову вмѣстѣ со всѣми входящими и исходящими книгами и документами, а въ то же время фабриканты и рабочіе были оповѣщены, по возможности, черезъ газетныя объявленія, къ кому и куда должны обращаться во время моего продолжительнаго отсутствія. Однимъ словомъ, все было готово къ 1 Мая, кромѣ, какъ оказалось, самой Польской Коммиссіи и условій ея существованія и разрѣшенія дѣйствовать по нашей программѣ!! Сама Коммиссія получила Высочайшее соизволеніе или была разрѣшена только 13 Іюня, вмѣсто 1 Мая, и во второй лишь половинѣ Іюня, т. е. на полтора мѣсяца позже противъ предположеннаго срока, члены Коммиссіи, снабженные все еще (по неизвѣстной причинѣ) неутвержденной программой изслѣдованія, отбыли на мѣсто въ Царство Польское *).

*) Здѣсь замѣчательный образецъ канцелярской волокиты: Программа, лично одобренная и исправленная рукой самого министра въ Апрѣлѣ мѣ-

Можно себѣ вообразить непріятное положеніе, въ которомъ я очутился, освободивши себя отъ всякаго дѣла и вовсе не привыкши къ этому полнѣйшему бездѣлью. Недѣля проходила за недѣлей и я тщетно бомбардировалъ Петербургъ письмами и запросами.., пытался явиться въ Университетъ или къ Рахманову, но тамъ мое положеніе было весьма неловко, потому что я считался въ отпуску и всѣхъ удивлялъ своимъ появленіемъ. Михайловскій утѣшалъ меня частыми письмами, предсказывая скорое окончаніе этой канцелярской канители. Вотъ одно изъ моихъ писемъ къ нему за это непріятное для меня время (отъ 31 Мая 1886 г.):

„Большое спасибо Вамъ за Ваше доброе письмо: выражаясь фигурально, — оно подѣйствовало какъ бальзамъ на мою больную душу. Да, я измученъ и душевно, и физически этими безплодными и нескончаемыми ожиданіями и неопредѣленностью своего положенія... Ни направо, ни налѣво, а сиди себѣ сиднемъ, пока начальству угодно!.. Сегодня вернулся изъ Петербурга извѣстный Вамъ А. И. Чупровъ, который по свойственной ему добротѣ, наводилъ справки о судьбѣ моей и Польской Коммиссіи у самого Алексѣя Борисовича (Бера) и даже своей телеграммой задержалъ мою преждевременную, какъ оказывается, и безполезную поѣздку въ С.-Петербургъ. Онъ узналъ изъ бесѣды съ Алексѣемъ Борисовичемъ, что задержка Коммиссіи вышла изъ-за Министерства Просвѣщенія—пустыхъ и долгихъ справокъ о неимѣніи препятствій... Едва ли даже будущую пятницу состоится докладъ Государю по этому дѣлу, а скорѣе всего въ слѣдующую, и слѣдовательно, еще двѣ недѣли томительнаго ожиданія. Дѣлать нечего однако: „взявшись за гужъ не говори, что не дюжъ"... буду пока заниматься выработкой подробныхъ вопросныхъ пунктовъ, а затѣмъ съѣзжу съ Вашего дозволенія на недѣльку въ деревню къ родителямъ жены, куда она уѣзжаетъ послѣзавтра. Тамъ уже буду ждать извѣстія отъ Департамента, а если въ теченіе и 2 недѣль

сяцѣ, была оффиціально утверждена, какъ на ней значится, лишь 8 Іюля, т. е. когда многія фабрики Царства Польскаго уже были осмотрѣны по этой Программѣ, а экземпляры Программы распространены по всѣмъ фабрикамъ!

его не состоится, то, и не дожидаясь долѣе, пріѣду въ Петербургъ и затѣмъ въ Варшаву"...

Не дождавшись ничего опредѣленнаго относительно окончанія дѣла съ Польской Коммиссіей, я уѣхалъ въ деревню Тверской губерніи къ своимъ родственникамъ и только тамъ получилъ, наконецъ, желанную телеграмму, сообщавшую объ утвержденіи самой Коммиссіи. Немедленно по полученіи этого извѣстія я отправился въ Петербургъ; тамъ видѣлся съ Ильинымъ, Писаревымъ (представителемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), горнымъ инженеромъ (фамилію котораго забылъ), предназначеннымъ замѣнить проф. Іоссу, и мы сговорились къ 20 числу съѣхаться въ Варшавѣ, съ тѣмъ, чтобы, исполнивши тамъ нѣкоторыя формальности, черезъ нѣсколько дней ѣхать вмѣстѣ въ Сосновицы—пограничный пунктъ, гдѣ сама земля большею частью принадлежитъ иностранцамъ и гдѣ иностранная промышленность въ русскихъ предѣлахъ развилась всего сильнѣе и всего болѣе вызывала нареканій.

Я выѣхалъ въ Варшаву немедленно, едва ли не первый изъ членовъ Коммиссіи, такъ какъ мнѣ предстояли еще личныя хлопоты: хотѣлъ заѣхать въ Холмъ (въ Люблинской губ.), гдѣ у меня были родственники. Въ Холмѣ я оставилъ временно у этихъ родственниковъ свою жену—въ виду предполагаемой необходимости кочевой жизни по фабрикамъ, лежащимъ вдоль границы—въ Петроковской и Калишской губерніяхъ. Позднѣе, въ Лодзи, гдѣ предполагалось не менѣе мѣсячнаго пребыванія для изученія фабрикъ, я долженъ былъ съ ней опять съѣхаться и заняться вмѣстѣ разработкой собраннаго на фабрикахъ матеріала.

Вслѣдъ за мной, спустя нѣсколько дней, пріѣхалъ въ Варшаву Н. П. Ильинъ и мы съ нимъ сообща сдѣлали разные оффиціальные визиты: Генералъ-Губернатора Гурко къ сожалѣнію, не могли этотъ разъ видѣть, такъ какъ онъ былъ въ отсутствіи. Въ Канцеляріи его мы узнали все, что для насъ могло быть интересно,—что о назначеніи Коммиссіи и пріѣздѣ нашемъ фабриканты уже увѣдомлены и ждутъ де насъ съ нетерпѣніемъ. Генералъ-Губернаторъ прикомандировалъ къ намъ *на помощь* при нашемъ изслѣдованіи

своего молодого чиновника по особымъ порученіямъ графа А. А. Уварова (въ дѣйствительности, никакой пользы намъ графъ Уваровъ не оказывалъ и съ нашей Коммиссіей вовсе не ѣздилъ, а лишь показывался къ намъ два раза въ мѣстахъ нашего изслѣдованія на самое короткое время) *). Черезъ нѣсколько дней собрались и остальные члены Коммиссіи, и мы совмѣстно, сопровождаемые начальствомъ, очевидно по распоряженію изъ Канцеляріи Генералъ-Губернатора, съ раннимъ поѣздомъ тронулись въ путь въ Сосновицы, куда и прибыли въ тотъ же день вечеромъ.

Но лучше всего съ нашимъ туда пріѣздомъ я позволю себѣ познакомить читателя на основаніи моего письма, писаннаго на другой день пріѣзда моей женѣ: „Вчера мы пріѣхали въ Сосновицы „in corpore“, вчетверомъ; по дорогѣ, въ Зомбковице къ намъ присоединился Рогаль-Качура (отъ Таможеннаго Вѣдомства), а въ Домбровѣ—начальникъ уѣзда и губернскій механикъ Рюминъ. Въѣздъ въ 10 ч. ночи былъ торжественный: весь вокзалъ былъ запруженъ народомъ и властями, которые большой толпой ожидали насъ на дебаркадерѣ; кромѣ множества разныхъ чиновъ было нѣсколько крупныхъ фабрикантовъ (во фракахъ!!). Долго насъ разрывали на части: таможенные звали къ себѣ, фабриканты—къ себѣ, но мы все съ достоинствомъ отвергли и, по указанію Качуры, устремились въ близлежащую корчму, гдѣ и помѣстились, впрочемъ, довольно удобно; въ корчмѣ насъ тоже ждали и встрѣтили съ десятками свѣчей въ рукахъ и даже съ какими-то канделябрами!! Долго не могли успокоиться отъ посѣтителей: въ сѣняхъ и у крыльца корчмы помѣстились стражники и жандармы охранять наше величіе и, наконецъ, лишь къ 1 ч. ночи все успокоилось и мы заснули. Въ 7 ч. утра сегодня встали, отвергли вновь предложеніе присланныхъ разными фабрикантами изящныхъ экипажей и пѣхтурой, въ сопровожденіи опять-таки цѣлаго синклита, двинулись для начала на шерсто-прядильную фа-

*) Его надо было, разсказывали злые языки въ Варшавѣ, представить въ камеръ-юнкеры и ради де этой цѣли графъ Уваровъ и былъ прикомандированъ къ нашей Коммиссіи.

брику Дителя ($1^1/_2$ версты отъ границы). Къ обѣду Ильинъ уже окончилъ свою часть осмотра, а Писаревъ (членъ Коммиссіи отъ Мин-ва Внутр. Дѣлъ), разумѣется, не понимая ни слова по-нѣмецки, безполезно потолкался и потомъ куда-то исчезъ; я же свою программу выполнилъ лишь къ 7 ч. вечера и усталый, и разбитый, но нѣсколько ободренный духомъ, вернулся домой, т. е. въ корчму. Цѣлый день разговоръ шелъ преимущественно по-нѣмецки... Интересныхъ наблюденій много, но ихъ здѣсь не перескажешь: кажется, съ задачей справлюсь, а это главное, только нельзя ручаться за время... Завтра въ 7 ч.— на стеклянный заводъ и послѣ обѣда на другую прядильню, послѣзавтра—въ каменноугольныя копи подъ землю, ну, а потомъ, для развлеченія, объѣздъ пограничной линіи и осмотръ таможенныхъ заставъ и рогатокъ. Всего здѣсь придется осмотрѣть около 20 фабрикъ. Очевидно одно: у меня задача сложнѣе Ильина въ 10 разъ и я не могу за нимъ поспѣть: онъ обѣгалъ 4 фабрики, пока я сидѣлъ надъ одной"...

Уже первые дни совмѣстныхъ осмотровъ показали все неудобство посѣщенія фабрикъ въ составѣ цѣлой Коммиссіи. По различію спеціальности членъ Коммиссіи преслѣдовалъ свои цѣли: напр., я, изучая экономическую сторону задачи, преимущественно занятъ былъ въ конторѣ записываніемъ со словъ хозяина или изъ книгъ разнородныхъ экономическихъ свѣдѣній; Н. П. Ильинъ, осматривая въ подробностяхъ машины, изучалъ по разспросамъ техническую сторону производства; И. В. Писаревъ преимущественно осматривалъ паспорта, разспрашивалъ объ иностранцахъ и вообще знакомился съ административной и полицейской стороной возложенной на насъ задачи. Но такъ какъ на большей части фабрикъ имѣлось лишь одно лицо (хозяинъ или замѣняющій его директоръ фабрики) компетентное, чтобы давать отвѣты на разнородные вопросы Коммиссіи, то въ то время, когда одинъ изъ членовъ Коммиссіи отбиралъ необходимыя для него свѣдѣнія или осматривалъ тѣ учрежденія, которыя представляли для него особенный интересъ, другіе члены должны были бездѣйствовать или почти даромъ терять время. Поэтому, послѣ двухъ, трехъ дней осмотровъ, члены Коммиссіи рѣшили

осматривать фабрики отдѣльно, каждый по своей спеціальной цѣли, придерживаясь, однако, преимущественно осмотра однѣхъ и тѣхъ же фабрикъ; вечеромъ же члены Коммиссіи собирались вмѣстѣ и дѣлились своими наблюденіями и впечатлѣніями, при чемъ Ильинъ, какъ болѣе опытный и знакомый съ промышленностью, составлялъ обыкновенно планъ на слѣдующій день и руководилъ своими указаніями относительно тѣхъ сторонъ вопроса, на которыя желательно особенно обратить вниманіе.

Собственно въ Сосновицахъ и ближайшихъ окрестностяхъ мы осмотрѣли 15 фабрикъ, а затѣмъ начали посѣщать болѣе отдаленныя фабрики, лежащія по Варшавско-Вѣнской дорогѣ или въ сторонѣ отъ нея: такъ съѣздили въ Ченстоховъ, гдѣ посѣтили 5 фабрикъ, осмотрѣли огромный желѣзодѣлательный заводъ „Екатерина“ (Königslaurahütte) и нѣсколько разъ проѣхали вдоль Русской границы по сю сторону въ сопровожденіи таможенной стражи. Такія поѣздки, чтобы ознакомиться съ ближайшими окрестностями фабрикъ и заводовъ, мы совершали въ разныхъ мѣстахъ Царства Польскаго. Мѣстность по границѣ всего Бендинскаго уѣзда съ Пруссіей пустынная и большею частью заросшая лѣсомъ, перерѣзанная множествомъ тропинокъ и очень удобная, повидимому, для водворенія контрабанды, услѣдить которую на огромномъ протяженіи едва ли возможно. Проѣзжія дороги съ русской стороны повсюду были отвратительны и путешествіе совершалось постоянно съ опасностью быть опрокинутымъ: вообще вдоль Русской границы хорошія шоссейныя и желѣзныя дороги отсутствуютъ, такъ что намъ пришлось, путешествуя по пограничнымъ польскимъ фабрикамъ, благодарить судьбу, что мы запаслись заранѣе въ Петербургѣ т. н. «посольскими» паспортами для неоднократнаго переѣзда за границу. Обратно съ нами, вся Прусская граница на протяженіи Познани изрѣзана прекрасными шоссейными и желѣзными дорогами: поэтому многія польскія фабрики на пограничныхъ пунктахъ было несравненно выгоднѣе и быстрѣе посѣтить, сдѣлавши кругъ черезъ Пруссію, чѣмъ ѣхать прямо по Россіи.

Первый такой наѣздъ мы совершили съ Ильинымъ на

Мирковскую писчебумажную фабрику Велюнскаго уѣзда Калишской губерніи. Она лежитъ всего нѣсколько верстъ отъ Прусской желѣзнодорожной станціи «Wilhelmsbrücke»: поэтому мы выѣхали изъ Сосновицъ по дорогѣ въ Бреславль, свернули въ «Kempen», гдѣ переночевали и утромъ доѣхали до «Wilhelmsbrücke», гдѣ насъ ждалъ экипажъ русской таможни. Мирковская писчебумажная мануфактура возбуждала много толковъ и переписки у Генералъ-Губернатора, а равно и въ М-вѣ Финансовъ. Положеніе этой фабрики считали подозрительнымъ и даже опаснымъ для интересовъ Россіи по многимъ причинамъ. Прежде всего Мирковская фабрика лежитъ на пограничной рѣкѣ Просна, отдѣляющей Россію отъ Пруссіи; между тѣмъ фабрика занимаетъ своими постройками оба берега рѣки: съ русской стороны—ворота фабрики, съ нѣмецкой—калитка, у которой стоитъ постоянно нашъ часовой. Въ самой пограничной Проснѣ происходитъ часть процедуры производства—мытье тряпки и пр. Всѣ рабочіе—изъ за лежащей за стѣною, Прусской деревни, и два раза въ день приходятъ на работу и уходятъ. Съ одной стороны таможенное вѣдомство выражало опасеніе – ни является ли, не смотря на принятыя мѣры осторожности, Мирковская фабрика орудіемъ и удобнымъ мѣстомъ сплава контрабанды, съ другой—какой-то жандармскій ротмистръ въ моемъ присутствіи завѣрялъ Ильина въ Сосновицахъ о военной де опасности для Россіи Мирковской фабрики, такъ какъ она очень легко, въ случаѣ войны, можетъ быть превращена въ крѣпость, а ея рабочіе—въ нѣмецкихъ ландверистовъ—они всѣ де отлично изучаютъ военное искусство на случай войны!...

Мы съ Ильинымъ тщательно осмотрѣли эту фабрику, выспрашивая въ подробностяхъ рабочихъ и администрацію и провѣряя показанія книгами. Никакой фиктивной якобы работы на этой фабрикѣ не нашли, а по осмотрѣ Ильинымъ механизмовъ и аппаратовъ Мирковская Мануфактура дѣйствительно перерабатывала въ бумагу все то тряпье, которое получала. Осмотръ рабочихъ, два раза въ день входящихъ и выходящихъ, совершался, видимо, съ большою строгостью и не угрожалъ интересамъ русскаго фиска. Напротивъ, надо считать за большую выгоду для Россіи суще-

ствованіе этой фабрики уже потому, что она доставляетъ заработокъ населенію Прусской деревни, здѣсь лежащей, ибо иначе крестьяне весьма возможно, не имѣя заработка, могли бы легко и выгодно заняться контрабандой, какъ профессіей. Въ военномъ отношеніи, повидимому, тоже расположеніе фабрики, сравнительно съ другими пунктами вдоль Просны, никакихъ преимуществъ не представляетъ.

Съ Мирковской бумажной фабрики мы опять на лошадяхъ вернулись на желѣзно-дорожную станцію «Wilhelms-Brücke» и по Познанскимъ дорогамъ проѣхали до станціи «Ostrowo», откуда на великолѣпномъ парномъ извозчикѣ отправились въ нашъ городъ Калишъ, лежащій, примѣрно, 18 километровъ отъ Острово. Первые 11 километровъ до Русской границы шоссе отличались своимъ превосходнымъ состояніемъ и прекрасными по обѣ стороны насажденіями сливовыхъ деревьевъ, обремененныхъ какъ разъ фруктами..., едва за семь верстъ до Калиша переѣхали Русскую границу, какъ то же самое шоссе начало давать себя знать бокамъ толчками и выбоинами, и на русскомъ участкѣ (дорога же была проведена когда-то и засажена пруссаками, во времена ихъ владычества этимъ краемъ) половина сливовыхъ деревьевъ была, очевидно, уничтожена, половина существовала въ самомъ жалкомъ видѣ и безъ плодовъ...

Въ Калишѣ я осмотрѣлъ вмѣстѣ съ Ильинымъ и прикомандированнымъ къ намъ губернскимъ техникомъ, г. Карповымъ, двѣ прекрасныя суконныя фабрики (одна въ городѣ, другая въ уѣздѣ) старинныя и вывозившія сукна даже въ Китай. Вторая фабрика Фидлеръ (наслѣдники германскаго подданнаго Нитче) особенно выдавалась своимъ прекраснымъ качествомъ продукта, который Ильинъ очень хвалилъ. Обѣ фабрики, конечно, носили вполнѣ германскій характеръ и хозяева исключительно говорили по-нѣмецки, а равно и всѣ книги велись на томъ же языкѣ. Мнѣ хорошо извѣстны по Московской губерніи нѣсколько прекрасныхъ суконныхъ фабрикъ—Четверикова, Іокиша и др., а такъ какъ въ своихъ жалобахъ Московскіе промышленники особенно налегали на шерстяныя именно фабрики, то я также обратилъ спеціальное вниманіе на всѣ условія этого производства и, насколько

изъ этого краткаго осмотра можно было заключить, шансы конкуренціи вовсе не говорили въ пользу Калишскихъ фабрикъ. Такъ, топливо тамъ дороже другихъ пунктовъ Царства Польскаго, заработная плата выше Московской и, наконецъ, сырье — шерсть также едва ли не дороже.

Характеристикой Калиша, хотя, впрочемъ, не исключительной, является существованіе въ немъ нѣсколькихъ фабрикъ и ремесленныхъ заведеній, подозрѣваемыхъ въ сбытѣ контрабанды, которая производится или точнѣе, прикрывается слѣдующимъ ловкимъ маневромъ: лицо, занимающееся въ большихъ размѣрахъ контрабандой, открываетъ въ предѣлахъ Россіи, но на границѣ, напр. въ томъ же Калишѣ, для вида, фабрику или мастерскую этого товара, напр., прошивокъ, лентъ, тесемокъ, шляпъ, платковъ и т. п. Единовременно съ контрабанднымъ привозомъ этихъ товаровъ изъ-заграницы, фабрика работаетъ и свой подобный товаръ, только въ ничтожномъ количествѣ, а затѣмъ на все ставитъ свои клейма и сбываетъ какъ собственный товаръ, хотя большая часть произведеній — иностраннаго происхожденія. Поймать и уличить въ контрабандѣ подобное заведеніе чрезвычайно трудно, ибо товаръ его сработанъ, во-первыхъ, по тѣмъ же иностраннымъ образцамъ и рисункамъ и затѣмъ оно запасается заблаговременно небольшими обрѣзками этихъ товаровъ, привезенными черезъ таможню съ таможенными пломбами, такъ что по всякому роду товара есть на лицо какъ бы свой оправдательный документъ. Въ первый разъ на эти фабрики обратило вниманіе таможенное вѣдомство по слѣдующему поводу: особенно часто сталъ попадаться контрабандный привозъ тѣхъ именно товаровъ, которые въ этой мѣстности вырабатывались. Естественно, такія фабрики должны были бы страдать и закрываться отъ такой конкуренціи, а онѣ, между тѣмъ, все больше и больше процвѣтали!! Въ Калишѣ я посѣтилъ съ представителемъ Таможеннаго Вѣдомства семь такихъ подозрительныхъ фабрикъ прошивокъ и другого рода; къ сожалѣнію, была Пятница и затѣмъ какіе-то еврейскіе праздники; многія фабрики бездѣйствовали, такъ какъ хозяева и всѣ рабочіе были почти исключительно евреи. Въ Ченстоховѣ я еще разъ видѣлъ 4 подобныхъ фабрики: ленточную, галстуч-

ную, перчаточную, и, конечно, онѣ ничѣмъ не отличались на мой недостаточно опытный глазъ отъ вполнѣ легальныхъ заведеній, но одна изъ нихъ какъ разъ только что попалась въ крупной контрабандѣ и я не знаю, чѣмъ кончилась ея судьба *).

Изъ Калиша Члены Коммиссіи разъѣхались въ разныя стороны. Мой ближайшій сотоварищъ по осмотрамъ, Н. П. Ильинъ, какъ я упомянулъ раньше, знакомившійся со своею спеціальностью—технической стороной фабрикъ, во много разъ быстрѣе нежели я, дня въ два кончилъ осмотръ и уѣхалъ въ Лодзь, куда также пріѣхалъ нѣсколько позднѣе и Писаревъ; я же отправился за своей женой въ Холмъ Люблинскій и, проведя нѣсколько дней въ Варшавѣ, гдѣ я осмотрѣлъ попутно нѣсколько особенно меня интересовавшихъ заведеній (въ томъ числѣ вышеупомянутыя подозрительныя), 23 Іюля прибылъ на продолжительное время для изслѣдованія въ г. Лодзь. Въ Лодзи мы уже не нашли никого изъ членовъ Коммиссіи: Ильинъ и Писаревъ покончили свое дѣло въ одну недѣлю, тогда какъ мнѣ предстояло съ медлительнымъ экономическимъ изслѣдованіемъ пробыть въ этомъ промышленномъ городѣ съ сотнями фабрикъ, по крайней мѣрѣ, около трехъ недѣль, если не долѣе. Изъ газетъ и разсказовъ разныхъ лицъ я узналъ, что во время моего отсутствія Лодзинскіе фабриканты, по иниціативѣ Шейблера, чествовали Членовъ Коммиссіи большимъ обѣдомъ и выражали сожалѣніе, что меня нѣтъ; я же, напротивъ, былъ этому чрезвычайно радъ, такъ какъ принципіально являюсь противникомъ вся-

---

*) Не могу кстати не прибавить замѣченный мною фактъ, что въ Пруссіи, вдоль Русской границы и въ непосредственной близости отъ нея (иногда въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея), я видѣлъ много винокуренъ, очевидно, умышленно выстроенныхъ такъ близко и невольно возбуждавшихъ подозрѣніе, не для водворенія ли спеціально въ Россію спирта контрабанднымъ способомъ такіе заводы существуютъ? Затѣмъ одинъ разъ, близъ самой Русской границы, въ виду нашего сторожевого поста, я случайно зашелъ въ Прусскую пивную и нашелъ сѣни ея сверху донизу наполненными какими-то странными металлическими какъ бы ранцами, съ завинченными отверстіями и ремнями; очевидно, они были предназначены для наполненія жидкостью. Хозяинъ былъ смущенъ и ничего не могъ отвѣтить на мои разспросы, русскій же таможенный чинъ представилъ какое-то нелѣпое объясненіе и всячески старался увлечь меня вонъ изъ харчевни!!...

кихъ оффиціальнымъ угощеній и отъ нихъ всегда уклонялся; въ Польшѣ же, гдѣ видимо очень привыкли угощать чиновниковъ, особенно виномъ, я объявлялъ себя всегда абстинентомъ (не пьющимъ) и ничего не позволялъ себѣ пить кромѣ содовой воды, чѣмъ, видимо, вызывалъ недоумѣніе и даже недовольство нѣкоторыхъ фабрикантовъ, которые, подобно почтенному старику по фамиліи, кажется, Нитше, стоящему во главѣ суконной фабрики Фидлеръ, въ Калишскомъ уѣздѣ, выдвигалъ цѣлыя батареи рейнвейна для утоленія жажды, въ очень жаркій день, Членовъ Коммиссіи!!...

Такимъ образомъ мнѣ предстояло въ первый разъ по прибытіи въ Польшу прекратить кочевую жизнь и работать на одномъ мѣстѣ не только надъ изслѣдованіемъ Лодзинскихъ фабрикъ, но и приступить къ разработкѣ буквально цѣлаго чемодана писаннаго и печатнаго матеріала, собраннаго уже на фабрикахъ и получаемаго со всѣхъ сторонъ, въ отвѣтъ на разосланные заранѣе вопросные пункты. Прокопченная, дымная Лодзь съ ея донельзя отравленной, вонючей рѣчкой Лудкой и вытянутой въ одну безконечную улицу (Петроковскую) фигурой города, производила на насъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Впрочемъ, я не имѣлъ времени скучать, поглощенный всецѣло осмотрами фабрикъ и безчисленными разговорами и опросами съ ранняго утра до поздняго вечера, но жена моя, которая цѣлый день сидѣла въ номерѣ гостинницы за разборомъ присланнаго съ фабрикъ матеріала— описательнаго и цифрового характера, — занятіемъ, отъ котораго ее впрочемъ часто отрывали разные дѣловые посѣтители — вела, разумѣется, томительное существованіе и молила боговъ поскорѣе убраться изъ постылаго города! Здѣсь же, въ Лодзи, при постоянномъ жительствѣ, мы первый разъ (а потомъ при вторичномъ посѣщеніи Сосновицъ) перезнакомились съ разными представителями русскаго чиновничества и составили себѣ ясное представленіе, какими неудовлетворительными чиновниками Россія наполняетъ свои окраины, существенно вредя связи и объединенію интересовъ послѣднихъ съ остальной Россіей. Для характеристики нашего въ Лодзи житья-бытья и нашихъ совмѣстныхъ взглядовъ на все тамъ имѣвшее мѣсто, позволю себѣ привести нижеслѣ-

дующіе отрывки изъ двухъ современныхъ Лодзинскихъ писемъ моей жены къ ея родителямъ:

„Пробывши 4 дня въ Варшавѣ“, пишетъ она (письмо помѣчено пятницей 24 Іюля 1886 года, г. Лодзь), „вчера мы пріѣхали въ этотъ городъ фабрикъ. Едва успѣли, устроившись въ гостинницѣ, спуститься для обѣда внизъ въ ресторанъ, при нашемъ отелѣ Мантейфеля, какъ явился съ предложеніемъ своихъ услугъ полицеймейстеръ города, а затѣмъ президентъ—нѣчто вродѣ городского головы, такъ что Члену Коммиссіи ни минуты нельзя провести частнымъ образомъ. Вчера же, т. е. въ день пріѣзда, мужъ съ здѣшнимъ инспекторомъ вмѣстѣ уже успѣлъ осмотрѣть нѣсколько фабрикъ, а сегодня, вотъ уже третій часъ, я его съ ранняго утра не вижу и каждую минуту жду, чтобы вмѣстѣ обѣдать. Я все утро переписывала нужную бумагу, а теперь вотъ болтаю съ вами... Представьте себѣ такую картину. Сижу за миніатюрнымъ письменнымъ столомъ съ разными ящичками и полочками и макаю перо въ несоразмѣрно напротивъ великую, бѣлую фарфоровую чернильницу. По правую руку отъ меня диванъ и кресла съ тряпочками (т. н. antimacassar) на нихъ, на стѣнѣ картина сантиментальнаго содержанія, однимъ словомъ, обстановка чисто нѣмецкая, не смотря на обширность и, повидимому, роскошь двухъ комнатъ, которыя мы занимаемъ. Если посмотрѣть налѣво, то глазамъ представляется поэтическая картина закоптѣлаго дома съ рѣшеткообразными окнами, за которыми можно разсмотрѣть что-то вѣчно движущееся, вродѣ ткацкихъ станковъ и хлопочущихъ около нихъ женщинъ съ засученными рукавами. Это—одна изъ фабрикъ, которыя мой мужъ сегодня осматриваетъ. Труба этой фабрики, какъ и многихъ десятковъ, кругомъ расположенныхъ, угощаетъ насъ прекрасною угольною копотью, которая „болѣе чѣмъ (въ усиленной степени) непріятно напоминаетъ нѣмецкіе города“... „Никакого тутъ лѣска нѣтъ“, продолжается характеристика Лодзи въ новомъ письмѣ отъ 4-го Августа, „ни въ какомъ я саду не гуляю и Лодзь—не городокъ, а цѣлый городище или точнѣе исполинская фабрика, такъ что откуда ни дуетъ вѣтеръ, всячески приноситъ только копоть... Приходится

завидовать, когда читаешь ваше письмо изъ деревни, котораго я наконецъ-то дождалась и которое составило такое пріятное разнообразіе между ежедневно поступающими кипами дѣловыхъ писемъ. Впрочемъ терпѣніе! На дняхъ кончаемъ и ѣдемъ отдыхать: представьте, еще не совсѣмъ рѣшили—куда? Во всякомъ случаѣ поживемъ заграницей около мѣсяца, а потомъ въ Варшавѣ будемъ додѣлывать дѣло... Посылаю вамъ для увеселенія вырѣзки изъ здѣшней польской газеты («Dziennik Lodzki»), изъ которыхъ вы узнаете ежедневное времяпрепровожденіе вашего зятя — брата — дяди, а моего мужа. Редакторъ этой польской газеты познакомился съ нами и оказался милымъ человѣкомъ, но эксплуатируетъ частную бесѣду для газетныхъ замѣтокъ и, видимо, придавая большое значеніе Коммиссіи, почти въ каждомъ номерѣ старается что-нибудь о ней сообщить. Нѣмецкая же здѣшняя газета («Lodzer Zeitung») игнорируетъ дѣйствія Коммиссіи и я еще ничего не читала въ ней по поводу нашего пріѣзда“...

„Кромѣ недостатка воздуха, мы сначала страдали еще отъ плохой пищи здѣсь, пока мѣстный фабричный инспекторъ не предложилъ намъ столоваться у него, и теперь его кухарка—полька кормитъ насъ отличнымъ обѣдомъ, за которымъ у насъ и происходитъ днемъ свиданіе въ квартирѣ инспектора. Послѣдній, къ сожалѣнію,—не совсѣмъ пріятный человѣкъ. Вообще, русскіе чиновники въ Польшѣ—изъ захудалыхъ, что очень обидно. Есть здѣсь русскій еще, занимающій важную должность Коммиссара, который очень льнетъ въ наше знакомство, но совсѣмъ, должно быть, нехорошій человѣкъ; приходится, однако, до извѣстной степени быть любезнымъ за оказываемый почетъ. А почета здѣсь столько, что для честолюбиваго человѣка могло бы доставить истинное наслажденіе. Высшія власти приходятъ не знакомиться, а „представляться“, при чемъ прислуга отеля такъ торжественно объ этомъ объявляетъ, что напоминаетъ театральное представленіе... Сегодня мужъ ѣздилъ на цѣлый день въ другой сосѣдній городокъ—смотрѣть фабрики. Вечеромъ мы сидѣли втроемъ съ инспекторомъ и пили чай. Стучатъ. Я говорю „herein“. Отворяетъ дверь portier гостинницы. На мой вопросъ, что нужно? не вдругъ отвѣчаетъ. Дѣлаетъ

нѣсколько шаговъ на середину комнаты и съ поклономъ провозглашаетъ: „Господинъ Президентъ находятся внизу и просятъ доложить Вашему Превосходительству, не угодно ли Вамъ ихъ принять?“ Это—уже послѣ того, какъ онъ раза два былъ у насъ. Не правда ли, картинно?... А утромъ сегодня другая картина: Ив. Ив. всталъ въ 6 ч. утра, я тоже, пьемъ кофе и онъ собирается уѣзжать. Является по уговору инспекторъ, но предупреждаетъ, что тамъ, за дверью Томашовскій (т. е. изъ города Томашова) и еще другой какой-то податной инспекторъ желаютъ представиться Ив. Ивановичу. Входятъ цѣлыхъ даже три человѣка въ мундирахъ, при шпагахъ, расшаркиваются, говорятъ нѣсколько любезныхъ фразъ супругѣ Члена Коммиссіи (которая чуть ли не въ ночной кофтѣ сидитъ за кофеемъ), предлагаютъ всякія услуги и затѣмъ удаляются почти такъ же церемонно, какъ въ „Ревизорѣ“ Гоголя... Многіе изъ русскихъ, вѣроятно, въ Польшѣ очень скучаютъ (здѣсь это, по крайней мѣрѣ, неизбѣжно) и можетъ быть искренно желаютъ познакомиться съ свѣжеприбывшимъ человѣкомъ. Другіе имѣютъ свои личные виды или происки и надѣются, что Членъ Коммиссіи вспомнитъ о нихъ въ Петербургѣ и замолвитъ словечко, гдѣ нужно... Можете себѣ представить, что все это не особенно для души пріятно и, если хотите, только на первыхъ порахъ изъ-за новизны нѣсколько любопытно. Я чуть ли не начинаю силою вещей обращаться въ свѣтскую женщину, потому что нельзя же на крайнюю предупредительность не отвѣтить нѣкоторою любезностью, хотя часто къ человѣку совершенно равнодушенъ, а иногда даже чувствуешь антипатію. Въ послѣднемъ случаѣ особенно приходится изощряться въ способности, называемой тактомъ, чтобы, не оскорбляя человѣка, въ то же время держать его на томъ нравственномъ разстояніи отъ тебя, которое, въ виду его несимпатичности, желательно“...

„Одно не хорошо: Ив. Ив. цѣлый день мучается на фабрикахъ и днемъ всѣ знаютъ, что его нельзя застать дома. Но зато вечеромъ одолѣваютъ и, не смотря на его любовь къ обществу, онъ даже тяготится этимъ. Совсѣмъ распахнуться не приходится—въ переносномъ смыслѣ я разумѣю, потому что въ буквальномъ онъ это себѣ позволяетъ и

отлично принимаетъ всѣхъ въ той самой суровой жакеткѣ, которую сестра въ Холмѣ спасала съ трудомъ отъ окончательнаго разрушенія. Конечно, приходится и отдавать визиты и поэтому мы почти ни одного вечера не проводимъ вдвоемъ... Завтра на цѣлый день онъ ѣдетъ въ Томашовъ; потомъ въ четвергъ двигаемся изъ Лодзи, заѣзжая по дорогѣ въ фабричные пункты, а къ воскресенью уже надѣемся быть за предѣлами Русской границы и предаться душевному, но не умственному отдыху, ибо думаемъ поселиться гдѣ-нибудь, обработать хотя нѣсколько собранный уже матеріалъ, котораго такъ много, что подъ него предназначается отдѣльный чемоданъ"...

Къ сожалѣнію, чѣмъ долѣе продолжалось наше пребываніе въ Привислянскомъ краѣ, тѣмъ болѣе усиливалось наше непріятное впечатлѣніе (за нѣкоторыми, разумѣется, исключеніями) отъ русскихъ чиновниковъ и отъ вреда, который наносится Россіи такими назначеніями. Сплетня составляетъ, очевидно, существенный элементъ жизни русскаго чиновничества на этой окраинѣ — до такой степени, что намъ, жителямъ Москвы, было трудно даже понимать сначала, какъ люди могутъ видѣть въ своихъ товарищахъ по службѣ лишь одно только дурное? Чаще всего мнѣ приходилось, разумѣется, интересоваться въ бесѣдахъ фабричными и таможенными порядками по предмету моего занятія и можно было утвердительно сказать, что въ частной бесѣдѣ такого рода, особенно за чайнымъ столомъ, или стаканомъ вина съ таможеннымъ чиновникомъ, онъ непремѣнно начнетъ раньше или позже разсказывать разныя пикантныя вещи о взяточничествѣ и злоупотребленіяхъ полицейскаго или жандармскаго управленія; наоборотъ, въ бесѣдѣ съ представителемъ послѣдняго — выступаютъ на сцену нескончаемыя сообщенія и увѣренія о самомъ злостномъ попустительствѣ, контрабандѣ, со стороны мѣстнаго финансоваго вѣдомства!... Одинъ жандармскій ротмистръ пограничнаго мѣстечка, напр. предлагалъ мнѣ, если бы, конечно, я рѣшился, за небольшую сумму, воочію убѣдиться въ правильно, будто бы, организованной системѣ контрабандной транспортировки съ вѣдома и, такъ сказать, благословенія чиновъ мѣстнаго таможеннаго

надзора: разумѣется, мнѣ оставалось только качать головой и вздыхать, слушая всѣ подобные разговоры, такъ какъ я вовсе не былъ уполномоченъ бороться, протестовать и вообще выводить на свѣжую воду всѣ чиновничьи злоупотребленія въ Царствѣ Польскомъ, о которыхъ только услышу или узнаю“!!...

Въ связи съ предшествующей темой находится весьма любопытное письмо моей жены, писанное изъ Сосновицъ отъ 9 Сентября 1886 г., т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ предыдущаго письма и вслѣдъ за нашимъ кратковременнымъ отдыхомъ заграницей въ Salzkammergut'ѣ и возвращеніемъ въ Польшу для дополнительныхъ изслѣдованій. „Вчера“, сообщаетъ она своимъ родителямъ, „мы въѣхали опять въ предѣлы отечества и сразу же отъ мирнаго сообщества съ красотами природы погрузились въ море дрязгъ человѣческихъ. Какъ разбойники на большой дорогѣ, или какъ запруженная вода, нашедшая себѣ исходъ въ просторномъ резервуарѣ, на насъ, какъ на свѣжихъ людей набросились или нахлынули съ разсказами о здѣшнихъ злоупотребленіяхъ въ чиновничьемъ мірѣ; на меня это дѣйствуетъ такъ тяжело, что я хочу отвести душу, поговорить съ Вами, которые къ счастью у себя въ деревнѣ далеки отъ самыхъ рѣзкихъ, по крайней мѣрѣ, проявленій человѣческой алчности и интриги! Въ Польшѣ собранъ, повидимому, экстрактъ и квинтъ-эссенція, къ сожалѣнію, нашего чиновничьяго куроцапства и приходится здѣсь постоянно слышать отъ лицъ въ сторонѣ стоящихъ, что нѣтъ тутъ, будто бы, почти ни одного чиновника, который не былъ бы взяточникомъ!? Можете себѣ представить, въ какое положеніе это ставитъ русскихъ по отношенію къ полякамъ, которые и такъ проникнуты къ намъ ненавистью. Остается у нихъ одинъ лишь страхъ передъ силою (пока она имѣется на лицо), да надежда подкупить эту силу, которая деморализуетъ весь Край“...

„Мы застали въ Сосновицахъ двухъ лицъ изъ Коммиссіи, которые прожили тутъ долго и, возмущенные здѣшними отношеніями, обрадовались, что могутъ подѣлиться съ нами своими впечатлѣніями; кромѣ того и сами должностныя лица, не удерживаясь, наговариваютъ другъ на друга и такимъ образомъ получается рядъ фактовъ, мнѣ кажется, невозмож-

ныхъ внутри Россіи!?.. Сквозь эти дрязги Ив. Ив. впрочемъ узналъ много интересныхъ фактовъ, прямо относящихся до его работы по Коммиссіи, и поэтому отчасти, пожалуй, очень доволенъ, что мы здѣсь опять остановились... Сегодня онъ съ утра уѣхалъ на фабрики по желѣзной дорогѣ и я, вставши позднѣе его, попробовала прогуляться, но по улицамъ отъ сильнаго вѣтра мететъ такую пыль, что буквально нельзя ходить. Сосновицы—это совсѣмъ задымленное и закопченное селеніе, еще болѣе непривлекательное, чѣмъ г. Лодзь... Сію минуту я была прервана входомъ ко мнѣ въ комнату (надо замѣтить, что насъ помѣстили въ казенномъ зданіи при желѣзной дорогѣ, съ желѣзнодорожнымъ сторожемъ вмѣсто горничной) нѣсколькихъ фабричныхъ рабочихъ, пришедшихъ просить Члена Коммиссіи заступиться за нихъ противъ ихъ хозяина—фабриканта, который, закрывши заводъ, гонитъ ихъ всѣхъ прочь съ квартиры, не отдавая имъ даже ихъ собственныя сбереженія!!... Вчера мы слышали отъ здѣшняго жандармскаго офицера, что въ одной изъ улицъ собрались рабочіе и хотятъ убить управляющаго, который отъ нихъ спрятался. При насъ жандармъ отправился на мѣсто безпорядковъ и къ нему присоединился вновь назначенный Членъ Коммиссіи Брусницынъ. Жандармъ для усмиренія рабочихъ указалъ на послѣдняго, какъ на представителя Царя, и совѣтовалъ обратиться къ Коммиссіи, которая за нихъ заступится, и вотъ они написали прошеніе на имя Брусницына, но принесли его сюда, такъ какъ квартиру Брусницына не знали, а здѣсь имъ, вѣроятно, было извѣстно, остановился тоже Членъ Коммиссіи. Такимъ образомъ я объяснялась съ ними, какъ могла (они говорили по-польски) и слышала ихъ жалобы; пообѣщала имъ, что Члены Коммиссіи могутъ объяснить все дѣло Варшавскому Генералъ-Губернатору, хотя сами не имѣютъ власти что-нибудь для нихъ сдѣлать"...

Когда мнѣ предложили въ 1882 году занять постъ фабричнаго инспектора, я мѣрилъ свои нравственныя отношенія къ людямъ тою мѣркою, тѣмъ масштабомъ, который былъ обыченъ въ кружкѣ московскихъ профессоровъ, къ которому я имѣлъ честь принадлежать. Взяточничество, подкупность

въ русскомъ обществѣ, хотя, конечно, мы въ Москвѣ и слыхали отдѣльные случаи, считались всегда чѣмъ-то омерзительнымъ, отодвинутымъ въ давнопрошедшее дореформенное время: и въ судѣ, намъ особенно близкомъ какъ юристамъ, и въ обществѣ мы привыкли слышать и считать неподкупное служеніе истинѣ, народу и правительству,— какъ необходимыя, безусловныя посылки правильнаго и нормальнаго отношенія къ дѣлу. Особенно строго установились взгляды на обязанности новой служебной дѣятельности— фабрично-инспекторской, которую, какъ непосредственное служеніе народу, склонны были идеализировать и возвышать даже надъ обычнымъ уровнемъ бюрократической нравственности. Такъ было въ Москвѣ, но далеко не такъ оказалось въ Польшѣ...

Понятно отсюда, какъ прискорбно и непріятно было раскрытіе всей той грязи и чиновничьихъ дрязгъ, которыя окружали насъ все время пребыванія въ Привислянскомъ краѣ. Не смотря на вполнѣ успѣшный ходъ моего изслѣдованія, я нѣсколько разъ подумывалъ написать откровенное письмо Бунге и бросить все дѣло—во всякомъ случаѣ я не думалъ и никакъ не ожидалъ, что мнѣ горько придется разочароваться въ Польшѣ относительно той самой инспекціи, которую я такъ высоко ставилъ...—что мало того—то самое лицо (Лодзинскій инспекторъ), который былъ прикомандированъ ко мнѣ Финансовымъ Вѣдомствомъ и былъ моимъ неразлучнымъ спутникомъ и помощникомъ, именно оказался такимъ взяточникомъ и я, зная этотъ фактъ, долженъ былъ его скрывать подъ личиною равнодушія продолжительное время!!.. Это непріятное приключеніе, отравлявшее мнѣ все послѣдующее пребываніе въ Польшѣ, достаточно объясняется приводимымъ ниже моимъ письмомъ изъ Ченстохова отъ 8 Іюля 1886 года, т. е. послѣ съ небольшимъ полумѣсячнаго пребыванія въ Польшѣ:

„За хлопотами разъѣздовъ и осмотровъ фабрикъ", писалъ я Я. Т. Михайловскому, „я не имѣлъ времени написать Вамъ изъ Польши до настоящаго времени, въ чемъ и прошу Вашего извиненія. Къ сожалѣнію, первое же мое письмо отсюда начинается съ сообщенія Вамъ одного важнаго и не-

чальнаго извѣстія. Если я рѣшаюсь быть его вѣстникомъ, то исключительно желая Васъ избавить отъ непріятной неожиданности узнать эту новость сверху, т. е. отъ нашего начальства, и я надѣюсь, что Вы примете мое скорое сообщеніе какъ знакъ моего искренняго къ Вамъ уваженія и преданности нашему общему дѣлу, къ сожалѣнію, потерпѣвшему въ Польшѣ прискорбное фіаско... Дѣло въ томъ, что мы всѣ, т. е. я, Н. П. Ильинъ и И. В. Писаревъ вторую недѣлю проживаемъ въ Сосновицахъ, усердно изучая здѣшнія фабрики. Вчера внезапно пріѣхалъ въ Сосновицы графъ Уваровъ, чиновникъ особыхъ порученій при Варшавскомъ Генералъ-Губернаторѣ, что называется „изъ молодыхъ и раннихъ"; онъ прикомандированъ къ намъ въ Коммиссію, но до сихъ поръ сидѣлъ въ Варшавѣ. Я поѣхалъ на одну фабрику, гр. Уваровъ же вызвался сопровождать Ильина на другую (стеклянный заводъ Эпштейна). За обѣдомъ мы снова сошлись и я, къ своему ужасу, услышалъ отъ Ильина, что онъ на заводѣ Эпштейна, по указанію гр. Уварова, въ „Kassa-Buch" нашелъ прямое упоминаніе: „Geschenk 50 R. Herrn Fabrikinspektor"—въ день, какъ видно изъ отмѣтки въ „Книгѣ о малолѣтнихъ", посѣщенія послѣднимъ этой фабрики... Представьте наше негодованіе и удивленіе!!. Мы немедленно пристали къ графу Уварову, какъ онъ сдѣлалъ это печальное открытіе, и тогда Уваровъ сознался, что онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ-де, по приказанію Гурко, производитъ секретное дознаніе о Лодзинскомъ Фабричномъ Инспекторѣ, на котораго Генералъ-Губернатору былъ сдѣланъ доносъ о взяточничествѣ. Графъ Уваровъ уже во многихъ фабричныхъ книгахъ отыскалъ, будто-бы, слѣды подобныхъ подвиговъ обоихъ фабричныхъ инспекторовъ въ Царствѣ Польскомъ и на-дняхъ шлетъ рапортъ Гурко.. Онъ сильно убѣждалъ насъ хранить пока въ тайнѣ, но Ильинъ согласился лишь съ оговоркой, что онъ въ частномъ письмѣ сообщитъ все это А. Б. Беру. Въ виду этого обстоятельства, а также и утвержденія Уварова, будто бы Вамъ, въ бытность Вашу въ Польшѣ, уже сообщали этотъ печальный фактъ, а Вы его отвергли, я и спѣшу, считая это долгомъ нашей пріязни, Вамъ его теперь подтвердить. Dixi et animam levavi"!..

Нѣсколько позднѣе, въ письмѣ своемъ изъ-заграницы (Зальцбурга) я сообщилъ Я. Т. М., въ дополненіе предыдущаго извѣстія по тому же печальному поводу слѣдующее: „Добавлю только, что, какъ я слышалъ стороной, гр. Уваровъ былъ незадолго до меня въ Лодзи, смотрѣлъ и даже требовалъ у разныхъ фабрикантовъ книги („Kassa-Buch“ и „Книгу для записи малолѣтнихъ“) къ себѣ на домъ, очевидно, отыскивая слѣды виновности того же инспектора, но, какъ передавалъ мнѣ по секрету одинъ Лодзинецъ, ничего въ Лодзи, по крайней мѣрѣ, не нашелъ“... Письмо помѣчено 6 Сентября 1886 г.

8-го Августа, т. е. послѣ пребыванія болѣе мѣсяца въ Лодзи (долѣе предположеннаго) и, осмотрѣвши тамъ съ окрестностями болѣе 40 фабрикъ, я чувствовалъ себя настолько измученнымъ, какъ нравственно, такъ и физически, что безусловно организмъ мой требовалъ отдыха. Всѣ товарищи мои давно уже были въ Петербургѣ. Страшная жара, стоявшая въ это лѣто при постоянномъ передвиженіи моемъ въ Лодзи, еще болѣе, конечно, усиливала непріятное положеніе, и я рѣшилъ на время перервать работу и пожить нѣсколько недѣль гдѣ-нибудь заграницей съ тѣмъ, чтобы позднѣе вернуться для добавочныхъ изслѣдованій въ Польшу. По дорогѣ я еще разъ остановился въ Ченстоховѣ, чтобы посѣтить двѣ фабрики, почему то мною раньше не осмотрѣнныя, и сдѣлалъ также привалъ въ Стржемешице, чтобы ознакомиться съ новымъ для меня производствомъ, видѣть церезиновый и параффиновый заводъ. 9 Августа я уже былъ заграницей и, почти не останавливаясь въ Вѣнѣ, быстро проѣхалъ въ окрестности Зальцбурга, гдѣ и прожилъ весь свой короткій вакатъ (около 3 недѣль), цѣлый день гуляя, купаясь и лишь отчасти разбирая собранный статистическій матеріалъ. Въ началѣ Сентября мы уже были опять въ Польшѣ, въ Сосновицахъ, гдѣ остановились по спеціальной просьбѣ Ильина, чтобы осмотрѣть двѣ фабрики: вмѣсто него же самого мы нашли въ Сосновицахъ его помощника, доцента Технологическаго Института Н. П. Лангового. Далѣе изъ Сосновицъ мы прямо отправились въ Варшаву, гдѣ я пробылъ больше недѣли, заканчивая осмотръ преимущественно крупныхъ

металлическихъ фабрикъ. Всего я успѣлъ осмотрѣть до тѣхъ поръ (до Варшавы) около 80 фабрикъ и главное собрать подробныя свѣдѣнія, съ провѣркой по книгамъ и документамъ. Принимая во вниманіе кропотливость работы, собраннаго матеріала было очень много—такъ много, что онъ даже не помѣстился въ специальномъ чемоданѣ, для него предназначенномъ, не смотря на то даже, что часть фабричнаго матеріала, по неизвѣстнымъ для меня до сихъ поръ причинамъ, пропала гдѣ-то и до меня не дошла.

Здѣсь необходимо остановиться и передать по поводу послѣдняго приключенія случай моего личнаго ознакомленія съ бюрократическимъ произволомъ и чиновничьимъ безобразіемъ въ Царствѣ Польскомъ. Во время перваго прибытія Коммиссіи въ Варшаву, въ виду предстоящей вмѣстѣ съ разъѣздами постоянной перемѣны мѣста нашего пребыванія, мы оставили на все лѣто и для всѣхъ членовъ одинъ адресъ, какъ для оффиціальной, такъ и для частной корреспонденціи—въ Канцелярію Варшавскаго Генералъ-Губернатора, для передачи намъ. Я лично имѣлъ очень большую собственную, частную корреспонденцію съ родственниками и друзьями; сверхъ того, не находя на какой-либо изъ посѣщенныхъ фабрикъ требуемаго матеріала или нужной справки, я просилъ обыкновенно заготовить его и переслать для передачи мнѣ въ Варшаву, въ ту же Канцелярію Генералъ-Губернатора. Фабрикъ такихъ, выславшихъ мнѣ тѣ или иныя письменныя данныя или отвѣты было, какъ мнѣ извѣстно, весьма много; за лѣто, между тѣмъ, насколько помню, черезъ Канцелярію я весьма мало получилъ, разсчитывая потому на обратномъ пути черезъ Варшаву найти массу матеріала и писемъ... Но случилось нѣчто для меня совершенно неожиданное и никогда со мной небывалое...

Лучше всего я передамъ это приключеніе словами собственнаго письма отъ 16 Сентября 1886 года, написаннаго изъ Варшавы Михайловскому: „Послѣ трехнедѣльнаго отдыха въ окрестностяхъ Зальцбурга, я водворился въ Царство Польское и вновь принялся за осмотръ здѣшнихъ фабрикъ: сначала въ Сосновицахъ, а потомъ тутъ въ Варшавѣ. Въ Канцеляріи Генералъ-Губернатора я разсчитывалъ найти

отвѣтную вѣсточку на мое письмо изъ Зальцбурга и отъ Васъ, но увы! не нашелъ ничего, а, зная Вашу аккуратность въ корреспонденціи, не мало тому дивился: думаю, не пропало ли Ваше письмо? *). Послѣднее весьма вѣроятно уже потому, что моя корреспонденція была мнѣ доставлена отъ имени гр. Уварова (которому почему-то Канцелярія ее передавала для всѣхъ членовъ Коммиссіи) въ большомъ безпорядкѣ. Къ моему удивленію и даже негодованію, многія письма оказались распечатанными, напр. *вся корреспонденція изъ Департамента Торговли* и вообще письма отъ разныхъ чиновъ финансоваго вѣдомства, напр., податныхъ инспекторовъ (!!!); многихъ отвѣтовъ отъ фабрикантовъ вовсе нѣтъ. Я потребовалъ тотчасъ же письменнаго объясненія отъ гр. Уварова, но и по сіе время ничего не получилъ"...

Упомянутое письмо къ гр. Уварову, какъ я имѣю возможность привести по сохранившейся съ него копіи, было слѣдующаго содержанія: „Варшава, Нѣмецкій Отель, 11 Сентября 1886 г. Милостивый Государь Гр. Алексѣй Алексѣевичъ! Препровождая при семъ въ особомъ пакетѣ двѣ переданныя Вами бумаги (Договоръ въ гор. Згержѣ отъ 30 Марта 1821 года и отрывокъ Вашего Рапорта), считаю долгомъ принести Вашему Сіятельству мою глубокую признательность за ихъ сообщеніе. Корреспонденцію мою черезъ Канцелярію Генералъ-Губернатора я уже получилъ, но, къ сожалѣнію, не въ той полнотѣ, въ какой я это ожидалъ: предполагаю, что недостаетъ одного частнаго письма и свѣдѣній и объясненій отъ разныхъ фабрикантовъ въ Сосновицахъ и Лодзи. Такъ какъ нѣкоторыя мои письма доставлены Вамъ Канцеляріей очевидно въ распечатанномъ видѣ и даже совсѣмъ безъ конвертовъ, то весьма естественно могла произойти путаница, и нѣкоторыя бумаги, посылаемыя мнѣ, могли не дойти по своему назначенію. Поэтому рѣшаюсь безпокоить Васъ покорнѣйшей просьбой—не возьмете ли Вы на себя трудъ навести справку въ Канцеляріи, не отправлены ли

*) Оно дѣйствительно пропало, какъ подтвердилось впослѣдствіи по сношенію съ Михайловскимъ.

нѣкоторыя бумаги, адресованныя на мое имя, другому члену Коммиссіи, или не затеряны ли вообще какимъ-нибудь образомъ между другимъ однороднымъ матеріаломъ. Разсчитывая, что Вы не оставите мою просьбу безъ отвѣта, пользуюсь случаемъ и т. д.“.

Черезъ недѣлю времени я представился Варшавскому Генералъ-Губернатору Гурко и, познакомивши его съ характеромъ своей дѣятельности какъ Члена Коммиссіи, счелъ долгомъ ему разсказать о пропажѣ части корреспонденціи и распечатанныхъ письмахъ, присланныхъ мнѣ его Канцеляріей черезъ гр. Уварова. Генералъ-Губернаторъ, повидимому, былъ непріятно удивленъ моимъ заявленіемъ и категорически мнѣ обѣщалъ изслѣдовать это дѣло и виновнаго не оставить безъ наказанія... Съ тѣхъ поръ прошло больше двадцати лѣтъ и тѣмъ не менѣе ни отъ графа А. А. Уварова, ни отъ Канцеляріи Генералъ-Губернатора въ Варшавѣ я до сихъ поръ не получилъ никакого разъясненія относительно нарушенія своихъ правъ на собственную корреспонденцію... и печальное приключеніе моей Польской экспедиціи, что называется, „кануло въ Лету“... *).

Въ заключеніе приведу еще два слова о полякахъ и ихъ отношеніяхъ къ намъ во время нашей экспедиціи. Что собственно касается личныхъ отношеній къ намъ, какъ къ Членамъ „Коммиссіи для изслѣдованія пограничныхъ фабрикъ“, то въ данномъ случаѣ я ничего кромѣ похвалъ не могу сказать о полякахъ; они во всемъ охотно помогали намъ, въ чемъ только могли: доставали разнородныя свѣдѣнія, указанія, матеріалы; нѣкоторыя изъ нихъ были очень полезны и облегчали нашу работу, другія доставленныя свѣдѣнія имѣли, впрочемъ, характеръ просто доноса съ личной цѣлью (одинъ образецъ, напр., можно видѣть въ моемъ Поль-

*) Данный случай хорошо характеризуетъ состояніе правового порядка былого времени въ нашемъ Царствѣ Польскомъ: если подобное возмутительное отношеніе высшей Администраціи Края къ соблюденію священнаго права неприкосновенности и тайны почтовой корреспонденціи возможно было и допустимо относительно меня—Профессора русскаго университета, дѣйств. ст. совѣтника, Члена Коммиссіи, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію командированной въ Польшу, то какой-же произволъ, значитъ, былъ бы возможенъ, если бы я принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ обывателей Привислянскаго края—поляковъ или евреевъ??!!...

скомъ Отчетѣ). Такое благопріятное для насъ отношеніе со стороны поляковъ вполнѣ понятно, такъ какъ, въ концѣ концовъ, цѣль Коммиссіи заключалась въ ограниченіи конкуренціи вновь возникающихъ въ Польшѣ нѣмецкихъ фабрикъ, большею частью даже съ нѣмецкимъ языкомъ и управленіемъ, а, конечно, поляки не имѣютъ основанія дружить съ нѣмцами больше, нежели съ москалями. Еврей Познанскій (Калманъ) въ Лодзи и полякъ Стефанъ Кошутъ въ Жирардовѣ принадлежали къ умнѣйшимъ и интереснѣйшимъ людямъ, какихъ я видѣлъ въ жизни, и бесѣда съ ними, во время моей экспедиціи, доставляла мнѣ истинное удовольствіе и большую пользу въ цѣляхъ моего изслѣдованія. Одинъ изъ нихъ задалъ мнѣ тонкій, умный и трудный для разрѣшенія вопросъ: „Почему вы къ намъ не присылаете въ Польшу хорошихъ профессоровъ, какъ мы Вамъ когда-то послали Спасовича, а больше плохихъ?“.,. Другой, намекая на поводъ къ организаціи нашей Коммиссіи—жалобы Московскихъ купцовъ, задался вопросомъ: „почему правительство обращаетъ вниманіе на взаимную перебранку конкурентовъ и не обращаетъ никакого вниманія на весьма многое, гораздо болѣе важное для интересовъ торговли и промышленности цѣлой страны, какъ напр. болѣе разумное и правильное представительство нашихъ торговыхъ интересовъ заграницей, занимаемое почти сплошь ничего не смыслящими въ дѣлѣ людьми, какъ русскіе консулы“?!...

Съ другой стороны, не смотря на ласку и доступность, съ которой насъ принимали поляки, меня съ женой поразило нѣкоторое, если можно такъ выразиться, легкомысленное отношеніе къ русскимъ вопросамъ, которые имъ нужно было бы знать, и вообще плохое знаніе всего русскаго, кромѣ, пожалуй, языка. Приведу для доказательства выдержку изъ письма моей жены къ ея родителямъ отъ 8 Августа: „Вчера вечеромъ“, пишетъ она, „мы были въ чисто польскомъ обществѣ—въ семьѣ редактора той газеты, изъ которой я Вамъ прислала вырѣзки, при чемъ я любопытно объяснялась съ его супругой: она по-польски,—я по-русски, и обѣ другъ друга понимали. Мужъ ея совсѣмъ свободно говоритъ по-русски и, вопреки обыкновенію поляковъ, очень интересуется всѣмъ рус-

скимъ, много читалъ и знаетъ. Насколько мало, между тѣмъ, польское общество вообще знаетъ и хочетъ знать русскую науку и литературу, можно судить по тому, что одна дама въ Варшавѣ, съ которою я познакомилась, имѣющая претензіи на знаніе всякихъ языковъ и литературъ, говорила такъ: .. „какъ это зовутъ вашего поэта, Пушкинъ, кажется“?! Изъ русской беллетристики ничего не переводится на польскій языкъ, хотя у насъ, наоборотъ, въ журналахъ много появляется польскихъ произведеній“ *). „Болѣе безпристрастные изъ поляковъ менѣе чуждаются русскихъ и русскаго, большинство же знаетъ только дѣловымъ образомъ и обрусѣнія тутъ незамѣтно, а вотъ онѣмеченіе происходитъ очень быстро въ такихъ мѣстахъ какъ Лодзь, гдѣ уже на рынкѣ торговки говорятъ свободно по-нѣмецки“...

Осмотръ Варшавскихъ фабрикъ покончилъ мое изслѣдованіе. Посовѣтоваться мнѣ было не съ кѣмъ, но, пересматривая разной редакціи списки польскихъ фабрикъ въ Завислянской части Польши и обозрѣвая въ умѣ добытыя данныя и выводы, изъ нихъ вытекающіе, я приходилъ къ заключенію, что собраннаго мною матеріала совершенно достаточно для цѣлей, поставленныхъ Коммиссіей. Но были и другія причины, которыя торопили меня къ окончанію польской работы: хотя я и осмотрѣлъ всего 100 фабрикъ за три мѣсяца, но зато сюда входятъ всѣ крупныя, сколько-нибудь выдающіяся заведенія за Вислой и особенно въ пограничной полосѣ. Кромѣ того я чувствовалъ себя сильно утомленнымъ и нездоровымъ отъ продолжительнаго и непрерывнаго напряженія силъ и нервовъ. Къ 1-му Октября долженъ былъ въ Москвѣ вступить въ силу новый, Высочайше утвержденный законъ отъ 3 Іюня 1886 года (плодъ Коммиссіи Плеве): онъ создалъ, какъ мы

*) Въ этотъ же самый памятный вечеръ меня лично, въ свою очередь, поразилъ чрезвычайно другой фактъ: хозяинъ предложилъ для развлеченія гостей кучу разнообразныхъ фотографій (преимущественно, конечно, польскихъ), а въ числѣ ихъ оказался и портретъ Льва Н. Толстого. Изъ пяти или шести человѣкъ, смотрѣвшихъ, кромѣ насъ, его небольшую фотографію, одинъ только хозяинъ (по крайней мѣрѣ, какъ онъ это сказалъ) узналъ, ком этотъ портретъ принадлежитъ; одна изъ присутствующихъ дамъ обратилас ко мнѣ съ просьбой: «Прошу, панъ, разсказать, что этотъ литераторъ написалъ»? Не забудьте, что этотъ вечеръ происходилъ въ литературномъ семействѣ и въ 1886 году, когда имя Толстого уже гремѣло во всемъ свѣтѣ!

увидимъ позднѣе, много новыхъ письменныхъ и контрольныхъ обязанностей для фабрикъ и для инспекторовъ, и помощникъ мой, меня за лѣто замѣнявшій, торопилъ меня усиленно пріѣздомъ. Вотъ что я писалъ по этому поводу еще въ Сентябрѣ изъ Варшавы Я. Т. М.: „Что Вамъ сказать хорошенькаго?“, иронизировалъ я. „Усталъ я ужасно; отдыхъ заграницей былъ слишкомъ кратковременъ, а между тѣмъ приходится недолго медля возвращаться къ дѣлу и дѣлу горячему — бѣднаго Рахманова фабриканты бомбардируютъ со всѣхъ сторонъ запросами по поводу выполненія новыхъ фабричныхъ правилъ и онъ въ свою очередь запрашиваетъ безпрестанно меня не только письмами, но и телеграммами... Пора, короче, возвращаться въ Москву: вѣроятно черезъ три, четыре дня не болѣе я и покину Варшаву для Бѣлокаменной. Да, по правдѣ, и цыганская жизнь уже нѣсколько надоѣла, да и нравственная грязь, здѣсь въ Польшѣ, окружающая меня со всѣхъ сторонъ, очень ужъ опротивѣла“...

Результатами моей поѣздки и изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ были двѣ работы: одна неоффиціальная — „Историческій очеркъ польской промышленности“, которой я воспользовался, какъ рѣчью, въ Торжественномъ Засѣданіи Императорскаго Московскаго Университета 12 Января 1887 года; вторая работа - оффиціальная — „Отчетъ“ по моему изслѣдованію, напечатанный Министерствомъ Финансовъ. Я не упоминаю о своей статьѣ по сравненію положенія польскихъ рабочихъ съ русскими, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы“, такъ какъ она не имѣетъ самостоятельнаго значенія и представляетъ собою извлеченіе изъ предыдущаго. Первыя двѣ работы являются необходимыми дополненіями другъ къ другу — онѣ отчасти лишь заключаютъ въ себѣ одинаковый матеріалъ, — а потому, чтобы ясно познакомиться съ результатами Польской экспедиціи, необходимо здѣсь изложить вкратцѣ выводы изъ обоихъ сочиненій *).

---

*) Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ Торжественномъ Собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 Января 1887 года Ординарнымъ профессоромъ *И. И. Янжуломъ*. Москва. 1887 г.

Отчетъ *И. И. Янжула* по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. С.-Петербургъ, 1888 г.

Какъ видно изъ самаго названія, моя университетская рѣчь имѣла въ виду откликнуться на злобу дня—дать присутствующей публикѣ возможность судить и разобраться въ ходячихъ въ Москвѣ въ то время толкахъ и спорахъ о важности и значеніи конкуренціи Лодзи и Сосновицъ съ промышленностью центральной Россіи. Для этого я именно избралъ форму историческаго очерка (что, разумѣется, въ „Отчетѣ“ отсутствовало) съ цѣлью уяснить быстрый ростъ польской промышленности и показать къ чему онъ привелъ. Я прежде всего устанавливаю именно этотъ несомнѣнный фактъ быстраго роста промышленности Привислянскаго края и притомъ за сравнительно позднѣйшее время. Оказывается, на основаніи обзора статистическихъ данныхъ по обработкѣ такъ наз. волокнистыхъ веществъ, если сопоставить процентное отношеніе производства за 1887 г. къ производству 1866 года, то въ Имперіи соотвѣтствующая промышленность въ среднемъ выросла за данный періодъ на 192%, а за то же самое время въ Царствѣ Польскомъ—на 468%. Далѣе, за періодъ отъ 1879 г. по 1883 г. и притомъ для нѣсколькихъ разнообразныхъ производствъ, помимо волокнистыхъ, въ Имперіи промышленность выросла по разнымъ отраслямъ отъ 92 до 121%, а въ Царствѣ Польскомъ—отъ 100 до 1000% слишкомъ!!

Прежде всего я костантирую фактъ, что польская промышленность вообще моложе русской и, слѣдовательно, должны быть существенныя причины для ея усиленно-быстраго роста. Этотъ ростъ начинается съ утраты политической самостоятельности Польши и присоединенія ея къ Россіи. Первый благопріятный факторъ при этомъ для развитія польской промышленности заключался вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Россіи въ цѣломъ рядѣ поощрительныхъ административныхъ мѣръ, для того принятыхъ правительствомъ (главнѣйшія—вызовъ иностранцевъ). Второй факторъ заключался въ благотворномъ вліяніи на хозяйство Польскаго Банка, истратившаго на развитіе этой промышленности многіе милліоны денегъ. Наконецъ, третій и важнѣйшій факторъ состоитъ въ тѣхъ экономическихъ выгодахъ, которыя Польша извлекла изъ своего именно присоединенія къ Россіи и тор-

говли съ нею. Съ самаго своего основанія—1816 года и до 1850 года, за исключеніемъ двухлѣтняго короткаго періода, Царство Польское имѣло свой собственный таможенный тарифъ и таможенный кордонъ на Русской границѣ; но при этомъ ввозила свое сырье въ Россію безпошлинно, а обработанныя издѣлія съ ничтожной пошлиной въ 1%. Между тѣмъ важнѣйшій промыселъ въ то время Россіи—бумажная фабрикація, облагался при ввозѣ въ Польшу въ 15 разъ дороже, 15%. Сверхъ того, иностранные товары, обложенные по польскому тарифу незначительной пошлиной, ввозились часто въ Имперію, снабженные польскимъ клеймомъ, по тому же низкому тарифу для Польши въ 1%. Такимъ образомъ, присоединеніе къ Россіи создало для Польши обширный монополизированный рынокъ какъ для ея собственныхъ продуктовъ, такъ и для привозимыхъ ею иностранныхъ. *Отъ всего остальнаго свѣта Россія была ограждена высокой стѣной запретительнаго тарифа, и лишь Польша представляла собой ворота въ этой сплошной стѣнѣ!*

Въ 1850 году совершилось новое событіе въ исторіи польской промышленности, которое можно смѣло считать по счету четвертымъ факторомъ ея успѣха и развитія, а именно: таможенное объединеніе и уничтоженіе таможенной границы между Имперіей и Царствомъ. Первоначально таможенное сліяніе съ Имперіей встрѣчало помѣху для развитія промышленности въ дурныхъ путяхъ сообщенія, но съ шестидесятыхъ годовъ начинается постройка желѣзныхъ дорогъ и каждая новая линія, проводимая въ Привислянскомъ краѣ, а затѣмъ въ Имперіи, усиливаетъ спросъ на польскія издѣлія и поднимаетъ ростъ польской промышленности, давая стимулъ къ основанію новыхъ фабрикъ. Конечно, проведеніе желѣзныхъ дорогъ способствовало также и росту своихъ русскихъ фабрикъ, но польское производство за то же время строительства желѣзныхъ дорогъ увеличилось отъ 3 до $4^1/_2$ разъ быстрѣе, нежели русское. По моимъ лично добытымъ даннымъ $^4/_5$ всѣхъ польскихъ фабрикъ основаны позднѣе 1850 года, а чуть ли не половина этихъ фабрикъ вызвана на свѣтъ съ 1877 по 1885 годъ подъ прямымъ воздѣйствіемъ спеціально русскихъ финансовыхъ условій—

установленія такъ называемой золотой пошлины, упадка курса рубля и усиленной покровительственной системы.

Вмѣстѣ съ этимъ быстрымъ и несомнѣнно желательнымъ для интересовъ Россіи ростомъ польской промышленности, явилось, однако, весьма нежелательное условіе, вызванное именно быстротой роста нашего таможеннаго тарифа; а именно, вслѣдъ за сильнымъ увеличеніемъ тарифа доступъ на русскій рынокъ многимъ иностраннымъ фабрикатамъ былъ затрудненъ и даже нерѣдко сдѣланъ невозможнымъ; между тѣмъ, сырье или полуфабрикаты, нужные для приготовленія этихъ издѣлій, были обложены лишь незначительной пошлиной: и вотъ иностранные поставщики переносятъ свои фабрики, или ихъ отдѣленія за Русскую границу вмѣстѣ съ ихъ полнымъ обзаведеніемъ— машинами, орудіями и свѣдущими, опытными рабочими. Снабженные крупными капиталами, многіе иностранцы производятъ такое искусственное пересажденіе своихъ фабрикъ съ поразительной быстротой: такъ, во время пребыванія моего въ Польшѣ въ серединѣ 1886 года лишь началась постройка двухъ иностранныхъ фабрикъ камвольной шерсти крупныхъ размѣровъ въ Сосновицахъ и Ченстоховѣ, а въ Декабрѣ того же года, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ отъ самихъ предпринимателей, эти многомилліонныя предпріятія должны были быть пущены въ ходъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что появленіе на свѣтъ и развитіе подобныхъ фабрикъ одинаково невыгодно какъ для интересовъ русской промышленности, такъ и для самого фиска. Подобный производитель выигрываетъ въ свою пользу всю разницу между возвышенной цѣной продукта и той, которую бы онъ могъ взять на свободномъ рынкѣ: иностранный продуктъ получаетъ здѣсь фальшиво русское обличье и избѣгаетъ значительной части таможеннаго налога. Вотъ та сторона, на которую необходимо прежде всего должно быть обращено вниманіе правительства и приняты мѣры противъ роста подобныхъ промышленныхъ заведеній на нашей границѣ и наносимаго ими ущерба.

Съ другой стороны, несомнѣнно также, что всѣ крики и толки въ Московскихъ заинтересованныхъ сферахъ были

сильно преувеличены и раздуты: общіе размѣры производительности польской промышленности, кромѣ горнозаводской, составляли въ 1887 году 191 милліонъ рублей; между тѣмъ производство одной лишь Московской губерніи превышало 217 милліоновъ. Отсюда очевидно, что крупной опасности для русской промышленности, въ ея цѣломъ, отъ конкуренціи фабрикъ Царства Польскаго нѣтъ основанія ожидать, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ; мало того, въ главной отрасли и важнѣйшей Московскаго производства — въ хлопчатобумажной промышленности — преимущества на русской сторонѣ: наши бумажныя издѣлія въ большинствѣ лучше польскихъ и не дороже ихъ, почему у Имперіи съ Польшей и происходитъ сильный обмѣнъ на рынкѣ бумажныхъ товаровъ. Существуютъ чисто русскія фирмы, которыя постоянно и преимущественно отправляютъ свои товары въ Привислянскій край. Главный польскій продуктъ, который дѣйствительно конкурируетъ въ Имперіи съ русскимъ и вызываетъ нѣкоторую заботу, это шерстяныя издѣлія. Шерстяная промышленность развилась и установилась въ Польшѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ (въ производствѣ неваленыхъ тканей) раньше русской и усовершенствовалась значительно, по сравненію съ произведеніями Московскихъ фабрикъ.

Такимъ образомъ, и за русской, и за польской промышленностью въ качествѣ обработанныхъ продуктовъ существуютъ свои pro и contra: одни производства, какъ хлопчатобумажное,— выше въ Россіи; другія — шерстяное, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его частяхъ,—выше въ Польшѣ. То же, что о качествѣ, можно сказать и о шансахъ конкуренціи: въ однихъ отношеніяхъ, напр., въ дешевизнѣ труда, — преимущество за Московскими промышленниками, въ другихъ, напр., дешевизнѣ топлива, подъѣздныхъ путяхъ, лучшей техникѣ — преимущество на сторонѣ промышленниковъ Привислянскаго края. Очевидно, не можетъ быть вопроса о какихъ-либо насильственныхъ мѣропріятіяхъ правительства для уравненія шансовъ конкуренціи, и сами промышленники должны стремиться къ должному уравненію своихъ преимуществъ и недостатковъ въ интересахъ наилучшаго развитія

своего дѣла. Но въ то же время, однако, какъ это видно изъ моего краткаго историческаго очерка, польская промышленность отнюдь не имѣла естественнаго вполнѣ роста, и поляки должны не забывать, что промышленность ихъ представляетъ собой дитя правительственной опеки и многолѣтней заботливости русскаго государства, вспоенное и вскормленное въ значительной степени на русскихъ хлѣбахъ и на счетъ русскихъ потребителей (болѣе 50% польскихъ издѣлій вывозится въ Имперію) *). Другой важный вопросъ, связанный съ исторической судьбой польской промышленности, это—новѣйшее развитіе въ ней фабрикъ, основанныхъ собственно иностранцами и въ значительной части существующихъ на иностранномъ трудѣ, которое оказываетъ вліяніе на германизацію нашихъ польскихъ окраинъ и помогаетъ ей совершаться съ быстротой несравненно можетъ быть большей, нежели самый ростъ польской промышленности.

Изложивши вкратцѣ содержаніе „Историческаго очерка развитія польскихъ фабрикъ", перейдемъ къ сообщенію сущности самаго „Отчета" о нихъ.

Мы уже познакомились выше съ пятью задачами программы, возложенной на „Коммиссію" по изслѣдованію, а равно и съ перечисленіемъ въ 12 пунктахъ тѣхъ свѣдѣній, которыя должны были собирать Члены Коммиссіи для вы-

---

*) Въ настоящемъ, 1906 году, т. е. черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ вышеприведенные выводы были сдѣланы и мною написаны, многое въ Россіи, какъ въ политической жизни, такъ и во взглядахъ на польскій вопросъ, какъ извѣстно, радикально измѣнилось и, между прочимъ, выдвинутъ на авансцену вопросъ объ автономіи Царства Польскаго, т. е. о предоставленіи ему самостоятельнаго національнаго существованія. Эта важная будущая перемѣна въ судьбѣ Польши, если таковая состоится, тѣсно связана съ разсматриваемымъ выше въ моей книгѣ вопросомъ о ея фабрикахъ. Не входя въ обсужденіе вопроса объ автономіи, какъ не относящагося непосредственно къ данной работѣ, я не могу, однако, не указать, что при возможной оцѣнкѣ условій полученія Польшей такой автономіи и, слѣдовательно, самостоятельности въ ея экономической политикѣ (а русскіе и польскіе интересы могутъ быть часто въ противорѣчіи), не слѣдуетъ упускать изъ виду многомилліонный долгъ Польши Имперіи за созданіе и почти столѣтнее поддержаніе ея промышленности.

Такъ или иначе, но, по моему мнѣнію, Россія, предварительно рѣшенія вопроса о польской автономіи, имѣетъ право потребовать уплаты этого стараго долга. Другой вопросъ, имѣетъ ли Царство Польское возможность, или средства уплатить этотъ огромный долгъ?!

полненія возложеннаго на нихъ порученія. На основаніи этихъ 12 пунктовъ были составлены вопросы (числомъ 27), разосланные по всѣмъ Завислянскимъ фабрикамъ. Согласно этимъ вопросамъ, каждая фабрика заготовляла требуемыя свѣдѣнія, моя же обязанность состояла при посѣщеніи фабрики—въ провѣркѣ всѣхъ полученныхъ свѣдѣній посредствомъ фабричныхъ книгъ, документовъ, осмотра самой фабрики и ея учрежденій и подробнаго разспроса администраціи и рабочихъ. Всего мною лично было осмотрѣно и описано въ Царствѣ Польскомъ за 3 мѣсяца 89 фабрикъ и, сверхъ того, 11 таковыхъ же, большею частью, мелкихъ, интересныхъ въ таможенномъ отношеніи, были осмотрѣны вмѣстѣ съ г. Рогаль-Качурой и въ дневникъ описанія не попали, такъ что общее число осмотрѣнныхъ мною фабрикъ ровно 100 фабрикъ. Согласно первоначальному плану Коммиссіи, послѣ окончанія изслѣдованія членами Коммиссіи польскихъ фабрикъ должно было производиться параллельно изслѣдованіе московскихъ фабрикъ, но этой второй половины изслѣдованія по неизвѣстной мнѣ причинѣ не состоялось. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, отъ моей воли не зависящій, я обратился съ программой вопросныхъ пунктовъ, подобныхъ польскимъ, къ нѣсколькимъ крупнымъ Московскимъ фабричнымъ фирмамъ, но *получилъ отвѣтъ*, къ сожалѣнію, *всего только отъ 4 фабрикъ* и этими немногими данными и приходилось пользоваться для сопоставленія съ польскими, за исключеніемъ, пожалуй, статистики заработной платы, по которой въ моихъ предварительныхъ отчетахъ было собрано много свѣдѣній.

Первый вопросъ, который я долженъ былъ рѣшить по данной намъ программѣ, это — о взаимномъ отношеніи основного капитала на фабрикахъ къ производству. Въ Царствѣ Польскомъ оказалось производство въ большинствѣ случаевъ превосходитъ основной капиталъ, т. е. стоимость земли, зданія и машинъ, на нѣкоторыхъ производствахъ—даже въ три раза. Изъ сопоставленія имѣвшихся данныхъ Московскихъ фабрикъ съ польскими оказалась невыгода на сторонѣ первыхъ: на Московскихъ фабрикахъ затрата основного капитала была гораздо выше, чѣмъ на польскихъ. Въ то время

какъ на польскихъ фабрикахъ годичное производство равно или превышаетъ основной капиталъ, на Московскихъ фабрикахъ — это самое далеко не всегда имѣло мѣсто: очевидно, постройка, а можетъ быть и машины стоили въ Москвѣ дороже, что несомнѣнно, конечно, зависитъ прежде всего отъ общей дороговизны у насъ построекъ (дороговизны кирпича) и затѣмъ отъ господствующаго въ средней Россіи обыкновенія на большинствѣ фабрикъ, чтобы рабочіе жили въ хозяйскихъ помѣщеніяхъ.

Переходя къ главѣ второй „Отчета"—къ естественнымъ условіямъ, способствовавшимъ развитію въ Царствѣ Польскомъ фабрикъ, я останавливаюсь прежде всего на топливѣ. Подробное изслѣдованіе этого вопроса на мѣстѣ, равно и литература, констатируетъ несомнѣнный фактъ сравнительной выгодности топлива во всемъ Царствѣ Польскомъ передъ средней Россіей. Въ Москвѣ въ данное время (т. е. 20 лѣтъ назадъ) средняя цѣна за пудъ дровъ колебалась отъ 11 до 13 коп., а торфа—отъ 12 до 16 к. Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ—одно отопленіе—каменный уголь мѣстный и заграничный и цѣна его стоила отъ 2 до 15 к. за пудъ мѣстнаго и отъ 7 до 22 к. иностраннаго. Если взять сравнительный расходъ топлива, приходящійся на единицу продукта, то окажется, что въ общемъ фабричномъ оборотѣ Царства Польскаго топлива расходуется въ два раза меньше, чѣмъ на фабрикахъ Московской губерніи.

Сравненіе заработной платы Имперіи съ Царствомъ Польскимъ вездѣ привело меня къ выводу о лучшемъ, болѣе высокомъ заработкѣ польскаго рабочаго сравнительно съ его товарищемъ въ Москвѣ. Мужчина получаетъ въ среднемъ въ Польшѣ на цѣлую треть больше, чѣмъ въ средней Россіи, малолѣтніе чуть не на двѣ трети (60%) и особенно много сравнительно въ Польшѣ получаютъ женщины, плата коихъ на 3/4 превосходитъ русскую женскую плату на тѣхъ же производствахъ. Вдобавокъ къ этому надо сказать, что въ изслѣдуемое время (1886 годъ) никакихъ правильныхъ сроковъ расплаты съ рабочими въ средней Россіи еще не существовало: хозяинъ платилъ, когда желалъ и даже штрафовалъ рабочихъ, которые приставали съ просьбой о деньгахъ; лишь

законъ извѣстной намъ Коммиссіи Плеве установилъ съ 3 іюня 1886 г. первый разъ правильные сроки расплаты. Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ издавна срокъ расплаты регулярный: или двухнедѣльный, или недѣльный; притомъ расплата происходитъ въ Польшѣ всегда сполна чистыми деньгами, какъ я убѣдился не разъ на фабрикахъ, присутствуя въ моментъ расплаты. Точно также въ то время, когда въ остальной Россіи до 1886 года штрафы рабочихъ, и притомъ часто въ пользу хозяина, были очень многочисленны, разнообразны и произвольны, въ Царствѣ Польскомъ они взимались въ гораздо меньшемъ числѣ случаевъ, рѣже и возвращались обыкновенно рабочимъ въ томъ или иномъ видѣ (чаще всего они шли въ т. н. Krankenkassen).

Вообще отношенія рабочихъ къ хозяевамъ въ Царствѣ Польскомъ, согласно даннымъ моего изслѣдованія, гораздо были лучше и нормальнѣе, нежели въ Москвѣ и остальной извѣстной мнѣ Россіи. Сами польскіе рабочіе несомнѣнно гораздо выше и образованнѣе нашихъ русскихъ,—во-первыхъ, потому, что между рабочими Царства Польскаго значительная часть иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, прошедшихъ обязательную школу, во-вторыхъ—не смотря на малое развитіе образованія въ Царствѣ Польскомъ, вообще, фабрики имѣютъ гораздо больше грамотныхъ, нежели въ Россіи. Въ то время, какъ у насъ, на лучшихъ притомъ фабрикахъ, число грамотныхъ не превосходило 31%, на польскихъ—цифра грамотныхъ давала 45% для всѣхъ трехъ изслѣдованныхъ фабричныхъ районовъ, а изъ нихъ въ Сосновицахъ получалось 55% и въ Варшавѣ 56%. Въ Ченстоховѣ на игольной фабрикѣ мнѣ встрѣтилось четверо слесарей, кончившихъ курсъ въ мѣстной прогимназіи.

Точно также и большинство другихъ условій для рабочихъ поставлены тамъ лучше, чѣмъ на русскихъ фабрикахъ. Такъ, средняя продолжительность рабочаго времени тамъ короче, а именно была въ то время отъ 10 до 12 часовъ въ день, тогда какъ на Московскихъ фабрикахъ того времени она была въ среднемъ больше 12, и очень нерѣдко достигала до безобразной длины — 14 часовъ въ сутки. Если взять во вниманіе годовую работу, то окажется на польскихъ

фабрикахъ работали за вычетомъ праздниковъ 292 дня въ году, а на русскихъ—285 и Московскія фабрики въ результатѣ, если перевести время на часы работы, какъ оказывается, благодаря длинѣ каждодневной работы, вообще работали дольше польскихъ и послѣднія отъ меньшаго числа праздниковъ никакого преимущества въ смыслѣ годовой производительности не получали.

Другая сторона, которая сильно отличаетъ польскія фабрики отъ московскихъ, это—повальное отсутствіе фабричныхъ лавокъ, ведущихъ на Московскихъ фабрикахъ къ стольким злоупотребленіямъ, вызывая необходимость правительственнаго контроля. Такъ какъ огромное большинство польскихъ фабрикъ расположено въ селеніяхъ и вообще скучено (какъ напр. въ Петербургѣ), то снабженіе рабочихъ припасами предоставлено въ Польшѣ частной конкуренціи и въ этотъ вопросъ фабричная администрація совершенно не мѣшается. Гдѣ же существуютъ фабричныя лавки для рабочихъ, то онѣ обыкновенно являются въ Польшѣ потребительными обществами и ведутся при ближайшемъ участіи самихъ же рабочихъ и подъ ихъ надзоромъ.

Какъ я говорилъ въ своемъ инспекторскомъ отчетѣ за 1882—1883 гг., медицинская помощь на московскихъ фабрикахъ организована весьма неудовлетворительно и на большинствѣ ихъ существуетъ лишь номинально; но тѣмъ не менѣе на всѣхъ, по крайней мѣрѣ крупныхъ фабрикахъ, хорошо или дурно устроенныя больницы имѣются и даже составляютъ довольно существенный предметъ расхода. Въ Царствѣ Польскомъ даже на огромномъ большинствѣ крупныхъ фабрикъ больницъ совершенно не существуетъ, а расходъ на приглашеніе врача, на лѣкарства и т. п. фабрики всецѣло или отчасти перелагаютъ на самихъ рабочихъ. Извѣстный циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 21 Сентября 1866 года, обязывающій фабрикантовъ съ числомъ рабочихъ болѣе 100 человѣкъ къ устройству больницъ—циркуляръ этотъ совершенно не примѣнялся въ Царствѣ Польскомъ, а потому немногія тамъ фабричныя больницы обязаны своимъ появленіемъ въ свѣтъ исключительно личной филантропіи владѣльцевъ. Въ этомъ пунктѣ несо-

мнѣнно состоитъ разница въ значительномъ расходѣ для московскихъ фабрикъ, сравнительно съ польскими. Но въ то же самое время въ Польшѣ, на мѣсто хозяйской заботы въ этомъ отношеніи, выступаетъ самодѣятельность рабочихъ, подобно которой на Московскихъ фабрикахъ нѣтъ. Цѣль эта достигается въ Польшѣ посредствомъ т. н. Krankenkassen—кассъ для больныхъ, перенесенныхъ сюда, очевидно, изъ сосѣдней Германіи. Кассы эти, существующія частью на взносы только рабочихъ, частью хозяевъ и рабочихъ и штрафныхъ денегъ, доставляютъ своимъ членамъ, рабочимъ, не только одну медицинскую помощь въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. совѣтъ врача, лѣкарства и пр., но пособіе или пенсію семьѣ больного, а иногда даже и деньги на похороны умершихъ. Такимъ образомъ въ Польшѣ фабричный рабочій путемъ самодѣятельности и отчасти собственныхъ расходовъ получаетъ въ смыслѣ медицинской помощи большее удовлетвореніе своихъ нуждъ, чѣмъ въ Россіи, гдѣ на многихъ фабрикахъ Московской губерніи, даже съ хорошими больницами, стараются, первымъ дѣломъ, всякаго серьезнаго больного сплавить съ рукъ его родственникамъ или въ земскую больницу, если таковая имѣется, а семья, какъ правило, лишается въ больномъ своего кормильца. Въ настоящее время поэтому, когда въ Россіи предполагается страхованіе или лучшее обезпеченіе больныхъ рабочихъ и на старость, русскимъ рабочимъ придется привыкать къ организаціи такихъ кассъ, съ которыми польскіе собратья уже давно знакомы и освоились. Въ то время, какъ у насъ въ Россіи рабочіе стали бы навѣрное протестовать противъ постоянныхъ регулярныхъ взносовъ съ своей стороны, стараясь все цѣликомъ возложить на хозяевъ, польскіе рабочіе, напротивъ, привыкли къ этому порядку платежей и настолько зрѣлы и развиты, что хорошо понимаютъ, что хозяинъ, не желающій жертвовать свои деньги на этотъ предметъ, всегда найдетъ возможнымъ переложить обязательный взносъ на рабочихъ путемъ, напр., ничтожнаго пониженія въ разсчетѣ заработной платы и т. п.

Кромѣ того, хотя во всей Россіи, и внутренней, и въ Привислянскомъ краѣ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка благотворительныхъ учрежденій для рабочихъ вообще

было очень мало, но тѣмъ не менѣе въ Царствѣ Польскомъ они встрѣчались, по моимъ наблюденіямъ, всетаки чаще, чѣмъ на Московскихъ фабрикахъ, и сверхъ того самый способъ благотворительности былъ гораздо разнообразнѣе.

Въ заключеніе всѣ выше перечисленныя данныя, указывающія на лучшія во многихъ отношеніяхъ условія существованія на фабрикахъ польскаго рабочаго сравнительно съ Московскимъ привели меня къ выводу, что всѣ эти условія способствуютъ въ Польшѣ косвенно лучшему подбору рабочихъ и ихъ хорошему составу, что, весьма возможно, остается не безъ вліянія и на взаимные шансы конкуренціи съ внутренней Россіей. Тогда какъ въ Россіи рабочій—номадъ и весьма многихъ надо почти каждый разъ пріучать къ фабричному дѣлу, какъ бы оно ни было малосложно, а при возвращеніи ихъ къ земледѣльческому труду всѣ уроки забываются и надо вновь учить фабричному дѣлу, не говоря уже о переходѣ къ совсѣмъ иному промышленному занятію, въ Привислянскомъ краѣ дѣло обстоитъ совершенно иначе. Во-первыхъ, изъ 8 фабричныхъ рабочихъ тамъ одинъ непремѣнно иностранный подданный, т. е. лицо, никогда не занимавшееся земледѣліемъ и не имѣющее къ сельской работѣ никакого отношенія. Но то же самое въ значительной степени относится и къ большинству польскихъ рабочихъ, которые издавна посвящаютъ свой трудъ только промышленности. Понятно, что это значительно облегчаетъ и улучшаетъ весь ходъ фабричной работы сравнительно съ остальной Россіей, гдѣ очень часто тотъ самый мужикъ, который разбрасывалъ вчера вилами навозъ въ полѣ, или косилъ сѣно, сегодня, можетъ быть, на фабрикѣ Хлѣбникова чеканитъ дорогую серебряную вещь или ткетъ у Сапожникова парчу цѣною по 3 рубля за вершокъ работы. Вообще нельзя съ одинаковымъ успѣхомъ заниматься въ одно и то же время совершенно различными занятіями, „нельзя", какъ говоритъ пословица, въ одно время „двумъ богамъ молиться"...

Такъ какъ немалая часть польскихъ фабрикантовъ, въ то же время, являются владѣльцами фабрикъ гдѣ-нибудь заграницей и смотрятъ на свои польскія фабрики какъ на отдѣленія или филіи, то они пользуются одинаково выгодами

кредита какъ въ Россіи, такъ и заграницей, получая, слѣдовательно, деньги на гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели ихъ русскіе сотоварищи. Такъ что относительно ихъ можетъ быть вполнѣ примѣнена русская поговорка: „Ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ". Кромѣ того, какъ видно изъ собранныхъ мною данныхъ, польскія фабрики обложены гораздо слабѣе русскихъ и, слѣдовательно, пользуются значительнымъ преимуществомъ, по сравненію съ ними, будучи обложены болѣе легкими налогами, особенно мѣстными, которые могутъ, поэтому, въ интересахъ уравненія шансовъ конкуренціи, быть значительно увеличены.

Вообще—часть рабочихъ, большая часть служащихъ и, вѣроятно, также значительная часть капиталовъ польской промышленности — иностраннаго происхожденія и перенесены изъ-заграницы. Мало того, даже сырье ($^4/_5$ всего его количества), перерабатываемое на фабрикахъ Царства Польскаго —иностраннаго происхожденія. Какъ извѣстно, напр., Россія вывозила всегда большое количество шерсти заграницу, но на фабрикахъ Царства Польскаго болѣе половины всей обрабатываемой шерсти—всетаки иностранная и, не смотря на свои значительныя желѣзныя руды, огромная часть перерабатываемаго желѣза на заводахъ Привислянскаго края доставляется изъ-заграницы (почти $1^1/_2$ милліона пудовъ противъ своихъ 113 тысячъ). Единственный продуктъ сырья исключительно русскій: это — лишь тряпье для выдѣлки бумаги и искусственной шерсти, которое весьма нужно для собственныхъ русскихъ фабрикъ...

Такимъ образомъ фабричная промышленность Царства Польскаго отличается, сравнительно съ Московской, большими и разнообразными преимуществами, главнымъ образомъ природными (топливо и близость къ заграницѣ) или находящимися въ связи съ первыми (напр., болѣе обширный кредитъ), которыхъ, конечно, человѣкъ не въ силахъ измѣнить и затѣмъ гораздо лучшимъ положеніемъ рабочаго класса—болѣе грамотнаго, развитого и привыкшаго къ самодѣятельности. Сопоставляя шансы конкуренціи этихъ двухъ частей Россійской Имперіи, я прихожу въ концѣ своего изслѣдованія къ заключенію, что, во-первыхъ, для уравненія шансовъ кон-

куренціи Московская промышленность должна стремиться именно наиболѣе всего къ умственному и нравственному поднятію своего рабочаго класса, къ улучшенному подбору состава служебнаго и рабочаго персонала нашихъ фабрикъ. Во-вторыхъ, въ виду лучшихъ взаимныхъ отношеній въ Польшѣ хозяевъ и рабочихъ, русская промышленность должна позаботиться о наилучшемъ примѣненіи и осуществленіи только что изданнаго закона отъ 3 Іюня 1886 года, регулирующаго ихъ взаимныя отношенія *). Для другой стороны промышленности Царства Польскаго я наиболѣе рекомендую двѣ мѣры—увеличеніе податного обложенія польскихъ фабрикъ, особенно мѣстнаго, и затѣмъ нѣкоторыхъ мѣръ противъ чрезмѣрнаго наплыва иностранцевъ и устройства иностранныхъ фабрикъ, угрожающихъ нашимъ окраинамъ германизаціей и которыя по своему существу представляютъ лишь ловкій обходъ нашихъ таможенныхъ законовъ, въ ущербъ русскимъ производителямъ и даже потребителямъ.

Черезъ двадцать лѣтъ спустя, приводя здѣсь главнѣйшіе выводы изъ моего польскаго изслѣдованія, я считаю долгомъ сдѣлать одинъ новый выводъ, отвѣчающій измѣнившимся взглядамъ въ русскомъ обществѣ на будущія взаимныя отношенія Русской Имперіи къ Царству Польскому. Если мы согласно столь распространенному нынѣ мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нашихъ согражданъ, самоотверженно забывая о многихъ милліардахъ денегъ, затраченныхъ нами

---

*) «Поддержаніе и послѣдовательное введеніе въ жизнь началъ этого закона», буквально говорю я въ своемъ Польскомъ отчетѣ, «должны уменьшить поводы къ несогласію, устранить ихъ значительно въ самомъ корнѣ и создать на нашихъ фабрикахъ тотъ порядокъ и то благоустройство, которыми щеголяютъ польскія фабрики сравнительно съ нашими, не давая повода къ волненіямъ и эксцессамъ, столь пагубнымъ для правильнаго хода промышленности». См. «Отчетъ *И. И. Янжула* по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ». СПБ., 1888, стр. 104.

Насколько въ дѣйствительности заботились у насъ о достиженіи означенной цѣли выполненія закона 3 Іюня и вообще улучшенія взаимныхъ отношеній рабочихъ и хозяевъ, можно судить уже на основаніи фактовъ, приводимыхъ далѣе въ Главѣ Четвертой настоящихъ «Воспоминаній»; такъ какъ въ этомъ направленіи почти ничего не было сдѣлано, то и получилось «ex nihilo nihil»! За эту беззаботность мы и несемъ уже два года строгую кару, которая неизвѣстно когда кончится...

только на созданіе и поддержаніе Польской промышленности; желаемъ даровать ей нынѣ автономію и самостоятельную экономическую политику, которая, разумѣется, часто можетъ идти въ разладъ съ нашей собственной экономической политикой и, слѣдовательно, создавать намъ новый ущербъ, то не проще ли и не выгоднѣе ли было бы для удовлетворенія русскихъ интересовъ, вмѣсто автономіи предоставить Польшѣ совершенную политическую независимость и, трактуя ее какъ иностранное государство, отдѣлиться отъ нея таможенной чертой, конечно, съ общимъ имперскимъ тарифомъ?! Польша, какъ мы видѣли выше (и въ этомъ отношеніи за двадцать лѣтъ значительныхъ перемѣнъ быть не могло), перерабатываетъ на своихъ фабрикахъ главнѣйшимъ образомъ иностранное сырьё, отчасти иностранными руками, значительною частью въ пользу иностранныхъ капиталистовъ и къ выгодѣ и процвѣтанію иностранныхъ кредитныхъ учрежденій... Между тѣмъ цѣна ея продуктовъ на подобныхъ фабрикахъ, потребляемыхъ преимущественно на русскомъ рынкѣ, поднимается соразмѣрно нашему высокому тарифу и, безъ всякой особой выгоды для русскаго потребителя, уходитъ въ видѣ прибыли въ карманъ иностранныхъ капиталистовъ, а не поступаетъ на увеличеніе богатства и общаго благоустройства всей Россіи. Итакъ повторяю, не касаясь политической стороны вопроса, слишкомъ сложной и въ рѣшеніи которой я не считаю себя компетентнымъ, для нашихъ фабрикантовъ, рабочихъ и самихъ потребителей въ результатѣ осуществленія предполагаемой автономіи, съ непремѣннымъ условіемъ отдѣленія отъ Имперіи таможенной чертой, получится лишь увеличеніе поля для русской предпріимчивости и промышленной дѣятельности, расширеніе спроса на трудъ и оживленіе всей русской промышленности пропорціонально закрытію тарифомъ польской, или точнѣе (по крайней мѣрѣ частью), иностранной конкуренціи. Наоборотъ, голое признаніе польской автономіи, безъ всякаго вознагражденія и безъ таможеннаго отдѣленія отъ Россіи, означало бы для насъ, русскихъ, большой списанный со счета долгъ, безъ утѣшенія хотя бы чечевичной похлебкой въ уплату за это великодушное пожертвованіе,

11*

и сверхъ того Царство Польское, съ самостоятельной экономической политикой внутри себя, оставалось бы навсегда постоянной угрозой разнообразнымъ экономическимъ интересамъ Россіи, которые навѣрное весьма нерѣдко съ польскими совпадать не будутъ. Вообще, по моему искреннему убѣжденію, даже полное политическое отдѣленіе отъ Россіи Царства Польскаго выгоднѣе и безопаснѣе для насъ экономически, нежели автономія внутри Имперской границы. Caveant consules!

Глава четвертая.

Фабрично-инспекторскія обязанности съ 1-го Окт. 1887 г.—Утвержденіе различныхъ фабричныхъ документовъ. — Фабричныя Присутствія. — Отставка Н. Х. Бунге и назначеніе Министромъ И. А. Вышнеградскаго.—Предположенное превращеніе фабричныхъ инспекторовъ въ «становыхъ приставовъ». — Ругательная литература 1886—87 г.г.: Сергѣй Шараповъ, Ѳ. П. Гиляровъ-Платоновъ и Н. П. Ланинъ.—Отчетъ-изслѣдованіе акад. В. П. Безобразова. — «Нѣтъ никакого просвѣта»! — Моя отставка и возвращеніе въ «первобытное состояніе». — Заключеніе и общіе выводы.

По закону 3 Іюня 1886 г., вступившему въ силу только съ 1 Октября того же года, на фабричную инспекцію, независимо отъ обязанности по надзору за исполненіемъ постановленій о работѣ и обученіи малолѣтнихъ рабочихъ, возлагались еще цѣлыхъ 5 обязанностей, крайне сложныхъ и разнообразныхъ: двоякаго рода административная по п.п. а) и б), примирительная по пункту г), обвинительная по пункту д) и наконецъ контрольная по пункту в) — разсмотрѣніе и утвержденіе таксъ, табелей, росписаній и правилъ внутренняго распорядка. По одному лишь послѣднему пункту для фабричнаго инспектора создана была, особенно въ началѣ, при введеніи закона, огромная, можно сказать, прямо непосильная работа. Каждая большая фабрика представляла многіе десятки, чуть не сотни вышеуказанныхъ документовъ: всѣ ихъ надо было провѣрить, согласовать съ закономъ, а между тѣмъ, если не всѣ, то многія фабрики обнаруживали, не скрывая тенденцію, умышленно или невинно обойти законъ, или внести въ разнообразныя запрещенія закона какое-нибудь свое дозволеніе или разрѣшеніе. Инспектору надо было внимательно и осторожно перечитывать всякій документъ: не можетъ ли онъ какъ-нибудь быть

истолкованъ въ видахъ обхода закона и сдѣлаться, можетъ быть, навсегда дурнымъ прецедентомъ?! Огромныя кипы табелей заработной платы для развѣшиванія во всѣхъ разнообразныхъ мастерскихъ какой-нибудь громадной фабрики Морозовыхъ и харчевыя расцѣнки фабричныхъ лавокъ, представляемыя ежемѣсячно, требовали сугубой внимательности, а иногда и предварительныхъ справокъ о цѣнахъ на мѣстѣ *). Къ особенно долгимъ спорамъ часто вели послѣднія расцѣнки. Коммиссія Плеве, вырабатывавшая законъ, имѣла въ виду по возможности беречь заработокъ рабочаго отъ излишнихъ тратъ не по средствамъ, которыя могли бы поглотить, какъ мы видѣли случаи въ моихъ отчетахъ, все, что онъ заработаетъ и даже, пожалуй, съ остаткомъ долга фабриканту. Поэтому Коммиссія дала право инспекціи исключать въ расцѣнкахъ, что инспекторъ найдетъ чрезмѣрнымъ по цѣнѣ, или излишнимъ по своему назначенію и притомъ исключительно по отношенію къ продуктамъ, отпускаемымъ въ кредитъ. Между тѣмъ все это выражено было въ окончательномъ законѣ крайне неясно и неполно и потому вело постоянно къ спорамъ и недоумѣніямъ (п. 28 Правилъ о надзорѣ). Обратно съ первоначальной редакціей, какъ мы ее вырабатывали съ В. К. Плеве, послѣдняя редакція закона явилась въ такой несовершенной и произвольной формѣ, съ столь неточнымъ языкомъ въ изложеніи, что даже допущенъ былъ неизвинительный, по моему убѣжденію, капризъ толкованія, вродѣ словъ „и т. п.“ (п. 27 Правилъ о надзорѣ), что испортило мнѣ лично много крови въ сношеніяхъ и объясненіяхъ съ представителями разныхъ фабрикъ!

Инспектору (т. е. въ данномъ случаѣ для Московской губерніи, мнѣ съ докторомъ Рахмановымъ на 2000 фабрикъ) представлялись на разсмотрѣніе многими сотнями столь важные документы, какъ „разсчетныя книжки“, образецъ которыхъ хотя и былъ утвержденъ Губернскимъ Фабричнымъ Присутствіемъ, но которыя долго отличались большимъ разнообразіемъ, иногда на одной и той же фабрикѣ, „правила

*) Добавимъ къ этимъ неудобствамъ, что въ средней Россіи существуютъ многія и даже крупныя фабрики въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ разстоянія отъ желѣзныхъ дорогъ!..

внутренняго распорядка“, „табели денежныхъ взысканій“ по тремъ категоріямъ, разрѣшенные вычеты изъ заработка рабочихъ на разныя учрежденія и т. д. и т. д. Всю эту разнообразную массу документовъ разсматривалъ или утверждалъ инспекторъ, такъ сказать, на свою совѣсть и голову, ибо послѣдствія ошибки могли повести за собой значительную непріятность или для фабрики, или для рабочихъ. По нѣкоторымъ пунктамъ предварительно нужно было собирать (напр., о цѣнахъ припасовъ) мѣстныя справочныя цѣны главнѣйшихъ припасовъ (хлѣба, мяса, крупы, керосина и т. п.) и пересматривать сотни заборныхъ книжекъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи, чтобы опредѣлить размѣръ обычныхъ потребностей рабочихъ... Первое время, пока не приспособились, все это должно было вести, конечно, къ нескончаемымъ спорамъ, разъясненіямъ и недовольству со стороны представителей фабрикъ, непривыкшихъ къ какому-либо вмѣшательству въ ихъ хозяйственныя дѣла. Все имъ представлялось произвольной выдумкой или придиркой со стороны инспектора, и весьма часто приходилось подкрѣплять свои требованія непосредственнымъ прямымъ чтеніемъ соотвѣтствующей статьи закона. Но тутъ то и обнаруживалось все зло дурной неточной редакціи нашего закона, допускающей столь часто толкованіе „и вашимъ и нашимъ“!!

Д-ръ Рахмановъ, исполнявшій въ Московской губерніи съ перваго Мая 1886 года мои обязанности инспектора, вслѣдствіе моей командировки въ Царство Польское, очутился уже съ начала Августа въ затруднительномъ положеніи: со множества фабрикъ обращались къ нему и притомъ неоднократно съ письмами и запросами по поводу разъясненія того или иного пункта и правилъ новаго закона. Сверхъ того, къ нему начали поступать тысячи упомянутыхъ выше табелей и таксъ на утвержденіе. Будучи знакомъ съ новымъ закономъ исключительно лишь по его тексту и моимъ летучимъ разсказамъ о засѣданіяхъ Коммиссіи. Рахмановъ весьма часто затруднялся въ толкованіи и примѣненіи тѣхъ или иныхъ пунктовъ и обращался за разъясненіями ко мнѣ письмами или даже телеграммами, которыя блуждали за мной по Царству Польскому и заграницей. Фабриканты требовали

всѣхъ этихъ утвержденій поскорѣй, забывая силы человѣка, и угрожали нерѣдко чуть не бунтомъ рабочихъ и тысячными потерями для себя!... Все это привело къ ускоренію мною окончанія Польской экспедиціи и возвращенію въ Москву уже въ Сентябрѣ, чтобы выручить Рахманова и осуществлять самому законы, близкіе моему сердцу, въ виду значительнаго участія при ихъ выработкѣ.

Возвратившись въ Москву, я нашелъ бѣднаго д-ра Рахманова совершенно усталаго и измученнаго отъ непосильной работы, вызванной новымъ закономъ. Я тотчасъ же и самъ окунулся въ эту жизнь. Съ утра до вечера слышались у меня звонки и являлись люди въ видѣ довѣренныхъ съ фабрикъ, или сами хозяева съ цѣлью торопить насъ возвращеніемъ ихъ многочисленныхъ бумагъ, уже утвержденныхъ или просмотрѣнныхъ, чѣмъ мы буквально цѣлыя ночи съ Рахмановымъ занимались. Всѣ пришедшіе фабриканты или ихъ довѣренные были обыкновенно нервно настроены, торопились и торопили насъ: сдѣланныя нами исправленія тѣхъ или иныхъ правилъ, табелей или таксъ, смотря по характеру просителя, скромно или дерзко называли для себя неудобными или нежелательными, а иногда прямо объявляли, что не желаютъ подчиняться! Это, напримѣръ, сдѣлалъ старый самодуръ Ланинъ, приславшій мнѣ соотвѣтствующее заявленіе черезъ Оберъ-Полицеймейстера, по поводу котораго я долженъ былъ долго обдумывать и совѣтоваться съ юристами, какъ въ данномъ случаѣ поступить? Большинство, впрочемъ, было сговорчивѣе и ограничивалось только просьбой поторопиться, что было труднѣй исполнить, нежели сказать. Чтобы нѣсколько регулировать наплывъ этой публики и свой трудъ сдѣлать возможнымъ, такъ какъ намъ постоянно мѣшали работать вновь пришедшіе, я назначилъ спеціальные пріемные дни для фабрикантовъ — воскресенье и четвергъ, позднѣе и понедѣльникъ. Но эти пріемы дѣлали невозможнымъ существованіе всѣхъ моихъ домашнихъ въ пріемные дни, да и мало уменьшали наплывъ посѣтителей въ другіе дни недѣли. Всѣ комнаты моей квартиры наполнялись людьми, не находившими иногда даже мѣста, гдѣ присѣсть, и всѣ домашніе спасались въ спальню; прислуга ворчала, что

„такъ жить невозможно“: — „фабриканты ходятъ табунами“, — по ея выраженію, — и ни минуты нѣтъ покоя“... „Воскресенье и понедѣльникъ“, — писала моя жена своимъ родителямъ въ Ноябрѣ 1886 года, — „мы вытѣсняемся изъ квартиры, которая вся наполняется фабрикантами, приходящими за объясненіями, такъ что Параша (наша прислуга) то и дѣло перепутываетъ пальто и калоши и еще болѣе увеличиваетъ всеобщую суматоху“!...

О той же суматохѣ сообщаю и я самъ въ письмѣ къ Я. Т. М-му еще отъ 2-го Окт. 1886 года: „Каждый день“, — пишу я, — „меня съ утра до вечера осаждаютъ фабриканты десятками писемъ и запросовъ: я превратился въ скорописную машину, но все-таки не успѣваю всѣмъ отвѣтить. Нанялъ на свой счетъ двухъ письмоводителей; жена пишетъ съ утра до вечера, и конца этому писанію не предвидится... Засѣданія въ 2-хъ Присутствіяхъ происходятъ чуть не каждый день: въ одномъ — губернскомъ, я по закону сверхъ того еще дѣлопроизводитель, слѣдовательно, долженъ вести протоколъ, разсылать повѣстки, а гдѣ у меня канцелярія и разсыльный?! *). Пока Губернаторъ взялъ на себя послѣднее, т. е. разсылку, но съ условіемъ, чтобы я хлопоталъ скорѣе у Министерства денегъ на наемъ себѣ писцовъ и разсыльныхъ, а скоро ли этихъ дождешься? По требованію Губернатора, я ему завтра долженъ объ этомъ подать особую записку, а пока дѣлай все какъ хочешь!! Пожалуйста научите, какъ мнѣ тутъ поступить? Вѣдь въ Московской губерніи фабрикъ около 2000, столько же значитъ правилъ внутренняго распорядка и гораздо большее число табелей, расцѣнокъ, которыя я долженъ утверждать и многія притомъ ежемѣсячно — на какія же средства прикажете все это дѣлать?

---

*) По этому поводу вотъ что говорится въ письмѣ жены къ ея родителямъ отъ 14 Окт. 1886 г.: «Ив. Ив. черезъ день засѣдаетъ то въ Губернскомъ, то въ Столичномъ Фабричномъ Присутствіи, а дома его осаждаютъ фабриканты, относительно которыхъ Параша съ основаніемъ выражается, что они «ходятъ табунами». Предполагается устройство канцеляріи съ двумя писцами, а то я скоро обращусь въ совершеннаго протоколиста. Всякое хозяйство заброшено, кухарка дѣлаетъ, что хочетъ»...

Я въ совершенномъ отчаяніи: создали новыя обязанности, а о средствахъ какъ исполнять — забыли"!.. *).

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 6 Октября я благодарю Главнаго Инспектора за сообщенное имъ намѣреніе дать мнѣ лѣтомъ двухмѣсячный отпускъ, чтобы поѣхать заграницу полечиться и отдохнуть отъ моей утомительной работы. „Трудная и тяжелая жизнь моя въ настоящее время невольно заставляетъ высоко цѣнить всякое къ себѣ сочувствіе. Ваше доброе сердце подало Вамъ мысль о необходимости беречь мои силы и заботиться о здоровьѣ, и правда никогда еще такой совѣтъ въ моей жизни не былъ болѣе умѣстенъ и нуженъ... Вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду я не имѣю и мѣсяца отдыха: два лѣта одно за другимъ—усиленные разъѣзды и заботы, тогда какъ мои товарищи въ это время набираются силами; это лѣто мои надежды на отдыхъ, благодаря польской командировкѣ, улетучились: заграничная поѣздка была такъ коротка, что промелькнула какъ сонъ, да тутъ еще замѣшалась и болѣзнь жены... Я какъ-то весь опустился это лѣто и всѣ находятъ, что постарѣлъ и прибавилось морщинъ... А между тѣмъ: 1) я долженъ къ 12 Января приготовить Актовую рѣчь; 2) долженъ читать 4 часа лекцій; 3) еженедѣльно присутствовать и участвовать въ главной роли въ двухъ Фабричныхъ Присутствіяхъ; 4) ежедневно читать, соображать, измѣнять и утверждать по нѣсколько десятковъ, если не сотенъ, правилъ, табелей, таксъ и т. д.; 5) долженъ еженедѣльно не менѣе 3 разъ принимать, толковать, усовѣщевать, а иногда упрашивать не менѣе какъ сотню (!) московскихъ фабрикантовъ и 6) долженъ, наивозможно чаще, посѣщать фабрики и заводы не только Московской, но и Тверской губерніи... и долженъ дѣлать еще многое другое... А отчетъ о польской поѣздкѣ?!... Кстати, что мнѣ дѣлать теперь съ Тверской губерніей: какъ я буду уѣзжать на недѣлю изъ Москвы, когда меня

---

*) Въ этомъ письмѣ приводится слѣдующій любопытный подсчетъ пути, сдѣланнаго мною для исполненія закона за одинъ 1885 годъ, а именно: 110 верстъ на пароходѣ, 946 в. по грунтовымъ дорогамъ и 2840 по желѣзной дорогѣ, итого 3890 верстъ, не считая разъѣздовъ, иногда довольно отдаленныхъ по фабрикамъ г. Москвы.

здѣсь разрываютъ на части? Вѣдь безъ особеннаго утвержденія Министра Д. М. Рахмановъ даже не можетъ меня замѣнять въ Присутствіяхъ, а между тѣмъ возможно, и весьма даже, ихъ совпаденіе въ одинъ день. Новые помощники—только для Московской губ., а между тѣмъ для меня, при страшномъ прибавленіи обязанностей, остается та же Тверская губернія, куда все-таки надо же ѣздить самому, я помощниковъ не имѣю права посылать... Вѣдь это выходитъ довольно курьезно, не правда ли? Пожалуйста сообщите Ваше мнѣніе, какъ съ этимъ всѣмъ устроиться?...

„Весьма благодаренъ Вамъ“, продолжаю я свое письмо, „и за переводъ Рахманова изъ Калуги въ Москву и за назначеніе, наконецъ, 4 помощниковъ, изъ коихъ нѣкоторые мнѣ извѣстны. Рахмановъ—просто драгоцѣнный для меня человѣкъ, при всѣхъ его маленькихъ странностяхъ, и я право не знаю, что бы сталъ дѣлать безъ него—просто волкомъ бы завылъ. Мало того, что онъ умѣетъ необыкновенно много и долго работать, когда нужно, но еще не теряетъ при этомъ хорошаго настроенія духа и невольно меня бодритъ. Утромъ принимаетъ фабрикантовъ у меня и вмѣстѣ со мной, вечеромъ у себя, да какъ-то успѣваетъ въ промежуткѣ посѣщать фабрики: третьяго дня онъ едва не составилъ актъ у Дютфуа и только я просилъ его повременить и не увеличивать и безъ того непосильной нынѣ кучи заботъ“...

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 17 Ноября) Михайловскому я сообщаю ему о появленіи у меня, наконецъ, давно желанныхъ 4 помощниковъ (г.г. Литке, Кастальскаго, Никитинскаго и Федорова), о впечатлѣніи, которое они на меня произвели, и о томъ дѣленіи, которое я съ ними проектирую, фабрикъ Московской губерніи для ихъ будущихъ обязанностей. Къ этому добавляю маленькій проектъ контроля за новыми помощниками—по образцу англійскаго—краткій субботній еженедѣльный отчетъ о всемъ сдѣланномъ за предыдущее время. Далѣе передаю объ открытіи, согласно новому закону, упомянутыхъ Фабричныхъ Присутствій, о характерѣ ихъ дѣятельности и о томъ, что, къ сожалѣнію, опасенія относительно замѣны представителей земства и города въ этихъ

Присутствіяхъ фабрикантами вполнѣ оправдались. Очевидно, хлопоты А. Г. Неболсина по этому поводу или запоздали, или были безуспѣшны. „Фабричныя присутствія“, писалъ я въ этомъ письмѣ, „оба открылись и увы! два члена отъ Мануфактурнаго Совѣта – фабриканты изъ худшихъ (Санинъ и Кольчугинъ) лютуютъ и старательно портятъ законъ! Губернское Присутствіе открылось сначала по буквѣ закона лишь съ представителями города и земства, а затѣмъ внезапно пришло увѣдомленіе отъ Департамента и назначеніе тѣхъ же двухъ фабрикантовъ и туда... Оба присутствія въ лицѣ предсѣдателей уже враждуютъ: вице-губернаторъ (замѣняющій губернатора) въ Губернскомъ Присутствіи рѣшительно сталъ на сторону толкованія закона въ пользу рабочихъ, а потому оберъ-полицеймейстеръ, предсѣдатель Столичнаго Присутствія,—въ пользу фабрикантовъ... Въ результатѣ постановленное въ одномъ присутствіи отмѣняется въ другомъ и то, что считается нарушеніемъ закона внѣ города Москвы и влечетъ протоколъ (напр. освѣщеніе на счетъ рабочихъ, а не хозяевъ), въ столицѣ считается вполнѣ законнымъ и, слѣдовательно, безнаказаннымъ... Я просто нѣсколько разъ приходилъ въ отчаяніе и хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ объясниться съ обоими Министрами, т. е. съ Плеве и Бунге, какъ авторами закона. Пока рѣшилъ надняхъ составить по этому поводу записку и послать въ Департаментъ“...

Дѣйствительно я очутился въ довольно трудномъ положеніи, какъ этого и опасался, благодаря описанному появленію двухъ фабрикантовъ въ Фабричномъ Присутствіи, тогда какъ представители рабочихъ, разумѣется, отсутствовали и это послѣднее, конечно, весьма затрудняло мнѣ успѣшное веденіе ихъ дѣлъ. Въ тотъ короткій періодъ, который я оставался инспекторомъ послѣ приведенія въ дѣйствіе закона 3 Іюня 1886 года (менѣе одного года), въ обоихъ фабричныхъ присутствіяхъ разсматривались дѣла исключительно въ интересахъ рабочихъ (т. е. по поводу, ближайшимъ образомъ, ихъ интересовъ), и всегда г.г. члены Мануфактурнаго Совѣта были противъ, какъ бы правда ни стояла цѣликомъ на сторонѣ рабочихъ!... Помнится

мнѣ только одинъ разъ Кольчугинъ,—вообще болѣе корректный человѣкъ, нежели Санинъ—типъ неумолимаго представителя карманныхъ интересовъ г.г. фабрикантовъ вродѣ Найденова—оказался на моей сторонѣ, за что тутъ же получилъ нещадную головомойку отъ своего товарища! Я, какъ докладчикъ, былъ въ то же время какъ бы представителемъ и защитникомъ всякаго дѣла, а потому, разумѣется, употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы привлечь изъ обычнаго числа 6 членовъ Присутствія большинство на свою сторону. Постояннымъ моимъ союзникомъ былъ почтеннѣйшій прокуроръ П. Н. Обнинскій, не только всегда стоявшій и говорившій за рабочихъ въ Присутствіяхъ, когда многочисленныя занятія ему не мѣшали ихъ посѣщать, но и писавшій, какъ извѣстно, много о нихъ и о дѣлахъ нашихъ Присутствій въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“. Затѣмъ очень часто былъ моимъ союзникомъ, что многимъ можетъ показаться страннымъ, жандармскій генералъ Середа, страшный для тогдашнихъ борцовъ за освободительныя идеи *). Справедливость требуетъ сказать, что въ большинствѣ случаевъ онъ всегда стоялъ за правую сторону, какой во всѣхъ дѣлахъ, утверждаю, за тотъ годъ были только рабочіе. Къ сожалѣнію, онъ не часто посѣщалъ засѣданія Присутствія, а потому передъ особенно важными (да простятъ мнѣ боги!) засѣданіями я заѣзжалъ предварительно къ нему лично подготовить къ дѣлу и просить явиться въ засѣданіе!!. Предсѣдатель, т. е. губернаторъ Перфильевъ и оберъ-полицеймейстеръ Козловъ были измѣнчивы и на ихъ мнѣніе нельзя было вполнѣ разсчитывать ни въ одномъ самомъ вѣрномъ дѣлѣ. Худшимъ же для меня предсѣдателемъ, особенно часто подозрѣвавшимъ моихъ помощниковъ въ излишней „краснотѣ“, и доставившимъ мнѣ нѣсколько разъ непріятныя минуты, былъ извѣстный губернаторъ, замѣнившій Перфильева, князь Голицынъ, прославившійся въ позднѣйшее время, уже въ качествѣ Московскаго городского головы, наоборотъ, своимъ либерализмомъ.

Важную новость сообщаю я въ ближайшемъ письмѣ къ

*) Обычная шутка старика, когда я, посѣщая его, встрѣчалъ какое-либо неизвѣстное мнѣ лицо, была: «Рекомендую Вамъ профессора, съ которымъ я занимаюсь соціализмомъ»!

Михайловскому отъ 23 Декабря 1886 года: „Каторжная жизнь, которую я веду съ 1 Октября, почти уничтожила для меня всякую возможность корреспонденціи: цѣлый день вертишься въ разговорахъ то съ фабрикантами, то съ рабочими, то съ исправленіемъ и подписываніемъ безчисленныхъ правилъ, табелей, расцѣнокъ etc. etc. Сегодня для меня Свѣтлый Праздникъ раньше Праздника: я выигралъ въ Фабричномъ Присутствіи въ теченіе одной недѣли третью жалобу, на меня поданную, все по одному и тому же предмету — присвоеніе фабрикантами штрафовъ, мною по возможности изгоняемыхъ изъ ихъ Правилъ. Спасибо Присутствію: оно нѣсколько ободряетъ меня на трудномъ и тернистомъ пути, по коему приходится слѣдовать; даже съ фабрикантами по-немножку сходимся и, кажется, примиряемъ ихъ съ закономъ: недавно у меня было собраніе въ кабинетѣ представителей семи крупнѣйшихъ мануфактуръ и я вызвался ходатайствовать для нихъ передъ Присутствіемъ по одному вопросу“...

Далѣе то же письмо сообщаетъ объ окончаніи моей первой работы о Польшѣ и затѣмъ содержитъ запросъ о петербургскихъ новостяхъ. До меня дошли слухи о выходѣ въ отставку Н. Х. Бунге и о замѣнѣ его Вышнеградскимъ, котораго я совсѣмъ не зналъ, хотя однажды въ жизни видѣлъ его — на университетскомъ юбилеѣ въ Кіевѣ. Я не предвидѣлъ еще въ ту минуту, что мое инспекторское дѣло близится къ скорому окончанію и что всѣ благія начинанія установить въ Россіи правильное разрѣшеніе рабочаго вопроса и дать закономъ мирное русло для его теченія скоро разсыпятся прахомъ!.. Человѣческая близорукость и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ, не вѣдала, что творила: если бы всѣ эти дѣльцы, какъ Ермаковъ, Вышнеградскій, Найденовъ и другіе, которые постарались такъ усердно и скоро повернуть это теченіе съ его законнаго русла или засыпать его, могли предвидѣть, что сдѣлается результатомъ ихъ стараній, — ту страшную смуту, обѣднѣніе и упадокъ несчастной Россіи, который мы въ настоящее время переживаемъ, то, разумѣется, они ужаснулись бы своему дѣянію!!?..

Слухъ объ отставкѣ Бунге, къ сожалѣнію, немедленно оправдался: въ то же время въ газетахъ появилось извѣстіе и о назначеніи на его мѣсто И. А. Вышнеградскаго, извѣстнаго профессора и стараго дѣльца—такова была, по крайней мѣрѣ, о немъ ходячая молва въ обществѣ. Я почти тотчасъ же узналъ отъ И. Д. Слободчикова, предсѣдателя казенной палаты, что новый Министръ отклоняетъ всякія попытки главнѣйшихъ провинціальныхъ чиновъ его вѣдомства являться къ нему для представленія и уже де объявлено, что будетъ знакомиться со всѣми постепенно на дѣлѣ...

12 Января 1887 года (въ Татьянинъ день) происходилъ обычный Торжественный Актъ въ Московскомъ Университетѣ. Множество народа едва помѣщалось въ огромной круглой aula Университета. Въ этомъ году была моя очередь читать рѣчь и темой я выбралъ извѣстный уже намъ по вышеприведенному краткому изложенію „Историческій Очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ“. Модная тема привлекала всеобщее вниманіе и многочисленная публика терпѣливо выслушала полуторачасовую рѣчь. Еще во время чтенія я замѣтилъ запоздавшаго и прошедшаго въ первые ряды грузную фигуру почтеннѣйшаго городского головы Николая Александровича Алексѣева. Я былъ съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, какъ съ наиболѣе корректнымъ, по своимъ образцовымъ отношеніямъ къ рабочимъ, изъ фабрикантовъ Московской губерніи. Мы съ нимъ видались нерѣдко и въ обществѣ и въ разныхъ учрежденіяхъ и вообще относились другъ къ другу дружественно: я до сихъ поръ вспоминаю съ глубокимъ сожалѣніемъ о трагической кончинѣ этого замѣчательно талантливаго русскаго человѣка и считаю ее большой потерей для Москвы... Когда рѣчь кончилась, Алексѣевъ, подойдя ко мнѣ, поздравилъ по обычаю съ праздникомъ (Татьянинымъ днемъ) и шепнулъ, чтобы я не торопился уходить, что ему надо со мною поговорить..

„Мнѣ очень Васъ прискорбно огорчить въ день Вашего праздника и послѣ торжества Вашей рѣчи“, сказалъ Алексѣевъ, когда мы съ нимъ отошли въ сторону, „но я считаю долгомъ Васъ предупредить, чтобы Вы приняли это къ

свѣдѣнію: новый Министръ Финансовъ сильно предубѣжденъ противъ фабричной инспекціи вообще и противъ Васъ въ особенности. Я только что изъ Петербурга", продолжалъ онъ, „гдѣ какъ разъ во время моего пребыванія И. А. Вышнеградскій былъ назначенъ Министромъ. Будучи давно знакомъ съ нимъ"... здѣсь Алексѣевъ замялся... „по разнымъ дѣловымъ сношеніямъ... я счелъ нужнымъ ему представиться. Онъ принялъ меня очень хорошо, облобызался... „Да, вѣдь Вы фабрикантъ, ну что Вы думаете о фабричной инспекціи, этой выдумкѣ Бунге"? Когда я ему отвѣтилъ, что я лично жаловаться на нее не могу и состою въ лучшихъ отношеніяхъ съ инспекціей, Вышнеградскій рѣзко оборвалъ: „Ну, Вы тогда исключеніе!.. Особенно хорошъ Вашъ Янжулъ: мутитъ рабочихъ, настраиваетъ противъ хозяевъ, со всѣхъ сторонъ его бранятъ—нѣтъ, этого я больше не потерплю и постараюсь сократить. Если бы только инспекція была изобрѣтена въ настоящее царствованіе, то ее легко было бы совсѣмъ отмѣнить, но, къ сожалѣнію—въ прошлое, а памяти Родителя не слѣдуетъ касаться... Но это все равно... Я постараюсь передать инспекцію въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ—пусть изъ инспекторовъ сдѣлаютъ становыхъ приставовъ"!!—„Итакъ, вотъ что Вамъ предстоитъ", „заключилъ свой разсказъ Алексѣевъ", я Вамъ передалъ вѣрно слова Министра, а отзывъ о Васъ даже нѣсколько смягчилъ. Вы повѣрите, разумѣется, что я не желаю лучшаго инспектора, чѣмъ Вы, но очевидно мой теска Найденовъ достаточно настроилъ Вышнеградскаго противъ Васъ... примите мѣры"!

Разумѣется, я никакихъ мѣръ принять не могъ, но принялъ сообщеніе къ свѣдѣнію: весь тонъ сказаннаго Алексѣевымъ звучалъ такою искренностью, что не могло быть и тѣни сомнѣнія въ истинѣ сообщеннаго имъ,—да и съ какой стати этотъ сильный, умный и независимый человѣкъ сталъ бы измышлять и передавать подобныя новости, если не исключительно движимый сочувствіемъ ко мнѣ?... Здѣсь въ первый разъ пришла мнѣ мысль объ отставкѣ... Если хотя косвенно подтвердятся слова Алексѣева объ отношеніи Вышнеградскаго къ инспекціи, то, конечно, ничего путнаго

ждать дальше нельзя; пока же надо запастись терпѣніемъ и ожидать дальнѣйшаго хода событій и когда составится вполнѣ прочное убѣжденіе, что дальше дѣлать ничего нельзя и предстоитъ лишь превращеніе,—„метаморфоза"—по желанію этого добраго министра, инспекторовъ въ „становые", ну, тогда пора немедленно уходить прочь"!...

„Крайне однообразно и монотонно течетъ моя жизнь", писалъ я Михайловскому вскорѣ послѣ означеннаго событія (26 Января 1887 года), „три раза въ недѣлю по старому являются ко мнѣ толпы фабрикантовъ съ кучами бумагъ, три раза въ недѣлю занятъ чтеніемъ и подписываніемъ этихъ бумагъ и какъ много надъ ними ни сидишь, а все конца не предвидится!? До сихъ поръ мною и Рахмановымъ утверждено около 800 фабрикъ и, слѣдовательно, остается работы, по меньшей мѣрѣ, столько же, сколько и передѣлали!... Вопросы, которые наиболѣе меня волнуютъ это—необходимость особой канцеляріи и средствъ для нея. Вся моя квартира наполнена бумагами и загажена посѣтителями; сдѣлать справку и найти бумагу вещь нелегкая, а между тѣмъ со стороны фабрикантовъ поэтому справедливыя сѣтованія на медлительность и пропажу бумагъ. Безъ правильной канцеляріи и письмоводителя положительно ничего не подѣлаешь: за 3 мѣсяца у меня входящихъ бумагъ образовалось болѣе 1200 №№, хотя заносилась не болѣе какъ четвертая часть получаемаго; отвѣты, кромѣ необходимѣйшихъ, даю исключительно лишь словесно... Другой важный вопросъ, это—отличіе фабрикъ отъ ремесленныхъ заведеній: являются фабриканты и сами спрашиваютъ, подлежатъ ли они закону 3 Іюня, а между тѣмъ, по старому, въ этомъ вопросѣ ничего не подвинулось и какъ прежде—полнѣйшая неопредѣленность... Далѣе, вопросъ о метрикахъ—въ старомъ положеніи, и священники не хотятъ выдавать ихъ малолѣтнимъ, а тѣхъ гонятъ за это съ фабрикъ... „Но довольно объ этомъ", заключаю я свое письмо: „напишите, пожалуйста, добрѣйшій Яковъ Тимофеевичъ, что нибудь насчетъ нашего новаго начальства, что о немъ слышно?... По всей вѣроятности ради польскихъ дѣлъ мнѣ не миновать пріѣхать въ столицу"...

Переписка наша съ Я. Т. М. подъ вліяніемъ удручающихъ обстоятельствъ и всеобщаго унынія становилась все рѣже и рѣже. Нельзя, конечно, въ письмахъ было не касаться того, что волновало и занимало умы, а это въ свою очередь лишь ухудшало настроеніе духа и усиливало уныніе; поэтому, обратно съ прежнимъ цѣлые мѣсяцы проходили безъ переписки съ Главнымъ Инспекторомъ. Ближайшее, вслѣдъ за предыдущимъ, письмо мое помѣчено 3 Марта, т. е. прошло болѣе мѣсяца, прежде чѣмъ я собрался вновь написать, тогда, какъ раньше, какъ припомнимъ, сношенія были еженедѣльныя...

„Печальныя новости" (объяснялъ я свое долгое молчаніе Я. Т. М.), „постоянно получаемыя изъ Петербурга, невольно сократили нашу корреспонденцію: рѣшительно не знаешь, что писать кромѣ жалобъ или сѣтованій, а этого добра и у другой стороны достаточно! Наконецъ я рѣшился нарушить это молчаніе и спросить Васъ уже не о дѣлахъ инспекціи, а лично о Васъ, какъ Вы сами поживаете въ эти тяжелыя времена, а главное здоровы ли? Я физически чувствую сейчасъ себя сносно, но нравственно совершенно измученъ и жажду спокойствія, какъ еврей манны небесной: до сихъ поръ, напримѣръ, толчея фабрикантовъ у насъ не прекращается, а на канцелярскія деньги для найма особаго помѣщенія давно потерялъ надежду... Какъ Вамъ уже извѣстно изъ оффиціальнаго сообщенія Департамента, я получилъ мѣсячный отпускъ и какъ Вы, вѣроятно, догадались, ради работъ по Польской Коммиссіи. Меня настойчиво спрашивали, когда я, наконецъ, приготовлю Отчетъ; изъ другихъ членовъ Коммиссіи нѣкоторые свой уже покончили, и вотъ я рѣшилъ уединиться отъ фабричныхъ дѣлъ, безъ чего я не въ состояніи ничѣмъ серьезно заняться или сосредоточиться. Этотъ четвергъ у меня послѣдній пріемъ фабрикантовъ, а затѣмъ сдаю книги Рахманову и запираю накрѣпко двери... Такого горячаго нетерпѣнія, какъ развязаться съ Коммиссіей и кончить Отчетъ я даже, кажется, не испытывалъ, когда писалъ свою магистерскую диссертацію!... Лѣтомъ необходимо во что бы то ни стало отпра-

виться заграницу, хотя бы рубль дошелъ до гривенника *): безъ серьезнаго отдыха, боюсь бѣдъ отъ ненормальной теперешней жизни"...

Я еще во Второй Главѣ останавливалъ вниманіе читателей моихъ „Воспоминаній" на ложномъ мнѣніи, когда-то распространенномъ въ Москвѣ о моей будто бы чрезмѣрной инспекторской строгости и взыскательности въ отношеніи фабрикантовъ и старался опровергнуть это мнѣніе, какъ совершенно превратное и на фактахъ не основанное. Во всякой другой странѣ я не разъ, можетъ быть, уличался бы въ чрезмѣрной преступной снисходительности, а никакъ не строгости... Однако, тѣмъ не менѣе косвеннымъ подтвержденіемъ существованія и распространенности въ Москвѣ такого мнѣнія служитъ обширная ругательная литература того времени, направленная противъ фабричной инспекціи и спеціально противъ меня **): той же самой строгостью, моимъ произволомъ и притѣсненіемъ, чинимымъ промышленникамъ, во имя якобы неправильно толкуемаго закона, объясняли нѣкоторые представители тогдашней печати многія мои инспекторскія распоряженія и проступки.

Когда я вспоминаю этотъ эпизодъ моей жизни, онъ меня теперь болѣе уже не раздражаетъ и не волнуетъ, чуть не до слезъ, какъ въ свое время, двадцать лѣтъ назадъ, но скорѣе смѣшитъ, а если и огорчаетъ, то лишь косвенно, какъ фактъ человѣческой испорченности и доступности людей подкупу или неправдѣ съ самыми притворными и лицемѣрными возгласами заботливости якобы о благѣ человѣчества и увѣреніями о несуществующемъ вредѣ... Въ то же самое время во всей этой фальшивой игрѣ печатнымъ словомъ красными нитками по черному шитью ярко проглядываетъ просто желаніе лягнуть человѣка и

*) Я разумѣлъ отчаянную тогда спекуляцію рублемъ заграницей и страшный упадокъ курса.

**) Началась она съ присылки многихъ анонимныхъ ругательныхъ писемъ противъ меня, какъ инспектора, а одинъ разъ даже длиннаго стихотворенія съ этой цѣлью, описывающаго риѳмами мои злодѣянія надъ бѣдными фабрикантами и рабочими. Оно начиналось, примѣрно, такъ:

«На Софіи былъ Стамбулъ,
А въ Москвѣ Янжулъ!»

заставить всѣхъ и всякаго очевидную ложь принять за истинную правду!..*).

Вся эта ругательная литература 1886 и 1887 гг. какъ разъ при вступленіи въ силу закона 3 Іюня 1886 года, имѣвшаго цѣлью водворить у насъ нѣкоторый порядокъ на фабрикахъ и защитить рабочихъ отъ произвола, давно канула въ Лету и забыта по заслугамъ. Мнѣ же, одному изъ главныхъ объектовъ этой газетной ругани и травли, выражаясь, аллегорически, она напоминаетъ больше всего стаю собакъ, напавшихъ на прохожаго въ темную ночь нашей сонной общественной жизни... Впереди мчится большой цѣпной песъ, только что спущенный московскими обывателями, дабы травить инспекцію и отравлять ей существованіе. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда инспекторъ уже ушелъ, цѣль была какъ бы достигнута, но песъ не получилъ обѣщанной кости, его надули „милліонеры“ и онъ горько жалуется на свою судьбу „нашимъ друзьямъ, читателямъ и подписчикамъ“... Далѣе слѣдуетъ за нимъ умный и ученый пудель, который то и дѣло виляетъ, не зная, чью сторону принять:

---

*) Московскій корреспондентъ «Новаго Времени» отъ 22 Ноября 1886 г. такъ картинно изображаетъ въ своемъ еженедѣльномъ фельетонѣ эту травлю инспекціи продажной московской прессой:

«Посмотримъ, спрашивается, какъ отвѣчаетъ намъ послѣдняя недѣля на вопросъ: что нужно москвичамъ въ отдѣльности?

Московскимъ фабрикантамъ нужно стереть съ лица земли фабричный инспекторатъ.

Господа инспектора насолили гг. фабрикантамъ своими отчетами, извлеченія изъ которыхъ уже начали появляться въ газетахъ. Кампанія противъ инспекторовъ началась партизанскими стычками. Въ первую вылазку командированъ былъ г. Шараповъ, увлеченный славой Фигнеровъ, Сеславиныхъ и Давыдовыхъ. Онъ развернулъ знамя съ надписью «Держись, либералы!»—и ударилъ на г. Янжула. Встрѣченный сильнымъ отпоромъ, онъ побѣжалъ собирать подкрѣпленія по мануфактурамъ и въ «Соврем. Извѣстіяхъ» открылась новая пальба по г. Янжулу и по всѣмъ инспекторамъ изъ орудій того самаго «Фабриканта», который и г. Шарапова вооружилъ на бой своими свѣдѣніями (подъ письмомъ «Соврем. Извѣстій» значится подпись: «Фабрикантъ, сообщившій свѣдѣнія «Русскому Дѣлу»). [вѣроятно, Дѣтиновъ или Морозовъ изъ Богородска. И. Я.]). Но эта открытая печатная борьба въ одиночку еще не страшна; страшенъ тотъ натискъ, который готовится теперь въ тиши одного изъ московскихъ ресторановъ. Московскіе и подмосковные фабриканты съѣхались на военный совѣтъ, обѣдаютъ теперь и ужинаютъ въ компаніи, а въ промежуткахъ между лѣнивыми щами и «натуральными» раками точатъ зубы съ антропофагическими цѣлями. Что съѣсть инспекторовъ нужно, это для всѣхъ фабрикантовъ очевидно, только не рѣшено еще, подъ какимъ соусомъ...

Надняхъ это рѣшится. («Нов. Вр.», отъ 22 Ноября 1886 г.).

то лаетъ на инспекцію, то ласкается къ ней, смотря по тому, въ какую сторону глядятъ его друзья и пріятели— московскіе фабриканты... Наконецъ, сзади бѣжитъ маленькая шавка, не умѣющая даже самостоятельно лаять, а только подражающая и подвывающая большимъ собакамъ...

Моя шуточная картина нападенія московской прессы на инспекцію въ 1886 г. весьма близка къ тому, что въ дѣйствительности происходило, и намъ необходимо здѣсь надолго остановиться и подробно познакомиться съ этой литературой. Дѣло въ томъ, что, къ сожалѣнію, эта печать при всей своей очевидной негодности, въ свое время производила эффектъ и дѣйствіе и многихъ даже вполнѣ порядочныхъ людей ставила въ тупикъ: „Неужели правда все, что говорится теперь въ газетахъ о вновь созданной инспекціи?! Чѣмъ этотъ произволъ инспекторовъ лучше—старыхъ чиновниковъ изъ взяточниковъ: отъ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, можно было откупиться"?! Сверхъ того, настраиваемое московскими тузами Петербургское начальство безпокоилось, морщилось и засыпало инспекцію запросами, требуя объясненій, письменныхъ и личныхъ...

Насколько мнѣ извѣстно, первымъ застрѣльщикомъ въ этой „сокрушительной" литературѣ противъ инспекціи выступилъ г. Сергѣй Шараповъ въ №№ 28 и 29 „Русскаго Дѣла" (1 Ноября 1886 г.). Большая, довольно несвязная, но бойко написанная статья посвящена по содержанію новому фабричному закону. Г. Шараповъ заранѣе уже обрекаетъ этотъ законъ осужденію за его якобы либерализмъ, что одно уже въ его глазахъ является важнымъ аргументомъ противъ закона. Все русское общество представлено какимъ-то домомъ умалишенныхъ, которые подъ вліяніемъ, будто, лишь ярлыка „либеральный" хватаются за законъ и дѣлаютъ разныя безчинства и надъ фабрикантами и надъ рабочими.

«На нашихъ глазахъ происходитъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій русскаго умственнаго маскарада. Ярлыкъ «либерально» привѣшенъ съ надлежащей торжественностью ни больше ни меньше, какъ къ новосозданному государственному учрежденію, преслѣдующему по мысли законодателя самыя простыя и самыя здравомысленныя цѣли. Мы говоримъ о фабричной инспекціи, опирающейся на новое «Положеніе о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы» и «Правила о надзорѣ за фабриками и заводами» и другія законодательныя постановленія по промышленной части»...

«Инспекція ко всеобщему удивленію русскихъ людей окрасилась вдругъ въ ярко-либеральный цвѣтъ. Къ ней воспылали всѣ интеллигентныя сердца, въ ней стали видѣть вовсе не то, что она есть на самомъ дѣлѣ (или чѣмъ должна была бы быть), именно бодрствующій, дѣятельный органъ государства, регулирующій отношенія между фабрикантами и рабочими. Въ ней увидали только оплотъ бѣдствующаго пролетарія, страдальца - работника противъ произвола жирнаго, дикаго и свирѣпаго угнетателя, фабриканта. Отовсюду несутся хвалебные гимны: тамъ-то и тамъ схватили и расказнили безсердечнаго кулака-эксплуататора. Тамъ явился снова фабричный инспекторъ и такъ скрутилъ фабриканта, что тотъ раздумываетъ, ужъ не прекратить ли ему производство? Въ другомъ мѣстѣ, наконецъ, налегли на малолѣтнихъ. Либеральная ревность о меньшемъ братѣ, да еще о дѣтяхъ (тутъ даже Евангельскія слова въ ходъ пускались) была такъ велика, что и дѣти и родители взвыли хоромъ и стали вымаливать и выкупать у волостныхъ писарей подложныя свидѣтельства о возрастѣ, лишь бы хоть обманомъ удержаться на работѣ и провести «недреманное око» фабричнаго инспектора».

Дальше слѣдуетъ высмѣиванье либерализма защиты дѣтей и сѣтованія на изгнаніе бѣдняжекъ съ фабрикъ и т. п. Совершенно не кстати какой-то пріятель, Калужскій химическій заводчикъ, просилъ г. Шарапова упомянуть и о его „утѣсненіи“: задохся де рабочій въ печи съ вредными газами, такъ Фабричное Присутствіе притѣсняетъ, чтобъ фабрикантъ будто бы за двѣ недѣли давалъ знать объ очисткѣ подобной печи и т. д. (?!). Уже послѣ этого идетъ главная суть обвиненія: приводится расцѣнка или такса изъ большой фабричной лавки (Богородско-Глуховской мануфактуры Морозовыхъ), гдѣ и находится главный объектъ инспекторскаго преступленія. Согласно ст. 28 Правилъ закона 3 Іюня расцѣнка или такса харчевыхъ лавокъ, какъ мы видѣли, утверждается инспекторомъ, и вотъ г. Шараповъ вопіетъ о произволѣ и злоупотребленіи, находя, что многіе товары вычеркнуты изъ таксы, т. е. не могутъ быть допущены къ продажѣ. Сначала г. Шараповъ не понимаетъ, зачѣмъ я вычеркивалъ нѣкоторые товары, но потомъ догадывается, справившись въ законѣ, что я долженъ былъ разрѣшать для забора въ кредитъ только „недорогіе“ „доброкачественные“ товары. Свое открытіе онъ выражаетъ въ слѣдующемъ свободномъ толкованіи:

«—Но помарки г. Янжула сдѣланы далеко не зря. Въ нихъ есть идея, которую разгадать совсѣмъ не трудно. Г. Янжулъ рѣшительно не допускаетъ рабочаго до того возгордиться, чтобы стать пить чай, хотя бы даже въ 1 р. 60 коп. фунтъ или курить папиросы въ 4 к.

пачку. Онъ находитъ, что манная каша для дѣтей, баранки и сухари, совсѣмъ излишняя роскошь; онъ соображаетъ, что покупать отруби для свиньи, или коровы, есть уже непростительное мотовство и что печь блины изъ тульской муки прямо противно тому мѣсту правилъ, гдѣ рекомендуется недорогая провизія».

«Къ разряду предметовъ роскоши отнесены также стеариновыя свѣчи, которыя хотя дороже сальныхъ на 7 коп. за фунтъ, но выгоднѣе вдвое; самовары перваго сорта, обои выше 19 коп. кусокъ и даже крупичатая мука!

Но l'appetit vient en mangeant: чѣмъ внимательнѣе вчитывается г. Шараповъ въ харчевую расцѣнку, утвержденную инспекторомъ, тѣмъ больше начинаетъ дѣлать открытій о смыслѣ и значеніи инспекторскаго произвола.

«Проглядывая съ большимъ вниманіемъ запрещенія г. Янжула, мы находимъ и еще одну, тоже бросающуюся въ глаза и даже ничѣмъ не прикрытую тенденцію разрѣшить все скоромное и, по возможности, запретить все постное... (!!!?).

Это гадость, это доносъ! закричалъ г. Янжулъ и его поклонники...

Ахъ, почтенный г. профессоръ, какъ бы не хотѣлось намъ слышать этого гнуснаго слова, какъ бы не хотѣлось обвинять Васъ въ такой ужасной вещи, какъ борьба съ постановленіями церковными и народными обычаями (ого! ого)!! .. Но, Бога ради, растолкуйте же намъ, въ силу какой логики исключили Вы почти всю рыбу, оставя только 3-й сортъ севрюги, сельди, сухихъ судаковъ и лещей? Ради чего изгнали Вы всѣ грибы, сжалившись лишь надъ сушеными желтыми въ 20 коп. фунтъ, исключили голландскія сельди, даже по пятачку штука».

Подъ конецъ Шараповъ почти сталъ догадываться, что торговля ведется двоякимъ образомъ—въ кредитъ и—на наличныя, и что инспекторъ, очевидно, желаетъ по возможности стѣснить кредитъ, чтобы рабочій не забиралъ сверхъ мѣры, чтобы заработокъ его не поглощался харчевымъ заборомъ собственной фабрики, а затѣмъ на наличныя деньги можетъ брать сколько угодно и чего желаетъ... Но догадываясь объ этомъ, г. Шараповъ хитритъ и приписываетъ инспектору намѣренія, которыхъ онъ совсѣмъ не имѣетъ, стѣснять заборъ служащихъ, до которыхъ ему никакого нѣтъ дѣла и съ которыхъ фабричная лавка можетъ брать сколько ей угодно.

«Для насъ, говоритъ г. Шараповъ, важенъ самый фактъ. Крупный агентъ правительства, облеченный довѣріемъ высшей власти и призванный вносить любовь и порядокъ въ фабрично-заводскій міръ первопрестольной столицы, позволяетъ себѣ явно издѣваться надъ однимъ изъ очень существенныхъ условій фабричной жизни, надъ организаціей продовольствія. Однимъ почеркомъ пера онъ лишаетъ цѣлыя сотни мастеровъ и служащихъ, получающихъ высшій за-

работокъ и привыкшихъ жить порядочно,—возможности брать изъ фабричной лавки хорошіе и крайне умѣренно расцѣненные продукты, лишаетъ дѣтей всего остального населенія манной крупы и крупичатой муки, коровъ—отрубей, куръ—овса и т. д. и т. д.» *).

Дальнѣйшей защитѣ фабричныхъ лавокъ отъ инспекторскаго произвола г. Шараповъ посвящаетъ еще цѣлый рядъ статей „Русскаго Дѣла", стараясь донять инспекцію не мытьемъ, такъ катаньемъ, ибо, въ сущности, никакой новой аргументаціи онъ не приводитъ. Но цѣль статьи была достигнута: г. Шараповъ подалъ примѣръ, началъ шумѣть, а за нимъ послѣдовалъ гораздо болѣе крупный человѣкъ г. Гиляровъ-Платоновъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ". Статья въ этой послѣдней газетѣ появилась чрезъ нѣсколько дней спустя и хотя въ ней ссылаются на статью Шарапова, но, очевидно, статья, судя по манерѣ „Современныхъ Извѣстій", написана по спеціальному заказу или порученію и отъ Шарапова не зависѣла.

Обратно съ г. Шараповымъ почтенный Ф. П. Гиляровъ-Платоновъ не имѣлъ еще случая познакомиться съ новымъ фабричнымъ закономъ и сѣвши писать статью, конечно, по просьбѣ своихъ благопріятелей противъ фабричной инспекціи, глазомъ опытнаго журналиста пробѣжавши указанную статью Шарапова въ „Русскомъ Дѣлѣ", нашелъ матеріалъ уже достаточнымъ и безъ всякихъ справокъ въ законахъ: „Очевидно, дѣло просто... обычный вопросъ личнаго произвола чиновника, да вдобавокъ чиновника, несомнѣнно, находящагося не въ своемъ умѣ"?! Далѣе, редакторъ передаетъ первоначально въ сжатомъ видѣ содержаніе фальсифицированной харчевой расцѣнки той же Богородско-Глуховской Мануфактуры, пред-

*) Любопытно, какъ велика можетъ быть и нагла ложь у нѣкоторыхъ людей, когда они разсчитываютъ на безнаказанность или знаютъ, что ложь не будетъ обнаружена. Настоящій случай представляетъ для того наилучшее доказательство: инкриминируемая въ данномъ случаѣ харчевая расцѣнка Богородско-Глуховской Мануфактуры на Октябрь мѣсяцъ 1886 г., была въ дѣйствительности просмотрѣна и утверждена вовсе не мною, а моимъ помощникомъ д-ромъ Рахмановымъ въ Сентябрѣ, еще до возвращенія моего изъ Польши, но такъ какъ въ «Русскомъ Дѣлѣ» выставлялся умышленно авторомъ утвержденія я инспекторъ, а не мой помощникъ, котораго подпись стояла навѣрное подъ расцѣнкой, то я счелъ долгомъ принять все это обвиненіе на себя и пошла писать губернія... Такъ дѣлается исторія!!...

ставитель которой и навѣрное ходатайствовалъ передъ Ф. П. о статейкѣ. Онъ никакъ не можетъ взять въ толкъ, не слыхавши о законѣ 3-го Іюня 1886 года, чѣмъ руководствовался инспекторъ при запрещеніи однихъ продуктовъ и дозволеніи другихъ?!... „Что-нибудь одно изъ двухъ“,—думаетъ редакторъ,—„или попросту сказать инспекторъ спятилъ, или это фактъ величайшаго самодурства, весьма странный въ профессорѣ“!..

Вотъ какъ собственно разсуждаетъ въ своей статьѣ Ф. П. Гиляровъ-Платоновъ:

«Почему же, за что же, гдѣ основаніе? Редакція «Русскаго Дѣла» оказываетъ честь г. Янжулу, придумывая для него побужденія, въ видѣ желанія исключить изъ обихода рабочихъ все мало-мальски аристократическое и, кромѣ того, ограничить по возможности употребленіе постной пищи. Но, во-первыхъ, это несправедливо: рыба и грибы въ нѣкоторыхъ сортахъ оставлены, а затѣмъ дозволены къ продажѣ куры и даже индѣйки,—кушанье нѣсколько изысканное. А, во-вторыхъ, нужно предположить въ г. Янжулѣ, насколько онъ извѣстенъ по своей общественной дѣятельности, нѣсколько болѣе ума, если искать какихъ-нибудь осмысленныхъ побужденій. Иначе пришлось бы удостовѣриться, что извѣстный ученый лишенъ самаго даже простого здраваго смысла; ибо только при полномъ его отсутствіи, въ бреду, можно запрещать къ продажѣ безусловно чай, а оставлять сахаръ рафинадъ, который и нуженъ для чая (ибо сахарный песокъ дозволенъ самъ собой). А затѣмъ, какой здравый смыслъ запрещать къ продажѣ... яйца, этотъ всеобщій, ничуть уже не исключительно аристократическій предметъ потребленія! По нашему мнѣнію: г. Янжулъ потѣшается. И это есть довольно обыкновенное послѣдствіе неограниченнаго произвола! «Моя рука владыка! Что хочу, то и дѣлаю»! Не болѣе, какъ видоизмѣненіе извѣстнаго, «моему нраву не препятствуй», примѣненное лишь къ другой средѣ, обнаруживаемое не Титомъ Титычемъ, лишеннымъ умственнаго и нравственнаго воспитанія, а профессоромъ, стяжавшимъ извѣстность въ наукѣ, и притомъ огражденное законнымъ полномочіемъ, которое за нимъ стоитъ».

Выводъ напрашивается самъ собой и не нуждается въ комментаріяхъ.

«Словомъ, фактъ, сообщаемый «Русскимъ Дѣломъ» по отношенію къ самому г. Янжулу, есть *фактъ психическій* и съ этой одной точки онъ заслуживаетъ разсмотрѣнія. Общественный же интересъ здѣсь заключается въ вопросѣ: ну, такъ къ чему же болѣе ведетъ это новое полицейское учрежденіе съ широкимъ личнымъ произволомъ, къ дѣйствительному ли огражденію правъ рабочаго и обузданію Титъ Титычей, или только къ большей еще деморализаціи? Г. Янжулъ, внѣ всякаго сомнѣнія, не позволитъ себя купить. Но всѣ ли будутъ безгрѣшны? А какой соблазнъ фабрикантамъ объяснить: «должно быть я забылъ праздники»! А гг. инспекторамъ какое искушеніе»!

Какъ видимъ, статья „Современныхъ Извѣстій“, ре-

дакторъ которой совершенно невиненъ въ законѣ и видимо даже не догадывается о причинахъ запрещенія тѣхъ или иныхъ товаровъ въ расцѣнкѣ, написана тѣмъ не менѣе замѣчательно ловко и съ этой точки зрѣнія приводитъ правдоподобное объясненіе совершенно непонятныхъ дѣйствій инспектора. Это обстоятельство вмѣстѣ съ именемъ Ф. П. Гилярова, заставило меня отступить отъ правила не мѣшаться въ газетную полемику и попробовать объяснить редактору мотивы своихъ непонятныхъ для него дѣйствій... Но первоначально скажу два слова о новой статьѣ того же характера въ газетѣ—производителя шипучихъ водъ и русскаго шампанскаго Н. П. Ланина—„Русскій Курьеръ". Очевидно, еще пылая на инспекцію злобой за привлеченіе его къ суду и осужденіе по закону о малолѣтнихъ рабочихъ, г. Ланинъ приказалъ своему молодцу въ конторѣ, завѣдующему газетой, написать статью противъ инспектора, но какъ тотъ ни выдавливалъ изъ себя содержанія статьи, но ничего не могъ получить кромѣ повторенія ламентацій по поводу извѣстныхъ уже намъ фактовъ изъ судебнаго рѣшенія по дѣлу Ланина—объ отпускѣ малолѣтнихъ, выбрасываніи де ихъ на улицу, закрытіи хозяиномъ училища, неправильномъ де привлеченіи „виннаго склада и разлива виноградныхъ винъ россійскаго произведенія" съ акцизнымъ патентомъ въ 25 рублей подъ законъ о фабричной инспекціи и т. п. вздоръ. Въ заключеніе жалкая статейка „Русскаго Курьера" (откуда мы заимствуемъ также и перепечатку статьи „Современныхъ Извѣстій") повторяетъ за другими газетами выходку о вредномъ де совмѣщеніи инспекторомъ Янжуломъ должностей по двумъ вѣдомствамъ, т. е. профессора и фабричнаго инспектора, безъ всякихъ, конечно, доказательствъ!.. („Русскій Курьеръ", № 305, отъ 5 Ноября 1886 года).

Я сдѣлалъ упомянутую выше ошибку и написалъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ" объяснительную статью, которая, какъ и слѣдовало бы мнѣ предварительно знать, произвела въ ругательной литературѣ дѣйствіе масла, брошеннаго въ огонь. Статьѣ моей предшествуетъ маленькое вступленіе отъ редакціи, здѣсь приводимое („Современныя Извѣстія", № 309, отъ 9 Ноября 1886 г.):

«Ниже сего передаемъ письмо г. Янжула. Оказывается, что нѣкоторые товары воспрещены имъ къ продажѣ въ фабричной лавкѣ не безусловно, а запрещается лишь отпускать ихъ въ кредитъ рабочимъ. Это нѣсколько измѣняетъ видъ дѣла. Мы должны еще оговориться, что яйца и селедки, равно какъ и чай (низшихъ сортовъ) не воспрещены; въ реестръ запрещенныхъ они попали у насъ по ошибкѣ» (!!).

«Въ чистотѣ и гуманности побужденій г. инспектора мы ни минуты не сомнѣвались. Не подвергаемъ сомнѣнію и законность дѣйствій фабричной инспекціи: она дѣйствуетъ въ предѣлахъ дарованнаго ей полномочія, цензируя лавочные реестры. Но мы остаемся при своемъ принципіальномъ разногласіи, которое надѣемся на-дняхъ объяснить подробнѣе. Цѣль, которую имѣетъ въ виду инспекція, недостижима такимъ путемъ. Въ частности и излишняя задолженность рабочаго, намъ кажется, не будетъ предупреждена ограниченіемъ кредита опредѣленными товарами. Той же задолженности рабочій подвергнетъ себя количествомъ забора, хотя онъ будетъ ограниченъ въ качествѣ: это кругъ, изъ котораго не выйдешь, коль скоро кредитъ самъ по себѣ запрещенъ. Такъ, намъ кажется, и во всемъ: задача инспекціи—неблагодарная задача при теперешнихъ правилахъ».

«Вотъ письмо г. Янжула»:

„Милостивый Государь!“

„Въ одномъ изъ недавнихъ выпусковъ вашей газеты вамъ угодно было помѣстить статью съ рѣзкимъ осужденіемъ моей дѣятельности какъ фабричнаго инспектора, утверждающаго таксы и расцѣнки фабричныхъ лавокъ. Не входя въ разборъ самой статьи, я покорнѣйше прошу васъ въ интересахъ простой справедливости дать мѣсто небольшому объясненію лишь о тѣхъ побужденіяхъ, коими я руководствуюсь, исполняя мои обязанности въ отношеніи регулированія фабричнаго продовольствія. Новый фабричный законъ 3 Іюня 1886 года еще мало знакомъ публикѣ и даже заинтересованнымъ лицамъ, а какъ доказываетъ настоящій случай, въ самой прессѣ комментируется и понимается весьма неправильно. Какъ вамъ вѣроятно не безызвѣстно, лавки при фабрикахъ, являясь во многихъ случаяхъ—особенно въ глуши—необходимостью, въ то же время, къ сожалѣнію, ведутъ, какъ доказано было не разъ на судѣ,—ко многимъ злоупотребленіямъ. Не говоря уже о чрезмѣрныхъ цѣнахъ, а иногда и недоброкачественности продуктовъ, уже самый фактъ отпуска въ кредитъ при существующей доселѣ нерегулярной и даже случайной расплатѣ, ведетъ къ тому, что рабочему очень нерѣдко на нѣкоторыхъ фабрикахъ денегъ получать почти совсѣмъ не приходится. Начиная съ гармоники и плисоваго жилета и оканчивая шелко-

вымъ платкомъ для жены и орѣхами или иными сластями для дѣтей — все къ его услугамъ соблазнительно предлагается въ долгъ. Эта вредная сторона организаціи нашего фабричнаго продовольствія настолько сознается самыми благомыслящими фабрикантами, что одинъ изъ нихъ (крупный московскій фабрикантъ *) въ Коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ г. Товарища Министра Плеве, вырабатывавшей новый фабричный законъ, высказался даже прямо въ пользу законодательнаго воспрещенія отпуска въ кредитъ изъ фабричныхъ лавокъ, „ибо такой отпускъ", говорилъ онъ, „соблазнителенъ для рабочихъ и нынѣ нерѣдко влечетъ за собой злоупотребленія и даже недоразумѣнія между рабочими и хозяевами".

Разсматривая и утверждая лавочныя расцѣнки по новому закону, разумѣется, я не могу не имѣть въ виду, соглашаясь съ вышесказаннымъ, всѣ пагубности кредита и смотрю на фабричныя лавки лишь какъ на необходимое зло (конечно, допуская при этомъ исключенія): чѣмъ менѣе рабочій изъ нихъ беретъ, чѣмъ менѣе тамъ для него соблазновъ, тѣмъ лучше, и тѣмъ больше денегъ можетъ у него остаться изъ заработка. Поэтому, исполняя сказанную обязанность, я стараюсь отпускъ въ кредитъ рабочимъ ограничить по возможности лишь предметами необходимости, продаваемыми по умѣренной притомъ цѣнѣ. На этомъ основаніи всякія мои зачеркиванія и отчеркиванія въ представляемыхъ мнѣ на утвержденіе таксахъ не имѣютъ другого значенія, какъ указаніе того, что́ должно продаваться рабочимъ (и только однимъ рабочимъ) на книжку или въ долгъ и что нѣтъ: ни одинъ продуктъ, поэтому, нынѣ продаваемый въ фабричныхъ лавкахъ (а нѣкоторыя напоминаютъ собой по разнообразію большой гастрономическій и мануфактурный магазинъ), безусловно не воспрещенъ и не изгоняется. Рабочій можетъ тамъ покупать на деньги всякій товаръ, но одни лишь недорогіе предметы необходимости въ кредитъ. Вся разница отъ прежняго — исключительно въ этомъ раздѣленіи товаровъ на двѣ категоріи: а) доступ-

*) Н. А. Алексѣевъ, бывшій городской голова гор. Москвы.

ныхъ для пріобрѣтенія рабочихъ лишь на наличныя деньги и б) отпускаемыхъ въ долгъ. Само собой разумѣется, что понятіе о дорогомъ и необходимомъ весьма условно, и просматривая въ настоящее время чуть не сотни расцѣнокъ ежедневно съ самыми разнообразными товарами, я стараюсь изъ нихъ исключить для отпуска въ кредитъ рабочимъ все то, что, по моему крайнему убѣжденію, не составляетъ для рабочаго (насколько въ четыре года я познакомился съ его бытомъ) безусловной необходимости или же что оцѣнено высоко сравнительно съ мѣстной цѣной, хотя рабочій не лишенъ въ то же время возможности купить этотъ запрещенный товаръ на наличныя деньги тамъ же, на фабрикѣ, или въ сосѣдней лавочкѣ. Не забудьте, что тотъ же новый законъ стремится установить правильную, не менѣе какъ въ мѣсяцъ разъ, расплату, могущую облегчить рабочему такую покупку на наличныя деньги. Наконецъ, для регулированія цѣнъ въ разумныхъ предѣлахъ, я руководствуюсь цѣнами припасовъ въ сосѣднихъ частныхъ лавкахъ и другихъ фабрикахъ той же мѣстности, и эти свѣдѣнія мнѣ будутъ доставляться моими помощниками правильно и ежемѣсячно со всѣхъ концовъ губерніи.

Вотъ тѣ, милостивый государь, г. редакторъ, побужденія, которыми я руководствуюсь, по силѣ моего разумѣнія, имѣя въ виду наилучшимъ образомъ выполнить возложенную на меня нелегкую обязанность. Разумѣется, первое время, особенно при страшномъ одновременномъ наплывѣ дѣла, начиная съ 1 Октября, съ моей стороны въ этомъ отношеніи возможны пропуски и недосмотры (которые, замѣчу вскользь, легко исправить въ ближайшій же мѣсяцъ), но большинство курьезовъ, приводимыхъ „Русскимъ Дѣломъ" и частью повторяемыхъ въ вашей газетѣ, не имѣютъ, смѣю завѣрить, никакого реальнаго основанія.

Надѣюсь въ заключеніе, милостивый государь, что какъ бы вы ни смотрѣли на задачи фабричной инспекціи, но послѣ моего объясненія, вы убѣдитесь, что мои дѣйствія имѣютъ за себя законное основаніе, никому никакого вреда не дѣлаютъ, а наносятъ только ущербъ немногимъ изъ фабрикантовъ, привыкшимъ выручать чрезъ свои фабричныя

лавки чуть не все то, что израсходовано въ годъ на заработную плату".

Примите и проч. И. Янжулъ.

Ноября 7 дня 1886 года.

Въ № 317 „Современныхъ Извѣстій" отъ 17 Ноября того же 1886 года появилась новая статья по рабочему вопросу, подписанная „Фабрикантъ", сообщившій свѣдѣнія „Русскому Дѣлу", т. е. представитель той же Богородско-Глуховской мануфактуры Морозовыхъ (вѣроятно г. Дѣтиновъ), который вдохновлялъ Шарапова. Вмѣсто дословнаго разбора и объясненій, она содержитъ въ себѣ со стороны г. „Фабриканта" прославленіе ихъ фабричной лавки и указаніе на ея милліонный оборотъ, что, разумѣется, не только не умаляетъ необходимость для подобной крупной торговли извѣстнаго контроля, установленнаго закономъ, но, напротивъ, должно вызывать усиленіе его: большая лавка въ суммѣ даетъ большой доходъ фабрикѣ, а такой доходъ дѣло совершенно постороннее для уважающаго себя производителя, чего не понимаетъ, очевидно, „г. Фабрикантъ" и до чего онъ не дошелъ (не дозрѣлъ!)—что фабрика должна жить фабричнымъ доходомъ, а не лавочнымъ. Одинаково, поэтому, является страннымъ чисто купеческій аргументъ г. „Фабриканта", что ихъ лавка нужна де многимъ постороннимъ; но, во-первыхъ, фабричный законъ не касается „постороннихъ", а имѣетъ въ виду лишь удовлетвореніе нуждъ фабричныхъ рабочихъ, а, во-вторыхъ, можетъ быть „посторонніе" и не имѣютъ въ Богородскѣ хорошихъ лавокъ именно въ виду сокрушительной конкуренціи крупнѣйшей фабричной лавки.

Желая подкрѣпить принятаго подъ его опеку г. „Фабриканта", г. редакторъ „Современныхъ Извѣстій" привелъ вполнѣ вѣрное соображеніе противъ существующаго въ русскомъ законѣ контроля фабричныхъ лавокъ, но, къ сожалѣнію, двадцать лѣтъ тому назадъ слишкомъ фантастическое, а именно, что рабочіе де лишены права въ Россіи организаціи, что за совокупностью ихъ не признано значенія юридической личности, что признай законъ рабочихъ, сошедшихся на фабрику за цѣлое, за артель, „начертай ей конституцію,

устрой отвѣтственность“ и т. д. и т. д., тогда было бы, конечно, гораздо лучше, съ чѣмъ вполнѣ и я согласенъ, конечно, и не нужно было бы въ такомъ случаѣ, можетъ быть, контроля надъ фабричными харчевыми расцѣнками... Но дѣло обстояло тогда, всѣмъ извѣстно, какъ разъ иначе, и никакого права организаціи или коалиціи рабочихъ у насъ не существовало и въ поминѣ и, слѣдовательно, объ этомъ способѣ въ 1886 году возможно было бы говорить лишь какъ о желательномъ для достиженія идеалѣ — pium desiderium—не болѣе того, а никакъ не пользоваться имъ для критики существующихъ формъ фабрично-инспекторскаго контроля, прямо приноровленныхъ ко всему тогдашнему государственному строю...

Приведенныя либеральныя воззрѣнія покойнаго редактора „Современныхъ Извѣстій“ не помѣшали, однако, ему въ своемъ введеніи къ статьѣ „Фабриканта“ обвинить меня въ „Кабинетной благонамѣренности“ и пріютить на страницахъ своей газеты означенную статью, исполненную лжи и клеветы. Очевидно, были на лицо давленія достаточно сильныя, по которымъ редакторъ не могъ отказать въ принятіи статьи. Г. „Фабрикантъ“, напримѣръ, обвиняетъ меня, ни мало ни много, въ томъ, что мой карандашъ и его ошибки, какъ онъ выражается, вносятъ будто бы „смуту и сѣютъ сначала недоразумѣнія, а затѣмъ и еще нѣчто худшее въ существующія добрыя и вполнѣ сердечныя отношенія къ рабочимъ“ (?!!). Въ заключеніи этотъ представитель г.г. Морозовыхъ (одно дѣло противъ которыхъ я выигралъ въ Присутствіи), началъ говорить уже отъ имени цѣлаго Московскаго промышленнаго округа (отождествляя себя съ нимъ), что онъ видитъ-де въ моей дѣятельности „много нежелательнаго, страннаго и, если угодно, опаснаго“ (?!!).., опять таки безъ всякаго подтвержденія или доказательства!...

Въ цѣломъ рядѣ статей г. Шараповъ постарался воспользоваться моимъ вышеприведеннымъ отвѣтомъ Гилярову, хотя написаннымъ вовсе не для него, чтобы наговорить новыхъ небылицъ на мою голову, или сочинить свои собственныя толкованія закона о кредитѣ для рабочихъ въ фабричныхъ лавкахъ. Такъ напр., не смотря на то, что статья 28 Пра-

вилъ и составлена спеціально для ограниченія кредита рабочихъ, тѣмъ не менѣе г. Шараповъ въ № 31 „Русскаго Дѣла“, отъ 23 Ноября 1886 года, категорически отвергаетъ такое толкованіе и желаетъ видѣть законъ своего собственнаго изобрѣтенія, который на кредитъ рабочихъ и ихъ разореніе харчевыми лавками никакого бы вниманія не обращалъ. Поэтому, обратно моему утвержденію, что на наличныя—рабочій можетъ покупать рѣшительно все, что ему угодно, безъ всякаго контроля, не смотря на такую мысль и толкованіе въ Коммиссіи Плеве, гдѣ я участвовалъ и гдѣ этотъ законъ выработанъ, не смотря, наконецъ, на соотвѣтственное рѣшеніе Московскаго Губернскаго Фабричнаго Присутствія по этому предмету, Шараповъ твердитъ только одно: „нѣтъ, не можетъ, не можетъ, не можетъ“!!...

Безцеремонность и литературная неразборчивость г. Шарапова доходитъ, наконецъ, до такихъ Геркулесовыхъ столбовъ, что онъ, нарушая всѣ литературныя приличія, вторгается въ мою частную жизнь, собираетъ данныя обо всемъ, что я дѣлаю и чѣмъ занимаюсь и что долженъ дѣлать, принимаетъ на себя непризнанную роль полицейскаго сыщика и университетскаго педеля или субика по Университетскому Уставу 1884 г. и даже о моихъ профессорскихъ грѣхахъ доноситъ другому моему начальству—Министерству Народнаго Просвѣщенія!...

Вотъ образчикъ такой нечистоплотной литературы:

«Во-первыхъ, г. Янжулъ заваленъ дѣломъ, а потому сознается въ пропускахъ и недосмотрахъ. Охотно вѣримъ. Фабричная инспекція да еще въ Московскомъ районѣ дѣло совѣмъ не шуточное. Работы у г. Янжула такъ много, что для личныхъ объясненій съ фабрикантами онъ не въ состояніи удѣлить болѣе д в у х ъ ч а с о в ъ в ъ н е д ѣ л ю (ложь!), да и то въ воскресенье, такъ что на эти аудіенціи собирается иногда человѣкъ по сто, напрасно ждущихъ очереди. А тутъ еще лекціи въ университетѣ. Г. Янжулъ, какъ добросовѣстный ученый, предпочелъ вовсе не читать до перваго Ноября своего финансоваго права (ложь!), чѣмъ читать его зря, такъ сказать, для очистки совѣсти. До 1 Октября онъ проѣздилъ, какъ извѣстно, въ Царство Польское и работалъ въ Правительственной Коммиссіи, почему, между прочимъ, не состоялись и экзамены по финансовому праву (ложь!); къ 1-му Октября накопились дѣла по инспекціи и лекціи пришлось отложить снова (ложь!). Начались ли онѣ теперь—намъ неизвѣстно, но, по всей вѣроятности, подготовка къ нимъ и другія ученыя занятія вовсе не легки и отнимаютъ у г. Янжула массу времени».

«Въ заключеніе скажемъ, что, даже по собственному признанію г. Янжула, его положеніе совсѣмъ ненормально. Онъ заваленъ работой,

выполнить которую одинъ человѣкъ физически не въ состояніи. Мы далеки отъ того, чтобы предполагать въ г. Янжулѣ корыстную цѣль— получать двойное содержаніе по министерству финансовъ (около 6 тыс. р.) и по министерству народн. просвѣщенія (около 4 тыс. руб.) (?!). Мы увѣрены, что это лишь простое желаніе сдѣлать какъ можно больше, простая «жадность къ работѣ», какъ говорятъ мужики. Но и это не оправданіе. Нельзя одновременно вести хозяйство и брать командировки въ отъѣздъ; равнымъ образомъ нельзя читать лекціи и готовиться къ нимъ въ тиши кабинета и въ то же время уѣзжать на 2, на 3 недѣли для осмотра фабрикъ въ самый разгаръ учебныхъ занятій. Нужно выбирать что-нибудь одно, или, если непремѣнно нужно нѣсколько дѣлъ, то по возможности однородныхъ. Мы не знаемъ, какъ, что и съ какими результатами читаетъ г. Янжулъ студентамъ. Знаемъ, что тамъ онъ стяжалъ себѣ нѣкоторую извѣстность, какъ профессоръ и литераторъ (?!). Какъ фабричный инспекторъ, г. Янжулъ сумѣлъ оскорбить и возмутить весь московскій промышленный міръ, который, смѣемъ думать, состоитъ не изъ однихъ же черныхъ злодѣевъ? Здѣсь дѣятельность г. Янжула на виду и она, скажемъ прямо, нехороша. Между тѣмъ изъ-за нея страдаетъ преподаваніе, такъ какъ приватъ-доцента у г. Янжула нѣтъ»...

«Какъ выйти изъ этой двусмысленности, пусть рѣшаетъ почтенный профессоръ-инспекторъ самъ»...

Что прикажете отвѣчать на такую своеобразную критику? Ужъ не представить ли свидѣтельства отъ декана факультета, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія или самихъ слушателей, что я свои университетскія обязанности исполнялъ, какъ слѣдуетъ и никто отъ моего временнаго отсутствія не проигрывалъ. Разумѣется, къ этой критикѣ возможно одно только отношеніе—презирать и молчать, что я и дѣлалъ. Но тѣмъ не менѣе, къ сожалѣнію, большинство публики тогда привыкло относиться къ печатной бумагѣ съ извѣстнымъ уваженіемъ, а Министерство Финансовъ даже при почтеннѣйшемъ и честнѣйшемъ изъ людей Н. Х. Бунге держалось правила Фамусова изъ „Горе отъ ума“: „а что скажетъ княгиня Марья Алексѣвна“?.. или ближе къ цѣли: „что скажетъ Н. А. Найденовъ и другіе московскіе купцы“?... И вотъ я ѣду въ Петербургъ, излагаю свои объясненія, ихъ любезно выслушиваютъ... соглашаются съ правильностью моихъ дѣйствій... и даже приглашаютъ обѣдать .., но просятъ, пожалуйста, быть потише... не возбуждать говора въ печати (это между такими то представителями ея, какъ Шараповъ??!!). Но какъ я его могу привести къ молчанію, когда онъ получаетъ спеціально вознагражденіе отъ своихъ москов-

скихъ довѣрителей именно за то, чтобы не молчать, а сочинять?! *).

Г. Шараповъ и его московскіе друзья, такъ впослѣдствіи его огорчившіе, были настолько довольны своими извѣтами и въ то же время наивны, что имѣли дерзость предполагать, что, въ силу ихъ писанія и жалобъ, правительство должно немедленно убрать неугоднаго имъ чиновника, вмѣстѣ съ закономъ 3 Іюня, и предоставить имъ, по старому, безъ церемоніи обирать рабочихъ посредствомъ ихъ харчевыхъ лавокъ. Въ головѣ г. Шарапова, какъ онъ это откровенно излагаетъ въ №№ 34 и 35 «Русскаго Дѣла» (отъ 16 Декабря 1886 г.), сложился такой удивительный силлогизмъ:

«Для начальства остается два пути: или стать на сторону своего агента (т. е. инспектора).... но тогда его нужно оправдать или обѣлить (?!) или признать обвиненіе (г. Шарапова) доказаннымъ и агента отпустить и выразить ему порицаніе»... «Подвергнись наша газета какой-нибудь репрессіи за статьи о московской инспекціи, мы бы знали, какъ смотритъ на фабричное дѣло центральная власть и, конечно, больше этого вопроса касаться бы не стали»... (!!!).

По логикѣ г. Шарапова, короче, все дозволительно, за что его не бьютъ палкой!!..

«Вышло, однако, не то, продолжаетъ г. Шараповъ. И «Русское Дѣло» и г. Янжулъ оба здравствуютъ. Газетѣ предоставляется совершенно свободно обвинять, а г. Янжулу, словно коту въ Крыловской баснѣ, «слушать и ѣсть»! Г. Министръ Финансовъ, какъ мы слышали, вызвавъ г. Янжула въ Петербургъ для частныхъ объясненій, вполнѣ одобрилъ его дѣятельность и благословилъ его на новые подвиги по части поддержки младшаго брата противъ кулаческаго ига фабрикантовъ».

---

*) См. его собственное объясненіе по этому поводу въ № 8 «Русскаго Дѣла» за 11 Марта 1890 г. Здѣсь г. Сергѣй Шараповъ сводитъ счеты съ московскими промышленниками, для которыхъ онъ работалъ нѣсколько лѣтъ, по его словамъ, самымъ усерднымъ образомъ и по разнообразнымъ вопросамъ, въ томъ числѣ по фабричному (т. е. писательство противъ инспекціи и записка Министру Финансовъ отъ Всероссійскаго Купечества съ жалобами и доносами)... Но велика человѣческая неблагодарность.. «Купеческій трибунъ», какъ величали г. Шарапова, оказался кругомъ обманутымъ и обсчитаннымъ: за всѣ его разнообразныя услуги «милліонерамъ-промышленникамъ» онъ получилъ лишь самую малую толику денегъ, какъ онъ подробно высчитываетъ. Мало того, онъ встрѣтилъ «довольно ненависти, клеветы, инсинуацій» (короче—всего того, чѣмъ онъ угощалъ другихъ, надѣясь получить расплату иной монетой)... Неблагодарное купечество отобрало у него даже съ его журнала подписныя деньги!!.. И все это потому, что не сумѣлъ быстро прогнать инспектора!!!!..

Отношенія фабричной инспекціи къ фабрикантамъ г. Шараповъ имѣетъ нелѣпость и безстыдство сопоставлять, ни мало, ни много, съ отношеніями Гоголевскаго Городничаго изъ «Ревизора» къ купцамъ!!; но и у него, наконецъ, зашевелилась если не совѣсть, то смыслъ, и онъ дѣлаетъ, противъ желанія, такую удивительную оговорку къ этому потоку фразъ и пустой болтовни противъ инспекціи.

«Впрочемъ, - говоритъ онъ,—гг. Авдулинымъ у Сквозника-Дмухановскаго жилось легче, чѣмъ московскимъ фабрикантамъ у г. Янжула. Почтенный городничій былъ прежде всего человѣкъ со здравымъ смысломъ и яснымъ пониманіемъ своихъ задачъ. Онъ изобрѣталъ мѣропріятія, чтобы сорвать; разъ купцы откупились, онъ не только не уродуетъ, но помогаетъ, поддерживаетъ, ибо понимаетъ, что торговлю искоренять не слѣдуетъ».

«Г. Янжулъ не то. Онъ взятокъ не беретъ—и въ этомъ поистинѣ трагедія. Онъ уродуетъ по чистой совѣсти, переворачиваетъ кверху ногами всѣ фабричныя отношенія во имя безкорыстной идеи и откупиться отъ него нельзя, какъ нельзя, напримѣръ, отъ землетрясенія. Ахъ, еслибъ можно было откупиться! Не фабриканты, а рабочіе сдѣлали бы добровольную подписку; по копѣйкамъ собрали бы 50, 100 тысячъ рублей отступного нынѣшней фабричной инспекціи. Фабриканту меньше горя. Заперъ фабрику, взялъ ножницы и стрижетъ купоны,—а рабочему грозитъ голодъ, грозитъ рабочій вопросъ, усмиренія и прочія удовольствія...

Конечно, и у г. Янжула есть защитники. За него тоже «общественное мнѣніе» въ лицѣ хотя бы, напримѣръ, обозрѣвателя «Вѣстника Европы», кричащаго въ восторгѣ: «солона, знать, пришлась москвичамъ фабричная инспекція!», и г. Гольцева, сдѣлавшаго свирѣпую вылазку въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», при чемъ сама редакція выдала г. Янжулу аттестатъ «лучшаго изъ инспекторовъ» (хороши выходятъ остальные!!)».

Друзья-фабриканты г. Шарапова, однако, не теряютъ надежды на должную побѣду и на прекращеніе дѣятельности непріятнаго инспектора.

«Хотя, - говорится въ «Русскомъ Дѣлѣ»—побѣда съ внѣшней стороны осталась за г. Янжуломъ и московскому фабричному округу попрежнему солоно, далеко не всѣ фабриканты рѣшили сдаться на капитуляцію. Большинство надѣется на близкое освобожденіе отъ ига и неутомимо пишетъ цѣлые вороха жалобъ» (?!!).

Забывая совершенно, что всей Москвѣ было хорошо извѣстно, что г. «Купеческій трибунъ» состоитъ секретаремъ на жалованьѣ «Московскаго Отдѣленія Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», г. Шараповъ выдаетъ неосторожно свою дальнѣйшую дѣятельность по низ-

верженію Московской фабричной инспекціи. «Всякое средство хорошо, которое ведетъ къ цѣли»!

☞ «Въ заключеніе скажемъ»,—говорится въ концѣ упомянутой статьи «Русскаго Дѣла»,—«что на вопросъ о фабричной инспекціи и ея часто нелѣпыхъ требованіяхъ обратило вниманіе Московское Отдѣленіе Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Въ засѣданіи Совѣта Отдѣленія, 3-го Декабря, организована спеціальная коммиссія, которая начнетъ свои работы съ пятницы, 12 Декабря, и представитъ Отдѣленію обстоятельный докладъ. Въ коммиссіи принимаютъ участіе выдающіеся промышленные дѣятели Московской губерніи»...

Вышеприведенныхъ образцовъ и изложенія общаго содержанія ругательной (не нахожу лучшаго слова для ея названія и характеристики) литературы противъ дѣятельности фабричной инспекціи и моей собственной совершенно достаточно, я полагаю, чтобъ составить себѣ должное о ней представленіе: пускалось въ ходъ все, чтобъ *заставить меня уйти изъ инспекторовъ* и чтобъ затормозить вообще исполненіе закона 3 Іюня. Меня уличали въ неправильномъ толкованіи и примѣненіи закона,—по справкамъ въ Петербургѣ, однако, оказалось, что я толкую правильно, да и было бы странно, если бы было иначе, такъ какъ я вѣдь былъ однимъ изъ авторовъ этого закона и участвовалъ въ его редакціи; изыскивали всякіе способы найти какой-нибудь мой промахъ или слабость, чтобы обнести меня передъ начальствомъ или даже, такъ сказать, совратить съ пути добродѣтели!... Одинъ мой старый знакомый изъ фабричнаго міра, шутя, передавалъ мнѣ, что у него справлялись, какъ можно лучше ко мнѣ подъѣхать—не люблю ли я, напримѣръ, кутнуть въ хорошей компаніи въ Стрѣльнѣ?!...

Такъ какъ у меня въ послѣдній годъ моего инспекторства, особенно въ 1887 году, съ утра до вечера толпился народъ, то я нѣсколько разъ былъ непріятно удивленъ, что за каждымъ моимъ шагомъ какъ будто бы слѣдили и знали всегда, гдѣ я нахожусь или что дѣлаю... Количество ругательныхъ писемъ, притомъ съ угрозами не только личнаго оскорбленія, но быть жестоко избитымъ, начало учащаться... По совѣту своихъ друзей, я обзавелся маленькимъ карманнымъ револьверомъ и возилъ его при себѣ во время разъѣздовъ, особенно по ночамъ, въ окрестностяхъ Москвы... Жену мою также разные соболѣзнователи старались настраивать на

тему объ опасности чуть ли не за мою жизнь и смущали ее во время моихъ долгихъ разъѣздовъ по фабрикамъ. Тутъ даже случилось одно странное обстоятельство, которое я до сихъ поръ не знаю, какъ объяснить: въ тотъ годъ (1887), во время временнаго прекращенія разъѣздовъ по фабрикамъ по какой-то причинѣ (вѣроятно, вслѣдствіе писанія Польскаго Отчета), я спряталъ ненужный револьверъ въ потайной ящикъ моего стариннаго «секретэра», набитаго инспекторскими бумагами. Когда онъ мнѣ понадобился затѣмъ въ ближайшій разъ, при поѣздкѣ на фабрику, то, къ моему непріятному изумленію, въ потайномъ ящикѣ его не оказалось: очевидно, револьверъ былъ украденъ какимъ-то «домашнимъ» воромъ, который остался до сихъ поръ неизвѣстнымъ... Все это не могло меня не тревожить, такъ какъ походило на какую-то преднамѣренность; но скорый затѣмъ отъѣздъ на все лѣто заграницу и послѣдующія событія (отставка) заставили меня объ этомъ забыть...

Изо всѣхъ нелѣпыхъ и вздорныхъ обвиненій противъ меня, съ образцами которыхъ мы познакомились выше, наибольшее вниманіе въ Петербургѣ заслужило самое безсмысленное, повидимому, заподазриваніе меня въ желаніи или намѣреніи поколебать, будто бы, въ рабочемъ людѣ вѣру въ святость и необходимость постной пищи изгнаніемъ де всѣхъ постныхъ продуктовъ изъ фабричныхъ харчевыхъ лавокъ!? Мы видѣли уже по этому поводу въ одной изъ вышеприведенныхъ газетныхъ выдержекъ гнусную выходку г. Шарапова. Приведу еще одну:

«Пока остаемся при недоумѣніи, какое значеніе слѣдуетъ придавать исключенію изъ таксы именно при наступленіи поста почти всей постной пищи. Надѣется ли г. Янжулъ сразу «просвѣтить» рабочихъ, отмѣнивъ «предразсудокъ» постовъ, неудобныхъ по климату, и замѣнивъ и въ этомъ отношеніи вселенскій соборъ, который, по мнѣнію нашихъ либераловъ, допустилъ замѣчательный пробѣлъ, не принявъ въ соображеніе гигіеническихъ и климатическихъ условій, или предполагается на первый разъ ограничиться лишь штрафомъ съ тѣхъ рабочихъ, которые будутъ продолжать поститься и, слѣдовательно, покупать постную пищу по произвольнымъ цѣнамъ» («Русское Дѣло» 15 ноября 1886 г.)

Мнѣ сообщили изъ Петербурга частнымъ образомъ, что на меня, будто бы, жаловались или доносили по этому дикому вопросу въ Синодъ,—я уже не знаю, въ какой формѣ.

Благожелатели совѣтовали немедленно явиться въ Петербургъ, дабы объясниться по данному поводу и устранить этимъ доносъ. Хотя я и самъ лично немного зналъ К. П. Побѣдоносцева, но мнѣ было даже смѣшно и стыдно обращаться къ нему по такому вопросу; поэтому, послѣ нѣкотораго колебанія, я рѣшилъ обратиться къ старому знакомому В. К. Плеве—тогда еще Товарищу Министра у графа Толстого. Онъ принялъ меня весьма любезно; но, къ моему смущенію, когда я ему началъ въ шутливой формѣ разсказывать про обвиненіе меня въ отвлеченіи рабочихъ отъ постной пищи, онъ замѣтилъ мнѣ, что это обвиненіе очень серьезное и напрасно я шучу, но что, разумѣется, онъ убѣжденъ, что относительно меня это обвиненіе нелѣпо (мы были знакомы съ Плеве чуть не съ университетской скамьи)... Затѣмъ онъ просилъ меня побывать у него еще разъ, черезъ нѣсколько дней, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду этотъ вопросъ выяснить... Черезъ нѣсколько дней, я явился къ нему вновь; В. К. П. объявилъ мнѣ, что онъ переговорилъ по моему вопросу, съ кѣмъ слѣдуетъ и устроилъ это дѣло, такъ что я могу спокойно возвращаться домой, но что я въ будущемъ „долженъ быть какъ можно осторожнѣе и не возбуждать болѣе подобныхъ вопросовъ по своей фабричной дѣятельности"... Sic! Выслушавъ этотъ совѣтъ, я поблагодарилъ его за то, что онъ для меня сдѣлалъ, и вернулся домой.

Кстати, въ это же наше свиданіе въ концѣ Декабря 1886 года В. К. Плеве много разспрашивалъ меня о дѣйствіи и примѣненіи закона 3 Іюня 1886 г. Выслушавши мой отвѣтъ, Плеве обратился ко мнѣ съ просьбой составить для него Докладную Записку по этому вопросу, т. е. о выяснившихся недостаткахъ даннаго закона. Разумѣется, я охотно обѣщалъ ему это сдѣлать и черезъ короткое время составилъ ему въ Москвѣ эту Докладную Записку и выслалъ въ Петербургъ, разсчитывая, что Плеве воспользуется этой Запиской при дальнѣйшихъ работахъ надъ фабричными законами, и никакъ не предполагая, что я самъ скоро уйду отъ практическаго выполненія закона и этихъ работъ! Точная копія этой Записки, очень характерной для ознакомленія съ недостатками, обнаруженными въ законѣ 3 Іюня на первыхъ же

порахъ его примѣненія, помѣщена въ Приложеніи къ настоящей книгѣ моихъ „Воспоминаній“.

Мнѣ неизвѣстна судьба этой Докладной Записки въ рукахъ Плеве и я не знаю, воспользовался ли онъ моими указаніями, напримѣръ, въ послѣдовавшей затѣмъ Коммиссіи по выработкѣ фабричныхъ законовъ или нѣтъ, но, къ сожалѣнію, и это несомнѣнно, что моими соображеніями въ данной запискѣ воспользовались противники этого закона. Въ 1887 году пріѣзжалъ въ Москву академикъ В. П. Безобразовъ и, заявивши мнѣ, что онъ въ данное время занимается фабричными законами, просилъ меня не оставить его совѣтами и помощью. Въ виду этой просьбы, я его охотно снабдилъ разнообразнымъ матеріаломъ, который у меня имѣлся тогда по этому вопросу и между прочимъ В. П. Б. у меня спеціально выпросилъ копію вышеназванной Записки, уже отосланной на имя Плеве, по поводу закона 3 Іюня 1886 г. Я совершенно не зналъ, и онъ объ этомъ умалчивалъ, что онъ имѣлъ оффиціальное порученіе изложить свои соображенія по поводу всѣхъ новыхъ фабричныхъ законовъ отъ новаго Министра И. А. Вышнеградскаго... Когда я получилъ обратно свою Записку (много мѣсяцевъ спустя), то былъ непріятно удивленъ, что она вся была исчеркнута синимъ карандашемъ и исписана неизвѣстнымъ мнѣ почеркомъ различными, большею частью, непріязненными замѣчаніями... Уже нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ смерти В. П. Б., котораго мнѣ не пришлось болѣе въ жизни видѣть, я узналъ объ „Отчетѣ“, имъ написанномъ, въ виду взятаго имъ порученія Вышнеградскому, и познакомился съ его содержаніемъ. Оказалось, что авторъ Отчета этого въ значительной степени воспользовался моей Запиской, развивши сдѣланныя неизвѣстно чьей рукой на поляхъ ея замѣчанія *).

---

*) См. «Наблюденія и соображенія В. П. Безобразова относительно дѣйствія новыхъ фабричныхъ узаконеній и фабричной инспекціи». Печатано по распоряженію Департамента Мануфактуръ и Торговли. СПБ. Типографія В. Безобразова и К° (годъ не обозначенъ, но судя по содержанію, 1888 или 1889 г.).

Не была ли моя «Докладная Записка» первоначально черезъ посредство Безобразова въ рукахъ И. А. Вышнеградскаго? Не его ли замѣчанія и помарки?! Къ сожалѣнію, его почерка я не знаю.

Своей Запиской я сообщилъ почтенному академику нужныя для него практическія свѣдѣнія (находившіяся въ рукахъ В. К. Плеве), которыхъ у него недоставало и которыми бы, разумѣется, я не сталъ бы съ нимъ дѣлиться, если бы зналъ, для какой цѣли они ему нужны.

Главнымъ отправнымъ пунктомъ „Отчета" В. П. Безобразова является та точка зрѣнія его, которая для меня, какъ и для всѣхъ читателей его произведеній отнюдь не составляла тайны. Въ качествѣ извѣстнаго фритредера — сторонника свободной торговли въ широкомъ смыслѣ,—академикъ Безобразовъ естественно долженъ былъ быть въ нѣкоторой степени противникомъ всякаго законодательнаго вмѣшательства въ экономическую дѣятельность *). Но я никакъ не предполагалъ, чтобы вліяніе доктрины, давно отжившей и отвергнутой въ наукѣ, или же вліяніе такихъ дѣятелей, какъ Вышнеградскій, могли бы быть такъ сильны, что нашъ ученый академикъ отказался отъ всѣхъ поправокъ экономической науки, самой жизни и законодательства во всѣхъ культурныхъ странахъ, порядки которыхъ академикъ долженъ былъ бы знать! Такъ, если не придавать значенія различнымъ экивокамъ и оговоркамъ, представляющимъ только обходы совѣсти, В. П. Б. выступаетъ собственно противъ всего фабричнаго и рабочаго законодательства, не признаваемаго въ восьмидесятыхъ годахъ только г. Вышнеградскимъ и его присными. Онъ одинаково возстаетъ и противъ регулированія работы малолѣтнихъ, и противъ обязательныхъ фабричныхъ школъ, и противъ запрещенія ночной работы женщинъ и подростковъ, и противъ регулированія таксы фабричныхъ лавокъ, противъ утвержденія табели заработной платы, противъ мѣръ относительно забора рабочихъ въ кредитъ, или на наличныя, и вообще стоитъ противъ всякой законодательной и административной регламентаціи, въ чемъ бы она ни выражалась, но въ пользу рабочихъ и для ограниченія произвола хозяевъ; онъ повторяетъ исключительно

*) См. основательный, но слишкомъ снисходительный разборъ книжки г. Безобразова въ Докладѣ В. Г. Яроцкаго, читанномъ въ засѣданіи Административнаго Отдѣленія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества. «Журналъ Гражд. и Уголовн. Права». Книга 1-ая 1890 г.

лишь ходячую точку зрѣнія всѣхъ дѣльцовъ противъ филантропическихъ чувствъ въ дѣлѣ благоустройства фабричныхъ отношеній. „Законъ и администрація“, — говоритъ онъ, — „должны строго воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ экономическія отношенія между нанимаемыми и нанимателями“. Рабочій вопросъ въ Россіи онъ не признавалъ существующимъ и опасался, что „филантропія“ можетъ возбудить или вызвать такой вопросъ... Во всемъ фабричномъ законодательствѣ долженъ господствовать по его мнѣнію лишь „репрессивный или карательный“ характеръ отношеній (въ формѣ наказаній за нарушеніе закона), а отнюдь не „превентивный или предупредительный“ *).

Вообще, по мнѣнію Безобразова, представляющаго, очевидно, здѣсь воззрѣнія И. А. Вышнеградскаго, на фабричную инспекцію слѣдуетъ смотрѣть, какъ на спеціальную отрасль государственной полиціи, задача которой заключается въ охранѣ общества отъ правонарушенія или, говоря иначе, ея дѣятельность должна быть устремлена главнѣйше къ юридической охранѣ нанимаемыхъ и нанимателей противъ взаимныхъ правонарушеній... „Всего менѣе должно смотрѣть на фабричную инспекцію, какъ на какой-то новый органъ правительственной власти, призванный къ прямому экономическому улучшенію быта рабочаго класса и къ возвышенію уровня его благосостоянія, матеріальнаго и нравственнаго“ (!?...).

Такимъ образомъ обязанности инспектора, согласно этимъ взглядамъ ученаго академика, сводятся къ одной функціи — охранѣ, т. е. обязанности городового, или еще скорѣе ночного сторожа.

Вполнѣ понятно становится послѣ этого указанное выше обѣщаніе Вышнеградскаго (въ разговорѣ съ Н. А. Алексѣевымъ) превратить фабричныхъ инспекторовъ въ „становыхъ приставовъ“!..

Въ полномъ логическомъ противорѣчіи, однако, съ этимъ доктринерскимъ уничтоженіемъ всякой разумной дѣятельности

---

*) См. «Предисловіе» къ настоящей книгѣ, по поводу реформы фабричной инспекціи.

въ инспекторѣ и превращеніи его въ механическаго автомата, или въ какой-то сторожевой аппаратъ, находится сужденіе г. Безобразова о наличномъ персоналѣ фабричной инспекціи— его нравственныхъ и умственныхъ качествъ. Здѣсь, очевидно, движимый своей внутренней порядочностью и пріязнью къ лично знакомымъ ему Московскимъ и Владимірскимъ инспекторамъ, В. П. Б. утверждаетъ уже на основаніи собственныхъ наблюденій, что „личный составъ фабричной инспекціи вообще превосходенъ и въ нравственномъ и умственномъ отношеніи“... „о злоупотребленіяхъ и прямо недобросовѣстныхъ поступкахъ со стороны инспекціи не можетъ быть и рѣчи“; „самые злостные враги новыхъ фабричныхъ порядковъ ее въ этомъ не обвиняютъ“.. Всѣ неудовольствія или жалобы на инспекцію онъ объясняетъ „излишней строгостью“ (!?..), „ненужнымъ рвеніемъ“ (!?..), „неопытностью“ (!?..), „увлеченіемъ филантропическими идеями“ и т. п. и т. п. Очевидно, не сознавая всей нелѣпости противорѣчія своего желанія превратить инспекцію столь высокаго, по его мнѣнію, состава въ „городовыхъ“ и простой несовмѣстимости этой роли съ указанными качествами *), В. П. Б. совѣтуетъ въ то же время „беречь безкорыстную любовь къ дѣлу у инспекторовъ, хотя бы связанную съ увлеченіями“... Онъ рекомендуетъ въ одно и то же время отсѣчь у инспекторовъ „фанатическія стремленія къ дѣлу“, но сохранить „любовь къ дѣлу, личный умственный интересъ къ нему“..., который обусловливаетъ ту безукоризненную честность, которую признаютъ за ея личнымъ составомъ даже недоброжелатели въ промышленномъ мірѣ“... Далѣе желательно также, по его мнѣнію, чтобы „это, не всегда у насъ встрѣчающееся, рвеніе къ дѣлу не остыло, какъ это нерѣдко случалось“... „Нельзя не дорожить“,

*) «Выборъ нынѣшняго состава нашей фабричной инспекціи»—говорится на стр. 24 «Отчета» Безобразова, «тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы и всѣ несовершенства его тѣмъ болѣе извинительны, что для этой совсѣмъ новой должности должна теоретически подготовиться и практически выработаться новая особая категорія должностныхъ лицъ; эта должность требуетъ соединенія въ одномъ лицѣ такихъ свойствъ и знаній, какія рѣдко соединяются вмѣстѣ, между прочимъ знаній техническихъ, юридическихъ, экономическихъ (въ томъ числѣ чисто практическихъ, хозяйственныхъ) и административныхъ»...

говоритъ онъ, „добрымъ нравственнымъ духомъ, который водворился въ этой новой отрасли нашей администраціи“ и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ короче: почтенный академикъ желаетъ въ настоящемъ случаѣ соединить два несовмѣстимыхъ желанія: онъ думаетъ, что можно „и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти“... Нельзя между тѣмъ, конечно, единовременно требовать отъ исполнителя—любви къ дѣлу, идеальнаго стремленія къ наилучшему его осуществленію, уваженія къ святости обязанностей и въ то же время—ограничить его механическимъ выполненіемъ одной лишь охранительной функціи!!.. Очевидно, В. П. Безобразовъ не понималъ нелѣпости и несовмѣстимости этого узко полицейскаго представленія объ обязанностяхъ фабричной инспекціи, не понималъ и его патронъ Министръ Вышнеградскій и не понимаютъ этого многія, смѣю думать, высокопоставленныя лица и до настоящаго времени... „Нельзя въ одно и то же время поклоняться и Богу и Мамонѣ“!!..

Время между тѣмъ усиленнымъ темпомъ приближалось къ кризису: всѣ извѣстія изъ Петербурга подтверждали, повидимому, первоначальный планъ Вышнеградскаго передать инспекцію Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, но тутъ, къ его удивленію, онъ встрѣтилъ наконецъ нѣкоторое противодѣйствіе въ самихъ фабричныхъ кругахъ по причинамъ, которыя мы когда-то во Введеніи къ настоящимъ „Воспоминаніямъ“ указывали: г.г. фабриканты вполнѣ здраво разсуждали, что „отъ хорошаго лучшаго не ищутъ“ и предпочитали поэтому оставаться за Министерствомъ Финансовъ, не желая рисковать какимъ-нибудь самостоятельнымъ, какъ Плеве, Министромъ Внутр. Дѣлъ, который, при случаѣ, могъ ихъ согнуть въ „бараній рогъ“!..

Весну 1887 года я усиленно работалъ надъ своимъ Польскимъ Отчетомъ, ускоренія котораго потребовалъ Вышнеградскій. Между тѣмъ время въ фабричномъ мірѣ было очень смутное и происходили забастовки, сопровождаемыя т. н. безпорядками, т. е. разграбленіемъ, драками и т. п. то въ той, то въ другой фабрикѣ... Меня очень часто будили по ночамъ звонки телеграфистовъ и надо было ѣхать немед-

ленно самому или кому-нибудь изъ помощниковъ на фабрику, гдѣ происходило волненіе... Въ большинствѣ случаевъ прекращеніе безпорядковъ являлось дѣломъ крайне сложнымъ, непріятнымъ и труднымъ: обѣ стороны были упорны и одинаково не поддавались на уговоръ и соглашеніе; обычный же способъ приглашенія на фабрику казаковъ претилъ и вызывалъ мое большое противодѣйствіе. Очень часто я видѣлъ, напримѣръ, на той или иной фабрикѣ, что рабочіе, положимъ, были правы, но не имѣлъ силы и власти по закону повергнуть рѣшеніе въ ихъ пользу — съ другой стороны, когда даже это удавалось, рабочіе начинали предъявлять такія чрезмѣрныя требованія, которыя разстраивали мою сдѣлку съ хозяевами въ ихъ пользу и мнѣ приходилось потомъ лишь раскаиваться въ своихъ настояніяхъ...

Вообще положеніе инспектора становилось болѣе и болѣе нестерпимымъ и я исхлопоталъ себѣ мѣсячный отпускъ (въ Мартѣ мѣсяцѣ), чтобы имѣть возможность скорѣе развязаться съ Польскимъ Отчетомъ. Вотъ что писала по этому поводу отъ 17 Апрѣля моя жена: „Отчетъ нашъ придвигается къ концу, т. е. диктованіе его; переписка же будетъ продолжаться еще нѣсколько недѣль, при чемъ мы дѣлимъ ее между мною и Власовымъ (секретаремъ мужа). По окончаніи Ив. Ив. ѣдетъ въ Петербургъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ тутъ же подать въ отставку, такъ какъ должность фабричнаго инспектора все становится отяготительнѣе, а Министръ Вышнеградскій, какъ извѣстно отъ лицъ, близко къ нему стоящихъ, лично очень злобно настроенъ противъ Московскаго инспектора, да и всю инспекцію имѣетъ въ виду свести на нѣтъ“...

Возвратившись изъ Петербурга, я рѣшилъ, однако, пріостановиться вопросомъ объ отставкѣ въ виду общаго совѣта всѣхъ моихъ друзей повременить до осени, чтобъ дать возможность выясниться дальнѣйшей политикѣ; нѣкоторые увѣряли также, что осенью будетъ напечатанъ мой Отчетъ и навѣрное, благодаря его достоинствамъ, измѣнится непріязненное отношеніе ко мнѣ Вышнеградскаго. Кромѣ того осенью предполагалось новое собраніе Коммиссіи подъ председатель-

ствомъ Плеве для дальнѣйшаго пересмотра фабричныхъ законовъ и мое участіе въ ней де необходимо.

Согласно данному Я. Т. Михайловскимъ обѣщанію и благодаря его ко мнѣ расположенію, мнѣ разрѣшили на лѣто двухмѣсячный отпускъ для поправленія здоровья, а мои обязанности передали моему помощнику Никитинскому. Я вернулся изъ-заграницы значительно поправившимся отъ тамошняго леченія и отдыха, но увы! настроеніе моего духа нисколько не измѣнилось: всѣ извѣстія, получаемыя изъ Петербурга, указывали лишь и подтверждали продолженіе той же всеобщей реакціи въ дѣлѣ фабричнаго законодательства, которая началась со вступленія въ Министерство Вышнеградскаго. Ходили слухи, болѣе или менѣе дикіе, о намѣреніи „скрутить“ инспекцію, свести ее до нуля и окончательно испортить тѣ или иные старые законы... Одинъ изъ пріятелей сообщилъ мнѣ, напр., что въ разговорѣ съ нимъ Министръ отзывался чрезвычайно рѣзко обо мнѣ, характеризуя меня не иначе какъ словомъ „соціалистъ“, что, очевидно, на его языкѣ было самымъ браннымъ.—Другой сообщилъ мнѣ изъ Петербурга спеціальнымъ письмомъ, что мой Польскій Отчетъ Министръ прочелъ и „разноситъ“.—Наконецъ, третій, мой бывшій ученикъ, прислалъ мнѣ длинное письмо опять таки спеціально по тому же поводу *съ убѣдительнымъ совѣтомъ поскорѣй уйти въ отставку* изъ инспекторовъ, чтобы Министръ Финансовъ не могъ иначе испортить, благодаря своему нерасположенію ко мнѣ и своей силѣ, даже моей профессорской дороги,—что онъ де злопамятенъ и никогда не забываетъ своихъ намѣреній и т. д....

Дѣятельность фабричныхъ присутствій въ то же время меня удовлетворяла все менѣе и менѣе: обвинительные приговоры, которые мнѣ удалось провести въ нихъ съ большой борьбой за злоупотребленія нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикантовъ, вызвали апелляціи и были въ Министерствѣ Финансовъ положены подъ сукно—Фабричное Присутствіе постановляло свои рѣшенія, а Министерство какъ бы ихъ молчаливо отмѣняло и дѣло не двигалось съ мѣста: происходило какъ бы повтореніе извѣстной басни: „Лебедь, ракъ и щука“!..

Послѣ долгаго колебанія и сомнѣнія я пришелъ, наконецъ,

къ заключенію о безполезности и даже невозможности своей дальнѣйшей инспекторской службы: никакого просвѣта въ будущемъ не предвидѣлось и только одна мрачная сила давила и портила все немногое сдѣланное. 27 Августа 1887 года я написалъ свое прошеніе объ отставкѣ на имя Директора Департамента Бера, но послалъ его сначала по порядку инстанціи Я. Т. М.

Едва я сдѣлалъ этотъ шагъ, какъ со всѣхъ сторонъ на меня набросились протестанты. Я. Т. М. немедленно отвѣчалъ и убѣдительно просилъ не уходить. Затѣмъ явились ко мнѣ помощники по инспекціи съ просьбой также не спѣшить уходить и не покидать свое дѣло чуть не въ началѣ... Обычные доводы, что время можетъ де измѣниться къ лучшему, что, наконецъ, я де нуженъ для судьбы фабричнаго законодательства, какъ участникъ ближайшей Коммиссіи Плеве, которая де безъ моей помощи не можетъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ и т. д. и т. д. Въ этомъ же смыслѣ они немедленно сочинили и отослали отъ себя большую телеграмму и письмо Михайловскому: „Homo sum et nihil humani alienum puto“... Все это меня растрогало и поколебало на время мое твердо сложившееся рѣшеніе и 1 Сентября я написалъ Михайловскому слѣдующее письмо: „Глубокоуважаемый Яковъ Тимофеевичъ! Вчерашнее письмо моихъ помощниковъ было первымъ отвѣтомъ на Ваше письмо и объяснило дѣло. Ваши доводы, подкрѣпленные ихъ настояніемъ и просьбами, заставили меня дать имъ согласіе просить Васъ оставить мое прошеніе безъ движенія. Я обѣщался имъ повременить, т. е. подождать созыва Коммиссіи и ея ближайшихъ результатовъ, хотя впрочемъ я ничего хорошаго не предвижу... Исполняя мое обѣщаніе, я покорнѣйше прошу Васъ, если Вы не передали еще мое прошеніе въ Департаментъ—положить его подъ сукно или возвратить мнѣ. Съ нетерпѣніемъ въ такомъ случаѣ буду ожидать созыва Коммиссіи. Если же прошеніе уже поступило въ Департаментъ ранѣе настоящаго дня, то „laissez faire, laissez passer“!.. Я лично, помимо взятаго съ меня слова, былъ бы даже довольнѣе послѣднимъ.. Спѣшу отправить письмо, а потому ограничусь лишь этими немногими

строками. Жму Вашу руку и желаю всего лучшаго въ этомъ (обратно съ утвержденіемъ Д-ра Панглоса) наисквернѣйшемъ изъ міровъ"... Въ постскриптумѣ я прибавлялъ еще: „Мнѣ очень стыдно за мою слабость воли, которая дозволила меня отговорить отъ разъ твердо принятаго рѣшенія и тянуть далѣе нестерпимую канитель"!..

Не дождавшись, однако, отвѣта на мое письмо, я написалъ скоро Я. Т. М. другое (отъ 10 Сентября). „Мнѣ крайне прискорбно Вамъ сообщить", говорю я въ этомъ второмъ письмѣ, „что вслѣдствіе полученныхъ мною изъ Петербурга извѣстій о неопредѣленности времени созванія Коммиссіи, а также и по другимъ соображеніямъ, я вынужденъ отказаться отъ обѣщанія, даннаго мною помощникамъ и вновь торопиться уйти изъ Министерства Финансовъ... Я знаю, что при добромъ ко мнѣ расположеніи, Вы будете очень огорчены этимъ извѣстіемъ, но я „вынужденъ это сдѣлать", по причинамъ, которыя было бы долго и неудобно излагать въ письмѣ. Чтобы ускорить дѣло, я рѣшился на этотъ разъ „сжечь корабли" и, минуя должную инстанцію, послалъ новое прошеніе объ отставкѣ прямо А. Б. Беру, въ чемъ у Васъ опять таки прошу извиненія, и надѣюсь, что Вы не сохраните поэтому обо мнѣ дурную память. Прошу лишь объ одномъ—не задерживать далѣе хода дѣла... Разумѣется, я надѣюсь, что тотчасъ же по полученіи Министерскаго утвержденія моей отставки, Вы сдѣлаете распоряженіе о передачѣ мной всѣхъ бумагъ одному изъ моихъ помощниковъ, такъ какъ эти бумаги и пріемы фабрикантовъ буквально выживаютъ меня изъ квартиры"...

Не прошло двухъ недѣль, какъ я получилъ отъ Бера оффиціальное увѣдомленіе, что Министръ согласенъ на мое увольненіе отъ должности фабричнаго инспектора: очевидно, Вышнеградскій очень былъ радъ со мною развязаться и доволенъ моей просьбой объ отставкѣ, которую немедленно подписалъ, какъ только ему подали... Итакъ, совершилось: съ сомнѣніями и колебаніями, 30 Августа 1882 г. я принялъ должность фабричнаго инспектора, счастливый сознаніемъ, если смогу принести посильную пользу своей работой новому симпатичному дѣлу правительства. Въ Сентябрѣ 1887 г.,

т. е. почти ровно черезъ пять лѣтъ, убѣдившись въ безсиліи своемъ, въ дѣйствительности, принести какую-либо пользу любимому мной рабочему вопросу, я покинулъ эту должность, съ сокрушеннымъ сердцемъ объ интересахъ русскаго общества и русскаго народа, который такъ сильно нуждался въ правильной постановкѣ и разрѣшеніи рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства, но зато, какъ человѣкъ въ своихъ личныхъ интересахъ, я былъ въ высшей степени счастливъ и доволенъ тѣмъ, что, по злобному выраженію Шарапова въ современномъ № „Русскаго Дѣла", „вернулся въ первобытное состояніе"?!!.. Возвратившись всецѣло къ наукѣ и профессурѣ, я очутился у стараго знакомаго дѣла, которое мнѣ не грозило всѣми перечисленными непріятностями и шипами инспекторскихъ обязанностей и, обезпечивая покойное существованіе, давало и даетъ нравственное и умственное удовлетвореніе... Тѣмъ не менѣе я не могу забыть и не забуду, вѣроятно, до самой смерти своей сравнительно кратковременной фабрично-инспекторской дѣятельности... Я считаю всегда это инспекторство за лучшую страницу изъ исторіи моей жизни. Въ полной силѣ и цвѣтѣ лѣтъ, проникнутый лучшими стремленіями своей юности (шестидесятыхъ годовъ), я мечталъ своимъ трудомъ принести родинѣ посильную лепту въ разрѣшеніи многотруднаго и важнаго рабочаго вопроса, который долженъ отразиться на всемъ ея будущемъ... Если мнѣ не удалось ничего сдѣлать, если даже пришлось, какъ раненому бойцу, покинуть, вскорѣ же, поле сраженія, то я въ этомъ не считаю себя виновнымъ.—Я пришелъ къ заключенію, что не могу и не въ моихъ силахъ что-либо сдѣлать полезнаго для хорошаго дѣла... Feci, quod potui!.. *).

*) Считаю долгомъ къ этому прибавить, что дольше всѣхъ память о моей инспекторской дѣятельности сохранили, повидимому, Московскіе рабочіе: по крайней мѣрѣ, много лѣтъ даже спустя послѣ моей отставки, я продолжалъ въ большомъ количествѣ получать письма съ фабрикъ Московской губерніи отъ рабочихъ съ разнообразными просьбами о заступничествѣ и тѣми или иными жалобами; нѣкоторыя изъ нихъ были поистинѣ трогательными и я нѣсколько разъ пересылалъ ихъ съ своими письмами замѣнившему меня Московскому инспектору Н. Я. Никитинскому. Многіе изъ этихъ просителей были такъ наивны, что въ простотѣ душевной продолжали еще долго меня считать инспекторомъ и величали этимъ именемъ.. Немногіе, впрочемъ, уже знали, что я больше не инспекторъ и тѣмъ не менѣе просили за нихъ «заступиться» или, по меньшей мѣрѣ, дать совѣтъ, что дѣлать... Черезъ

Въ настоящее время, подводя итоги и выводы тому, что говорилось и думалось во время писанія моихъ настоящихъ „Воспоминаній“, я прихожу къ слѣдующимъ важнѣйшимъ заключеніямъ, фактическое обоснованіе которыхъ разбросано на страницахъ настоящей книги, и пусть любознательные читатели, желающіе болѣе наглядно въ истинѣ ихъ убѣдиться, сами его разыскиваютъ:

1) Своевременная хорошо задуманная и хорошо проведенная государственная и общественная реформа фабричнаго быта и отношеній промышленныхъ классовъ, я не сомнѣваюсь, ослабила бы все зло настоящей продолжительной смуты и революціоннаго періода нашей русской жизни. Если бы еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія были удовлетворительно разрѣшены вопросы объ упорядоченіи общаго фабричнаго быта, о дѣтской и женской работѣ, о продолжительности работы, о вознагражденіи, разрѣшено было бы постепенно рабочимъ право собраній и коалицій — несомнѣнно, мы бы теперь уже имѣли составъ совсѣмъ другихъ рабочихъ, во всѣхъ отношеніяхъ умѣреннѣе, разумнѣе въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ, умѣющихъ управлять собой и уважающихъ чужія права. Громкая фраза не являлась бы для нихъ лозунгомъ и они бы не шли, какъ послушное стадо за первымъ вожакомъ изъ соціалъ-демократовъ, который ихъ увлекаетъ эквилибристикой языка и вздорными обѣщаніями! Нѣтъ, рабочіе, подготовленные нѣкоторымъ самоуправленіемъ и уваженіемъ къ своимъ правамъ, не составляли бы такую невѣжественную и необузданную толпу, которую легко направить на самое сильное нарушеніе собственныхъ интересовъ (напр., хотя бы обратное требованіе вкладовъ изъ ссудосберегательныхъ кассъ и пр.), какъ это наглядно показали Октябрьскія и Ноябрьскія событія за-

одиннадцать лѣтъ послѣ моего ухода изъ инспекторства я вышелъ въ отставку изъ профессоровъ Московскаго Университета и, избранный членомъ Академіи Наукъ, въ 1898 году, покинулъ навсегда Москву... и тѣмъ не менѣе даже въ Петербургѣ я продолжалъ получать изрѣдка прошенія и жалобы отъ незнакомыхъ рабочихъ изъ Москвы; онѣ прекратились лишь послѣдніе пять лѣтъ!.. Очень можетъ быть, впрочемъ, что этому всему косвенно содѣйствовала та же ругательная литература г. Шарапова и К°, которая увеличила и усилила въ глазахъ рабочихъ мое значеніе и вліяніе какъ «Жупела» для гг. фабрикантовъ!! Sic!..

прошлаго года! Крайностями и эксцессами всегда и вездѣ отличаются люди, которые не имѣютъ законнаго и естественнаго выхода своимъ желаніямъ и стремленіямъ: объѣдаются чаще всего, напр., люди, которые долго голодали, опиваются, кто долго не пилъ; необузданностью и буйствомъ отличаются, наконецъ, часто тѣ люди, которые не имѣли возможности проявленія своихъ силъ и энергіи и т. д.

Съ другой стороны, если бы своевременныя твердо проведенныя фабричныя реформы ослабили настоящую революцію или, точнѣе, ея дурныя стороны, зато реформы, начатыя и легкомысленно брошенныя или незаконченныя, по моему серьезному убѣжденію, не только въ дѣйствительности не принесли никакой пользы, но даже вызвали наоборотъ вредныя послѣдствія, съ которыми приходится теперь и позже считаться. До закона 3 Іюня 1886 г. русскіе рабочіе собственно никакихъ правъ, какъ рабочіе, не имѣли, даже священнаго права, признаваемаго во всемъ свѣтѣ, на свой собственный заработокъ, въ строгомъ смыслѣ не было. Законъ Плеве 3 Іюня далъ имъ впервые нѣкоторыя человѣческія права и обѣщалъ имъ извѣстную защиту отъ произвола и алчности дурныхъ хозяевъ (потому что относительно хорошихъ хозяевъ никакихъ законовъ не нужно). Что же дальше произошло? Дальше получилось то, что такъ мѣтко выражается нашей народной присказкой-прибауткой ко всѣмъ сказкамъ: «затѣмъ былъ пиръ на весь міръ—и я тамъ былъ, медъ, вино пилъ—по усамъ текло, а въ ротъ не попало»! Такъ случилось и съ нашими рабочими: они вкусили въ законѣ 3 Іюня 1886 г. сладость немногихъ первичныхъ правъ и затѣмъ далѣе все остановилось: въ развитіи нашего фабрично-заводскаго законодательства съ 1886 года не только не было сдѣлано въ интересахъ рабочаго класса ни одного шага впередъ, но даже не выполнялось, старательно искажалось и вытравлялось немногое изъ того хорошаго, что они случайно получили!..

2) Другое заключеніе, которое неизбѣжно вытекаетъ изъ нашихъ «Воспоминаній», состоитъ въ томъ несомнѣнномъ вредѣ, который эта дурно проведенная и незаконченно брошенная реформа фабричнаго законодательства нанесла дѣлу русскаго народнаго образованія. Какъ мы припомнимъ, пунктъ 5-ый

статьи I-ой Закона о малолѣтнихъ рабочихъ 1-го Іюня 1882 г. («предоставить возможность посѣщенія учебныхъ заведеній не менѣе 3-хъ часовъ» и т. д.) былъ первоначально всѣми одинаково понятъ, какъ фабрикантами, такъ и инспекціей въ томъ смыслѣ, что центръ тяжести или заботы объ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ такъ или иначе лежитъ на владѣльцахъ тѣхъ заведеній, гдѣ они работаютъ. Затѣмъ скоро, однако, какъ мы приводили (по мысли, говорили, Ермакова), послѣдовало отъ Министерства иное толкованіе, которое, между прочимъ, чрезвычайно нравится академику Безобразову въ его Отчетѣ (!), что смыслъ этого распоряженія закона состоитъ въ томъ, чтобы фабриканты лишь не препятствовали посѣщенію школъ ихъ рабочими, а забота о школахъ переложена съ сильной стороны—фабрикантовъ на слабую – инспекторовъ (законъ объ обученіи малолѣтнихъ 12 Іюня 1884 года).

Какъ извѣстно, результатомъ вышесказаннаго толкованія п. 5 ст. I Закона 1882 г. явился полный застой какихъ-либо заботъ объ образованіи малолѣтнихъ рабочихъ; мало того, благодаря ограниченію труда малолѣтнихъ или вмѣшательству въ него, нѣкоторые фабриканты закрыли даже бывшія школы, распустивши малолѣтнихъ. На мѣсто истиннаго толкованія закона, которое въ Англіи привело къ самымъ плодотворнымъ результатамъ и послужило основой ко всеобщему обученію, у насъ въ Россіи за упомянутымъ бюрократическимъ искаженіемъ смысла закона явилась вскорѣ другая бюрократическая выдумка: проектъ налога на фабрикантовъ для основанія школъ—выдумка, очень либеральная по внѣшности и убійственная для народнаго образованія въ дѣйствительности, ибо не ведетъ совсѣмъ къ своей цѣли, такъ какъ многія производства обходятся безъ труда малолѣтнихъ, и число ихъ на фабрикѣ вообще подвергается чрезвычайнымъ колебаніямъ по многимъ причинамъ, какъ это объяснялось въ свое время въ инспекторскихъ отчетахъ.

Итакъ, заключеніе наше сводится къ тому, что если бы двадцать лѣтъ тому назадъ п. 5 ст. 1 Закона 1-го Іюня 1882 г. о малолѣтнихъ рабочихъ не былъ самовольно искаженъ и отмѣненъ Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ

(т. е. его иниціативой), то въ настоящее время значительное (а не малое) число фабрикъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ имѣли бы хорошія школы, и все рабочее населеніе многихъ поколѣній было бы сплошь грамотно, пройдя эти школы, и фабричное школьное обученіе было бы въ Россіи, какъ и въ Англіи, можетъ быть, до нѣкоторой степени ячейкой всеобщаго обученія, о которомъ серьезно начинаютъ мечтать лишь теперь, черезъ двадцать лѣтъ. Наконецъ, большинство фабрикантовъ, нынѣ равнодушные къ вопросамъ образованія и сами часто не получившіе его, необходимо измѣнили бы свое отношеніе къ этому вопросу, подъ вліяніемъ твердо проведеннаго за значительное время закона, и сдѣлались бы въ городскомъ и земскомъ управленіи повсюду, подъ вліяніемъ собственнаго интереса, самыми горячими сторонниками и защитниками дѣла народнаго образованія, непосредственно выгоднаго имъ самимъ. Правда, нѣкоторыя фабрики безусловно бы отпустили всѣхъ малолѣтнихъ и больше не привлекали бы ихъ по временамъ къ работѣ, какъ это дѣлается нынѣ, смотря по конъюктурамъ рабочаго и торговаго рынка, но тѣмъ лучше: благодаря такому вліянію закона, у насъ была бы бо̀льшая устойчивость и правильность въ распредѣленіи рабочихъ рукъ и высоты техническаго совершенства многихъ механизмовъ, чего теперь не достигается прямо противно интересамъ самихъ рабочихъ и всѣмъ разсчетамъ и соображеніямъ администраціи. На нѣкоторыхъ, напримѣръ, стеклянныхъ заводахъ у насъ до сихъ поръ еще работаютъ малолѣтніе, на другихъ—такихъ рабочихъ нѣтъ.

3) Третье важное заключеніе, которое можно сдѣлать на основаніи моихъ «Воспоминаній», состоитъ въ томъ, что у насъ, русскихъ, въ нашей государственной политикѣ, въ полное различіе въ этомъ случаѣ отъ старыхъ европейскихъ странъ, особенно какъ Англія и Франція, всегда отсутствуетъ чувство мѣры. Мы, русскіе, представляемъ изъ себя, вѣроятно, большею частью, чрезвычайно экспансивныя, увлекающіяся натуры, и разъ пришли къ необходимости совершенія извѣстной реформы, перемѣны слѣдуютъ быстрымъ шагомъ одна за другой. Мы совершенно забываемъ, что

англичане, напримѣръ, очень хорошо помнятъ, что каждая реформа постолько хороша, поскольку она хорошо осуществлена на практикѣ и приспособлена къ жизни, а вовсе не потому только, что она хорошо задумана и изложена на бумагѣ или красиво выражена въ рѣчи! Въ виду этого нашего свойства, мы всегда спѣшимъ до крайности и тѣмъ уничтожаемъ смыслъ или, по крайней мѣрѣ, портимъ значеніе многихъ нашихъ реформъ. «Отзвонилъ и съ колокольни долой»!—таковъ девизъ всѣхъ нашихъ благоначинаній... У англичанъ первый фабричный законъ прошелъ въ 1802 году, и цѣлое пятидесятилѣтіе, примѣняя русское выраженіе, они толклись на одномъ мѣстѣ, приспособливаясь на разные лады къ урегулированію труда дѣтей, подростковъ и женщинъ, и даже возвращались къ этимъ вопросамъ еще и позднѣе. Въ результатѣ полустолѣтія работы получилось образцовое фабричное законодательство, пользующееся всеобщимъ уваженіемъ, въ высшей степени практичное, какъ для интересовъ высоко развитой англійской промышленности, такъ и для сохраненія народнаго здравія и поощренія народнаго образованія. Мы же, русскіе, обратно съ англичанами во всѣхъ случаяхъ стремимся поступать какъ дѣти и первымъ дѣломъ стараемся сломать новую игрушку, которую только что получили,—нельзя ли сдѣлать что-нибудь другое получше?! Едва въ 1882 г. завели въ Россіи первый законъ о работѣ малолѣтнихъ, какъ, не приведя его въ исполненіе, не приспособивши къ нему ни администрацію, ни фабрикантовъ, ни самыхъ постановленій (въ значительной степени до сихъ поръ недостающихъ), уже начали искажать и портить его разными вставками и уснащать добавленіями, одно другого важнѣе: напримѣръ, въ 1884 и 1885 гг. приняты ограниченія ночной работы, и затѣмъ немедленно же административнымъ путемъ, посредствомъ телеграммъ, безъ всякой узаконенной публикаціи, срокъ работы былъ измѣненъ и т. д. и т. д. Въ 1886 г., отъ 3 Іюня, прошелъ извѣстный намъ рабочій законъ (о взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ), который, обратно съ Англіей, у насъ слитъ съ фабричнымъ, а вслѣдъ затѣмъ вскорѣ же послѣдовали къ нему разныя дополненія и измѣненія безъ всякаго желанія провѣрки его приспособляемости и цѣлесообразности. Не по-

ступаемъ ли мы въ данномъ случаѣ совершенно по-дѣтски?!

4) Я прихожу, наконецъ, къ одному косвенному заключенію, которое не могу обойти молчаніемъ, ибо у многихъ читателей моихъ „Воспоминаній“ самъ собой будетъ напрашиваться извѣстный изъ нихъ выводъ. Навѣрное, многочисленныя темныя стороны нашей фабрично-инспекторской политики и петербургскаго законодательства, здѣсь нарисованныя, многіе готовы будутъ чуть ли не цѣликомъ приписать старому режиму, замѣненному нынѣ, къ благополучію страны, конституціонными формами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой выводъ какъ-будто напрашивается самъ собой при чтеніи настоящей книги: законы наши де, мало обдуманные, непрактичные, недостаточно взвѣшеные,—подлежатъ вліянію сильно заинтересованной стороны фабрикантовъ и подъ ихъ воздѣйствіемъ искажаются,—канцелярская волокита, бумажная отписка, гдѣ нужно часто живое слово,—все это больше или меньше зависитъ отъ старыхъ формъ нашей государственной жизни, сдаваемыхъ нынѣ въ архивъ, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, часть истины (но небольшая) имѣется въ этомъ объясненіи, и мнѣ весьма легко было бы свалить, къ удовольствію моихъ многочисленныхъ друзей и пріятелей изъ „ка-детовъ“, все зло и всѣ ошибки и заблужденія нашего фабрично-рабочаго законодательства, такъ же, какъ и несовершенства и самого фабричнаго быта, цѣликомъ на нашу старую государственную форму управленія страной: виновато-де во всемъ „самодержавіе“ — и баста; это такъ же легко и такъ же просто отыскать виновнаго, какъ монаху сослаться на чорта въ извѣстной баснѣ, когда его застали въ постъ за скоромной пищей!!... Къ сожалѣнію, сказать это—значило бы прямо и умышленно солгать, ибо всему есть мѣра и предѣлъ; несомнѣнно, старый режимъ виновенъ во многихъ грѣхахъ и проpухахъ нашего законодательства и нашего быта, но, несомнѣнно, въ то же время, какъ ни важны неблагопріятныя послѣдствія этого режима, многое у насъ въ Россіи шло дурно, идетъ и будетъ идти дурно, не отъ тѣхъ или иныхъ формъ государственнаго правленія (не отрицая ихъ значенія), а отъ свойствъ, нрава и качествъ дѣятелей, т. е. людей, населяющихъ нашу обширную страну. Наши старо-

давнія болѣзни, какъ бюрократизмъ, волокита, неисполненіе закона въ дѣйствительности, бумажное законодательство — встрѣчаются далеко вѣдь не у насъ однихъ. Характеръ чиновничьей организаціи дѣлопроизводства и отношенія правительственныхъ властей къ публикѣ во Французской республикѣ отличались и отличаются не меньшей бюрократичностью, нежели въ русской монархіи, а многозаконіе, т. е. изобиліе законодательныхъ нормъ, самое широкое вмѣшательство въ жизнь и полное притомъ неисполненіе и игнорированіе часто закона встрѣчаются въ великой Американской республикѣ, наперекоръ часто умышленному восхваленію г. Дайси, гораздо чаще и больше, нежели даже въ нашей „самодержавной" Россіи *).

Итакъ, не отрицая разнообразнаго и важнаго значенія государственныхъ формъ жизни, но также не впадая, подъ вліяніемъ господствующаго нынѣ у насъ революціоннаго угара въ преувеличеніе и возвеличеніе благотворнаго вліянія разныхъ конституціонно-демократическихъ формъ до значенія ихъ въ роли какого-то волшебнаго эликсира, цѣлебнаго противъ всѣхъ болѣзней, я прихожу къ твердому заключенію, что формы важны, но люди гораздо важнѣе, т. е. достоинства и цѣлесообразность всякихъ законовъ, въ томъ числѣ и фабричныхъ, и разумное, т. е. выгодное для большинства народа, устройство его быта зависятъ больше отъ качества самихъ людей, нежели отъ государственныхъ формъ; поэтому всегда и всюду надо при обсужденіи хода будущихъ событій и дѣлъ, въ какой бы то ни было странѣ, обращать вниманіе на умственный и нравственный подъемъ массы народа и на его культурность; это — главные фундаментальные столбы, на которыхъ покоится будущее каждой страны.

---

*) Профессоръ Schadwell въ своей новѣйшей книгѣ о промышленной производительности труда высказываетъ твердое убѣжденіе, что въ Соединенныхъ Штатахъ не только фабричные законы не соблюдаются во многихъ изъ нихъ, но что инспектора берутъ взятки!... Къ этому онъ добавляетъ, что въ нѣсколькихъ наиболѣе промышленныхъ изъ штатовъ совсѣмъ не существуютъ законы, регулирующіе фабрики, и что нѣтъ даже двухъ штатовъ, которые бы имѣли одни и тѣ же законы (?!).

См. «Industrial Efficiency» by Arthur Schadwell, vol. I, 1906 г., стр. 3, 14 и другія.

Если установленная нами выше исходная точка зрѣнія вѣрна, а для меня лично это не подлежитъ сомнѣнію, то, озирая умственнымъ окомъ исторію нашей несчастной родины за послѣдніе годы, мы видимъ замѣтное и повсемѣстное одичаніе у насъ нравовъ во всѣхъ классахъ народа, приниженіе и полную пріостановку дѣла народнаго образованія и духовнаго развитія и уничтоженіе плодовъ и безъ того скудной культуры, вмѣсто накопленія ихъ; при видѣ всего этого невольно являются опасенія и страхи за будущую судьбу родины, сжимается сердце и напрашивается тревожный вопросъ: не забыли ли мы, русскіе, и здѣсь чувства мѣры, платя слишкомъ дорого за полученный урокъ и новыя формы государственной жизни??!!..

Приложеніе.

Его Превосходительству

Вячеславу Константиновичу ФОНЪ-ПЛЕВЕ.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Профессора И. Янжула по поводу фабричнаго закона 3 Іюня 1886 года.

Исполняя желаніе Вашего Превосходительства, имѣю честь представить на Ваше усмотрѣніе свои соображенія и замѣчанія относительно фабричнаго закона, Высочайше утвержденнаго 3 Іюня 1886 года. Настоящія замѣчанія мои являются результатомъ четырехмѣсячной практики по приведенію означеннаго закона въ дѣйствіе, а поэтому, разумѣется, при недолговременномъ еще опытѣ, далеко не могутъ обхватывать всѣхъ сторонъ предмета. Нѣкоторые пропуски въ новомъ законѣ, которые могли обнаружиться лишь при его примѣненіи, нѣтъ сомнѣнія, будутъ пополнены въ подробныхъ правилахъ или о порядкѣ дѣлопроизводства въ Фабричныхъ Присутствіяхъ, или о порядкѣ дѣйствій чиновъ Фабричной Инспекціи, на которые указываетъ статья 14 Правилъ о Надзорѣ. Во всякомъ случаѣ я считаю себя некомпетентнымъ рѣшать вопросъ о наилучшемъ способѣ устранить тотъ или другой замѣченный пробѣлъ закона, а потому позволяю себѣ просто перечислить эти недостатки, насколько ихъ успѣла обнаружить практика, не задаваясь мыслью о томъ, какіе изъ нихъ удобнѣе исправить путемъ инструкціоннымъ, не выходя изъ предѣловъ полномочій по этому предмету двухъ Министерствъ, какіе же, наконецъ, лишь путемъ законодательнымъ, въ видахъ дополненія къ существующему закону.

Прежде всего изложу три важнѣйшихъ положенія общаго характера, заслуживающихъ особаго вниманія, въ интересахъ наиболѣе цѣлесообразнаго примѣненія новаго закона къ практикѣ.

Во-первыхъ. Статья 26 Правилъ о Надзорѣ, трактующая объ исчисленіи заработной платы на основаніи табелей и расцѣнокъ, не упоминаетъ объ обязанности предъявлять ихъ на утвержденіе или къ подписи Фабричному Инспектору. Точно также ст. 7, п. в), перечисляя различные фабричные документы, представляемые на разсмотрѣніе и утвержденіе инспектору, одинаково опускаетъ упомянуть о расцѣнкахъ или табеляхъ сдѣльной платы или мѣсячной. Между тѣмъ означенный пропускъ по многимъ причинамъ является вреднымъ для цѣлей выполненія закона 3 Іюня о взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и хозяевъ. По обязательнымъ постановленіямъ Московскаго Генералъ-Губернатора, съ 1 Апрѣля 1885 года и до вступленія въ силу новаго закона, т. е. до 1 Октября 1886 года, всѣ подобныя расцѣнки представлялись на утвержденіе мѣстной полицейской власти, и Московское по фабричнымъ дѣламъ Присутствіе въ первомъ же своемъ засѣданіи 2 Октября прошлаго года сочло выполненіе этой формальности настолько существеннымъ, что включило упоминаніе о представленіи расцѣнокъ инспектору въ образецъ новой разсчетной книжки, имъ утвержденной. Тѣмъ не менѣе, въ виду важности дѣла и болѣе прочнаго его обоснованія, весьма желательно было бы со стороны высшаго правительства разъясненіе въ смыслѣ обязательства представленія фабрикантами расцѣнокъ работъ инспектору для ихъ фиксированія по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) представленіе расцѣнокъ работъ, особенно сдѣльныхъ, безусловно необходимо для того, чтобы контролировать выполненіе фабрикантомъ ст. I п. 11 Правилъ о Наймѣ. Какъ извѣстно, пониженіе заработной платы различными способами до окончанія срочнаго договора всегда было однимъ изъ наиболѣе частыхъ поводовъ къ безпорядкамъ на фабрикахъ, между тѣмъ фабричный инспекторъ, не имѣя расцѣнки платы, ни вновь установленной, ни прежней, не можетъ, конечно, судить, исполняетъ ли фабрикантъ ст. 11-ю, воспрещающую ему пони-

жать плату раньше окончанія срока, или нѣтъ, и тѣмъ самымъ фактически лишенъ возможности принять своевременно мѣры къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній между фабрикантами и рабочими, къ чему инспекторъ обязывается между тѣмъ статьей 7, пунктомъ г) Правилъ о Надзорѣ.

2) На инспектора возлагается обязанность утвержденія штрафныхъ табелей, въ силу ст. 7 п. в) и ст. 34 Правилъ о Надзорѣ, высокіе размѣры которыхъ точно также часто ведутъ ко взаимнымъ неудовольствіямъ на фабрикахъ. Между тѣмъ инспекторъ безъ представленныхъ ему расцѣнокъ заработной платы не можетъ сколько-нибудь правильно судить и о значеніи размѣровъ предполагаемыхъ штрафовъ (напр., за неисправную работу, порчу и т. п.)—чрезмѣрны они или нѣтъ. Послѣднее представляетъ собой понятіе вполнѣ относительное и которое зависитъ именно отъ размѣровъ получаемой заработной платы на данной фабрикѣ и, слѣдовательно, не имѣя расцѣнки, инспекторъ утверждаетъ штрафныя табели совершенно ощупью, не имѣя ничего для своего руководства.

3) Штрафы за прогулъ, по статьѣ 32, назначаются для рабочихъ, получающихъ мѣсячную плату,—въ дняхъ заработка, для получающихъ задѣльную плату—въ рубляхъ. Между тѣмъ инспекторъ, не имѣя расцѣнки работъ, лишается возможности судить о томъ, выполнено ли означенное требованіе въ представляемой на его утвержденіе табели, или нѣтъ. Невыполненіе же этого требованія можетъ весьма существенно измѣнить въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый размѣръ наказанія, что противно цѣлямъ новаго закона, желающаго установить опредѣленность во взысканіяхъ и ограничить ихъ извѣстными точными предѣлами.

4) Изъ желанія присвоить въ свою пользу штрафы, поступающіе по новому закону, въ силу ст. 39, въ благотворительный фондъ для самихъ рабочихъ, нѣкоторые фабриканты придумали такую уловку съ цѣлью обхода прямого смысла закона: по уговору съ рабочими, они уменьшаютъ расцѣнку платы, положимъ, вмѣсто 3 р. за извѣстную работу даютъ 2 р. и, заявляя инспектору объ уничтоженіи якобы у себя на фабрикѣ штрафовъ, устанавливаютъ вмѣсто

нихъ награды; если рабочій исполнилъ извѣстную работу исправно, безъ всякихъ недостатковъ, фабрикантъ уплачиваетъ ему по расцѣнкѣ 2 р. за работу и 1 р. награды; если же нѣтъ, то рабочій получаетъ всего 2 рубля, а тотъ рубль, которому слѣдовало поступить въ штрафной капиталъ, фабрикантъ беретъ въ свой карманъ; понятно, что о такой уловкѣ опять-таки инспекторъ не можетъ узнать иначе, какъ при условіи регулярнаго представленія ему расцѣнокъ заработной платы.

Во-вторыхъ. Весьма важно опредѣлить, хотя бы въ инструкціонномъ порядкѣ, что принесеніе жалобы на распоряженіе инспекціи или, по крайней мѣрѣ, Присутствія не пріостанавливаетъ выполненія самаго распоряженія, напримѣръ, въ нѣсколькихъ случаяхъ фабриканты приносили жалобу на инспекцію за тѣ или другія измѣненія, которыя инспекція требовала въ ихъ Правилахъ Внутренняго Распорядка или табеляхъ взысканій. Присутствіе утверждало распоряженіе инспектора, фабрикантъ переносилъ жалобу къ Министру Финансовъ и, такимъ образомъ, проходятъ мѣсяцы, и фабрика существуетъ безъ Правилъ Внутренняго Распорядка, и штрафы взимаются произвольно, безъ утвержденныхъ табелей, пока, наконецъ, черезъ болѣе или менѣе продолжительное время дѣло не рѣшится окончательно въ Министерствѣ. Очевидно, такой порядокъ можетъ во многихъ случаяхъ привести къ неудовольствіямъ между рабочими, а, кромѣ того, принесеніе жалобы является для каждаго догадливаго фабриканта легкимъ способомъ удержать существующій порядокъ на фабрикѣ, какъ бы онъ незаконенъ ни былъ, еще на нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ-третьихъ. Благодаря участію двухъ членовъ Мануфактурнаго Совѣта въ Фабричномъ Присутствіи, какъ указалъ опытъ четырехъ мѣсяцевъ, всякое предложеніе инспектора, въ той или другой степени задѣвающее интересы фабрикантовъ, какъ бы само по себѣ это предложеніе ни было законно, непремѣнно встрѣчаетъ съ ихъ стороны противодѣйствіе. Потому всегда возможна, если голосъ предсѣдателя примыкаетъ къ мнѣнію членовъ Мануфактурнаго Совѣта, такая комбинація голосовъ, при которой предложеніе инспектора остается

въ меньшинствѣ. Въ виду этого обстоятельства, могущаго часто существенно тормозить дѣло, весьма желательно предоставленіе инспектору права протеста на постановленіе большинства въ Министерство на его окончательное рѣшеніе. Если фабрикантъ имѣетъ право обжаловать рѣшеніе большинства Присутствія, то было бы странно лишить того же самаго права инспектора.

За этими тремя наиболѣе, по моему мнѣнію, заслуживающими вниманія общими соображеніями по поводу новаго закона, я перехожу къ частнымъ замѣчаніямъ на отдѣльныя статьи его, излагая ихъ въ томъ порядкѣ и послѣдовательности, въ какомъ онѣ содержатся въ самомъ законѣ.

Правила о наймѣ.

Ст. I п. 7 предоставляетъ хозяину право отмѣчать въ разсчетныхъ книжкахъ всѣ дѣлаемые съ рабочаго по условію вычеты за прогулъ и причиненіе вреда хозяину. Правила о Надзорѣ далѣе не упоминаютъ уже о такихъ вычетахъ по даннымъ поводамъ, а лишь о взысканіяхъ, идущихъ, по ст. 39, въ благотворительный фондъ, а не въ пользу хозяевъ. Спрашивается: употреблено ли въ данной статьѣ слово „вычетъ" въ этомъ же смыслѣ (т. е. взысканія), или же статья эта относится ко всѣмъ губерніямъ, кромѣ тѣхъ, которыя, въ силу ст. I п. 22, имѣютъ фабричное присутствіе, т. е., другими словами, во всѣхъ губерніяхъ Россіи, кромѣ Московской, Владимірской и Петербургской, п. 7 дозволяетъ хозяевамъ заключать условія съ рабочими о вычетахъ въ свою пользу за прогулъ и причиненіе вреда, противоположно со ст. 39-й, имѣющей примѣненіе лишь въ трехъ сказанныхъ губерніяхъ? Весьма желательно было бы выяснить точный смыслъ этой статьи, въ настоящей ея редакціи ведущей къ недоразумѣніямъ.

Ст. I пп. 9, 10, 11, 12. Статья 9 упоминаетъ о трехъ способахъ найма на срокъ: а) опредѣленный, б) неопредѣленный, в) на время исполненія какой-либо работы. Между тѣмъ статья 12, говоря о выдачѣ заработной платы, упоминаетъ лишь о первыхъ двухъ срокахъ и, такимъ образомъ, остается неизвѣстнымъ, какъ часто должна производиться

расплата съ рабочими, нанятыми для исполненія какой-либо работы, а точно также неизвѣстно, и какихъ именно рабочихъ здѣсь законъ разумѣетъ подъ буквой в) пункта 9 статьи I. Если рабочихъ подъ буквой в) п. 9 считать нанятыми на срокъ опредѣленный, то тогда выдача платы должна совершаться не рѣже одного раза въ мѣсяцъ; если же на срокъ неопредѣленный—два раза въ мѣсяцъ; если, наконецъ, принять во вниманіе лишь окончаніе самой работы, для которой онъ нанятъ, то въ данномъ случаѣ будетъ полнѣйшій произволъ и разнообразіе не только на разныхъ производствахъ, но и на одной и той же фабрикѣ, такъ какъ разныя работы могутъ продолжаться нѣсколько дней и до многихъ мѣсяцевъ, а въ послѣднемъ случаѣ, благодаря такому толкованію, хозяинъ сочтетъ себя въ правѣ не платить рабочему по нѣсколько мѣсяцевъ (нѣкоторые сорта парчи вырабатываются по аршину въ день, другіе—не болѣе вершка въ день, а, слѣдовательно, кусокъ—около полугода). Затѣмъ спрашивается: рабочіе, которыхъ разумѣетъ буква в) въ п. 9, проводятъ часто всю свою жизнь безсходно у одного и того же хозяина, какъ напр., ткачи, не пользуясь по разнообразнымъ причинамъ обычнымъ правомъ уйти послѣ „срѣзки": не могутъ ли они считаться поэтому нанятыми на срокъ неопредѣленный, и согласно тому, не требуется ли и для нихъ двухнедѣльное предупрежденіе объ отказѣ отъ работы или измѣненіе въ условіи?

Ст. I п. 15. Желательно выяснить эту статью болѣе точнымъ указаніемъ, запрещается ли при производствѣ рабочимъ платежей дѣлать вычеты на уплату ихъ долговъ, кромѣ указанныхъ въ законѣ, кому бы то ни было или только постороннимъ лицамъ? Дѣло въ томъ, что у насъ чрезвычайно распространенъ въ нѣкоторыхъ производствахъ обычай задатковъ или выдачи денегъ впередъ, иногда въ размѣрахъ весьма значительныхъ; имѣетъ ли право хозяинъ вычесть эти деньги у рабочаго или нѣтъ? Измѣнить этотъ порядокъ однимъ предписаніемъ закона крайне трудно: наемъ рогожниковъ, торфяниковъ, кирпичниковъ основывается на весьма крупныхъ задаткахъ и запретить вычеты этихъ денегъ въ данныхъ производствахъ практически немыслимо.

Между тѣмъ одно изъ этихъ производствъ—торфяное—очень часто ведетъ къ волненіямъ рабочихъ. Что же должна дѣлать въ данномъ случаѣ инспекція по примѣненію ст. I пункта 15?

Ст. I п. 17 воспрещаетъ взиманіе съ рабочихъ платы между прочимъ за освѣщеніе мастерскихъ и за пользованіе инструментами. Желая обойти эту статью, нѣкоторые фабриканты прекратили вычеты съ рабочихъ за освѣщеніе и за орудія производства (напр. челноки и т. п.), но зато обязали рабочихъ имѣть ихъ отъ себя и за свой собственный счетъ. Московское Фабричное Присутствіе, считая такую уловку незаконной, поручило инспекціи преслѣдовать таких нарушителей; но весьма желательно было бы имѣть отъ высшаго правительства санкцію такого толкованія означенной статьи закона, а равно и разъясненіе, относится ли означенная статья (17-ая) хотя и къ постояннымъ рабочимъ на фабрикѣ, но къ такъ называемымъ „мастеровымъ", какъ столяры, токари, плотники, которые всегда и вездѣ имѣли инструменты (топоры, пилы и т. п.) отъ себя, а не отъ хозяина?

Ст. I п. 19 з) устанавливаетъ возможность прекращенія договора вслѣдствіе пріостановки работы на продолжительное время, благодаря несчастному случаю. Уже не одинъ разъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ мнѣ приходилось рѣшать вопросъ, вслѣдствіе просьбъ самихъ фабрикантовъ, считать ли тотъ или иной срокъ продолжительнымъ настолько, чтобы онъ давалъ право уничтожить договоръ. Очевидно, для устраненія всякаго въ этомъ случаѣ произвола, желательно опредѣлить точнѣе понятіе „продолжительное время" и затѣмъ имѣетъ ли право хозяинъ, вслѣдствіе подобнаго несчастья въ одномъ зданіи фабрики, напр., въ прядильномъ, положимъ, отъ взрыва паровика, прекратить работу и въ ручномъ ткацкомъ корпусѣ, гдѣ никакого несчастья не произошло, но производство котораго косвенно находится въ зависимости отъ перваго?

Ст. I п. 20 в) вызываетъ крайне произвольныя толкованія и нерѣдко неудовольствія рабочихъ, которыя было бы желательно предупредить болѣе точнымъ разъясненіемъ, ка-

кого именно рода дѣйствія рабочихъ можно считать угрожающими имущественнымъ интересамъ фабрики или личной безопасности, такъ какъ уже замѣчено, что хозяева часто злоупотребляютъ этимъ поводомъ съ цѣлью просто прикрыть фабрику при дурномъ ходѣ торговыхъ дѣлъ, не дожидаясь окончанія длиннаго договорнаго срока.

Правила о надзорѣ.

Ст. 7 п. г) возлагаетъ на инспекцію принятіе мѣръ къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній между фабрикантами и рабочими путемъ изслѣдованія на мѣстѣ возникшихъ неудовольствій и миролюбиваго соглашенія сторонъ; въ силу этой статьи инспекція обязана, въ случаѣ полученія ею извѣстія черезъ полицію или инымъ путемъ о нарушеніяхъ на фабрикѣ закона 3 Іюня, которыя настолько существенны, что могутъ породить между фабрикантами и рабочими недоразумѣнія, немедленно отправиться на фабрику для изслѣдованія этого дѣла на мѣстѣ и миролюбиваго прекращенія. Но законъ 3-го Іюня, возлагая такую обязанность на инспекторовъ, не измѣняетъ существующій судебный порядокъ разбора взаимныхъ споровъ и исковъ между хозяевами и рабочими, по которому всѣ эти иски и споры должны вѣдаться въ мировыхъ учрежденіяхъ въ общегражданскомъ порядкѣ. Между тѣмъ за послѣдніе четыре мѣсяца инспекція буквально осаждается отдѣльными рабочими, подающими письменныя жалобы или заявляющими словесныя неудовольствія на неправильный, по ихъ заявленію, разсчетъ со стороны хозяевъ. Въ виду такого по многимъ причинамъ нежелательнаго направленія жалобъ отдѣльныхъ лицъ къ инспектору, лишенному возможности и права ихъ разбирать въ отдѣльности, я уже обращался своевременно къ Московскому Оберъ-Полицеймейстеру для должнаго разъясненія по этому предмету чинамъ полиціи, присылавшимъ ко мнѣ рабочихъ, и не могу не высказаться въ настоящее время о крайней необходимости болѣе точнаго разъясненія пункта г) статьи 7-й Правилъ о Надзорѣ, исключающаго возможность безцѣльнаго

единичнаго обращенія рабочихъ къ инспектору, лишенному власти помимо суда разсматривать подобныя дѣла.

Ст. 28 устанавливаетъ право инспекторскаго контроля фабричныхъ лавокъ и притомъ двумя способами: во-первыхъ, инспекторъ даетъ разрѣшеніе на открытіе этихъ лавокъ и, во-вторыхъ, утверждаетъ росписаніе предметовъ, продаваемыхъ изъ лавокъ. Здѣсь многія стороны вопроса возбуждаютъ недоумѣнія. Прежде всего, требуется ли разрѣшеніе фабричной инспекціи для открытія при фабрикахъ всѣхъ вообще лавокъ или только тѣхъ, которыя открылись дѣйствіемъ послѣ 1 Октября 1886 года; затѣмъ, утверждается ли инспекціей лишь голое росписаніе цѣнъ предметовъ, продаваемыхъ изъ фабричной лавки, какъ это толкуютъ нѣкоторые фабриканты, или такса ихъ, т. е. перечень продаваемыхъ предметовъ, съ указаніемъ цѣнъ каждаго, какъ это было до сихъ поръ въ Московской губерніи, по обязательнымъ постановленіямъ Генералъ-Губернатора съ 1 Апрѣля 1885 года?? Что касается до моего мнѣнія, то я полагаю, что, такъ какъ злоупотребленія на фабрикахъ, вызываемыя лавками, обусловливались, главнѣйшимъ образомъ, отпускомъ въ кредитъ, который велъ къ задолженности рабочихъ, къ поглощенію всего ихъ заработка, то на этотъ пунктъ, главнѣшимъ образомъ, и должно быть обращено вниманіе, т. е., согласно ст. 15 Правилъ о Надзорѣ и указаніямъ, даннымъ въ объяснительной запискѣ, при которой новый законъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. въ фабричныхъ лавкахъ должны продаваться только предметы необходимости и притомъ по цѣнѣ отнюдь недорогой; но такъ какъ по ст. 28 лавки эти допускаются одинаково для фабричныхъ служащихъ и рабочихъ, которыхъ между тѣмъ уровень потребностей весьма различенъ, то единственный способъ согласовать здѣсь букву закона съ его духомъ значитъ допустить продажу въ кредитъ лишь необходимѣйшихъ предметовъ потребленія для рабочихъ, предоставляя фабрикѣ продавать, въ цѣляхъ удовлетворенія бóльшихъ потребностей служащихъ, какіе хочетъ иные предметы, но подъ условіемъ наличнаго за нихъ разсчета. Безъ всякаго сомнѣнія, если бы законъ совершенно запретилъ отпускъ въ кредитъ изъ фабричныхъ лавокъ, то одинъ изъ глав-

15*

нѣйшихъ поводовъ къ фабричнымъ безпорядкамъ немедленно бы прекратился, такъ какъ вынуждаемые конкуренціей фабриканты были бы обязаны продавать изъ своихъ лавокъ по цѣнѣ недорогой и притомъ разсчитываться съ рабочими часто и аккуратно.

Ст. 31. Желательно было бы выяснить многія стороны вопроса, представленнаго въ этой статьѣ. Во-первыхъ, допустимо ли заключеніе договоровъ хозяевъ съ рабочими о личномъ возмѣщеніи за причиненный вредъ и убытки со стороны рабочихъ, на что нѣкоторые фабриканты, руководствуясь статьей 2233 т. X ч. I, предъявляли свое будто бы право, вопреки очевиднымъ цѣлямъ новаго закона, желающаго отнять у хозяевъ своекорыстный стимулъ при наложеніи взысканій и противно прямому смыслу статьи 39-й Правилъ о Надзорѣ? Во-вторыхъ, можно ли считать неисправной работой „утрату“ инструментовъ или матеріаловъ, принадлежащихъ хозяину, напр., такъ называемый „угаръ“ шелка или золота въ шелковомъ или канительномъ производствѣ, битье стеколъ въ окнахъ и т. п.? Не справедливо ли въ данномъ случаѣ, помимо штрафа, предоставить хозяину въ извѣстныхъ предѣлахъ и по таксѣ дѣлать вычеты для личнаго возмѣщенія причиненнаго вреда?

Ст. 32. Сопоставляя взысканія за прогулъ для лицъ, получающихъ мѣсячную плату и задѣльную, слѣдуетъ заключить, что взысканія для первой категоріи рабочихъ должны не превышать дневного заработка за день прогула и трехъ дней взысканія—за три дня прогула. Важно было бы со стороны высшаго правительства, въ виду допускаемаго въ этомъ отношеніи произвола, точно установить толкованіе данной статьи о размѣрахъ взысканія. Указанный размѣръ штрафа примѣняется на огромномъ большинствѣ московскихъ фабрикъ.

Ст. 33. Въ числѣ перечисленныхъ нарушеній порядка помѣщено „непослушаніе“, допускающее самое широкое толкованіе, и подъ которое можно подвести любое нарушеніе, не смотря на прямой смыслъ въ ст. 30, что „никакія взысканія не могутъ быть налагаемы по другимъ поводамъ“. Одна изъ фабрикъ подвела подъ графу „непослушаніе“ до

шестидесяти различныхъ поводовъ наказанія, другая—*тридцать четыре*; очевидно отсюда, что если не ограничить понятіе „непослушаніе“ единичнымъ фактомъ неповиновенія словесному приказанію хозяина или кого-либо изъ служащихъ, то необходимо отказаться отъ надежды сколько-нибудь упорядочить взысканія съ рабочихъ и существующій при этомъ произволъ, чѣмъ задался, между прочимъ, новый законъ.

Ст. 35. Согласно ей, всѣ взысканія въ общей сложности не должны превышать трети заработка, дѣйствительно причитающагося рабочему къ установленному сроку расплаты. Но спрашивается: разумѣется ли здѣсь этотъ заработокъ съ вычетомъ харчей или безъ него, что дѣлаетъ весьма существенную разницу? Точно также было бы важно для вопроса штрафовъ знать, считать ли рабочій мѣсяцъ въ тридцать дней, или лишь въ двадцать четыре, какъ это принято на большинствѣ фабрикъ?

Ст. 40. За неправильное веденіе разсчетной книжки завѣдующій фабрикой подвергается извѣстному взысканію за каждое нарушеніе, а въ случаѣ совокупности нарушеній—суммѣ слѣдуемыхъ за нихъ взысканій. Спрашивается, подъ послѣдними словами нужно понимать каждую отдѣльную книжку и сумму слѣдуемыхъ за нихъ взысканій черезъ перемноженіе взысканія на число рабочихъ, или же взысканіе назначается за каждую отдѣльную неправильность, замѣченную въ разсчетной книжкѣ, и законъ разумѣетъ здѣсь совокупность взысканій за всѣ эти отдѣльныя неправильности?

Представляя всѣ вышеперечисленныя замѣчанія на усмотрѣніе Вашего Превосходительства, имѣю честь въ заключеніе добавить, что я въ моей запискѣ далеко не успѣлъ охватить всѣхъ сторонъ закона, которыя на практикѣ по тому или другому поводу вызвали недоумѣніе и потребность разъясненія, и старался изложить здѣсь свои замѣчанія съ возможной сжатостью и краткостью, готовый, если Вамъ будетъ угодно, дать болѣе подробныя объясненія по отдѣльнымъ сторонамъ дѣла.

Мартъ 1887 г. Москва.